

B 15545₁₁ U

25

Ux I.

Nuis 5.

N° 36.

+

307
61

*Въ книжныхъ магазинахъ: Смирдина, Сле-
нина и братьевъ Глазуновыхъ продаются
слѣдующія книги:*

МИРГОРОДЪ.

П О В Ъ С Т И,

служащая продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки.

соч. Н. ГОГОЛЯ.

Цѣна за обѣ части 12 руб.

АРАБЕСКИ.

ПОВѢСТИ И РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Н. ГОГОЛЯ.

Цѣна за обѣ части 12 руб.

За пересылку каждой книги 1 руб.

ВЕЧЕРА

НА ХУТОРЪ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

В 15545 1/2 И.

ВЕЧЕРА

НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

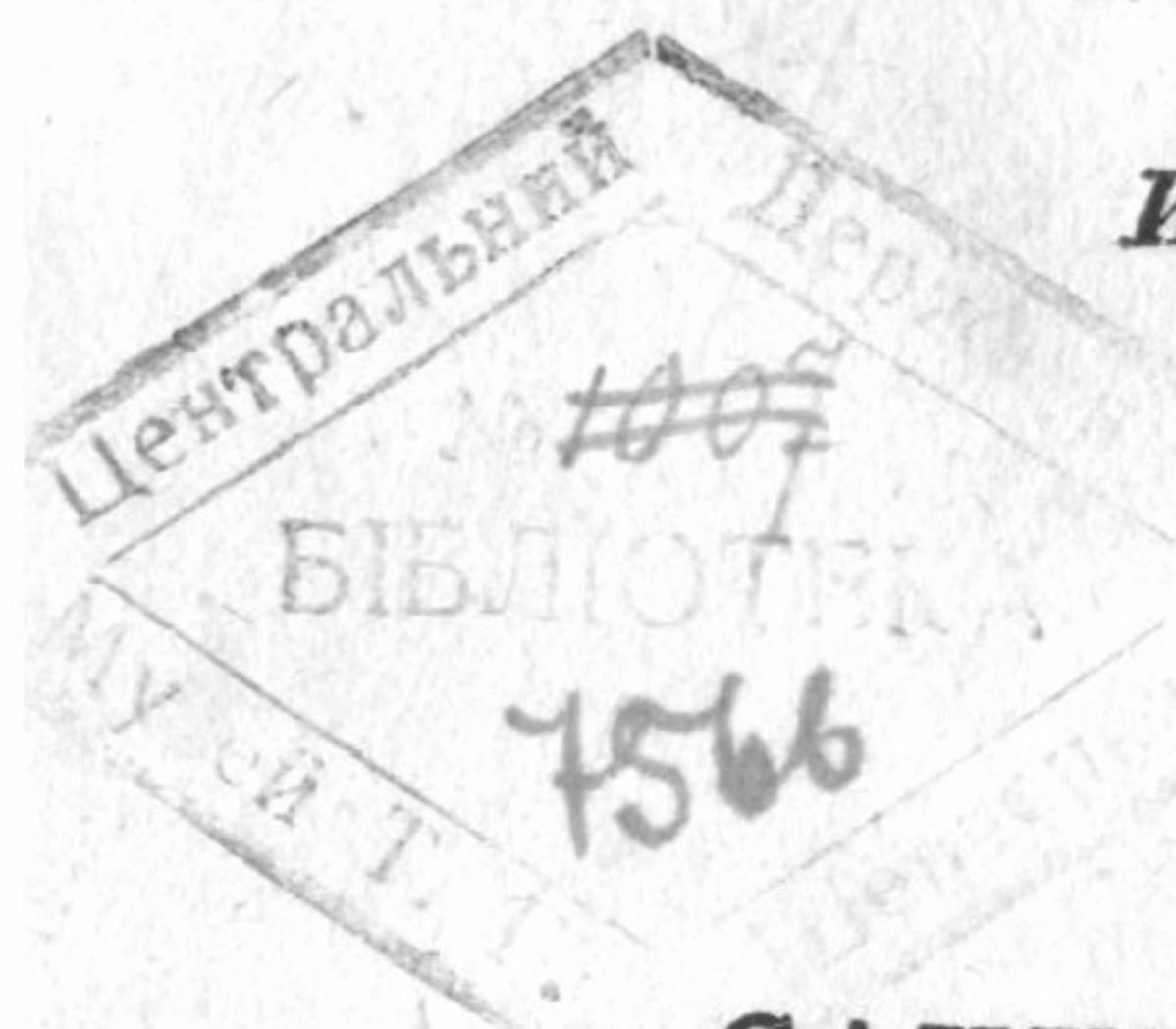
ПОВѢСТИ,

ИЗДАНЫЯ

Писичникомъ Рудымъ Панькомъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издание второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ шѣмъ чшобы, по напечатаніи, предспавлены были
въ Ценсурный Комишешъ при экземпляра.

С. Пешербургъ, 10 Ноября 1834 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

» Это что за невидаль: Вечера на хуторъ близъ Диканьки? Что это за везера? И швырнулъ въ свѣтъ какой-то пасижникъ! Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякаго званія и зброду, вымарали пальцы въ тернилахъ! Дернула же охота и Пасижника, потащиться всльдъ за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть въ нее.»

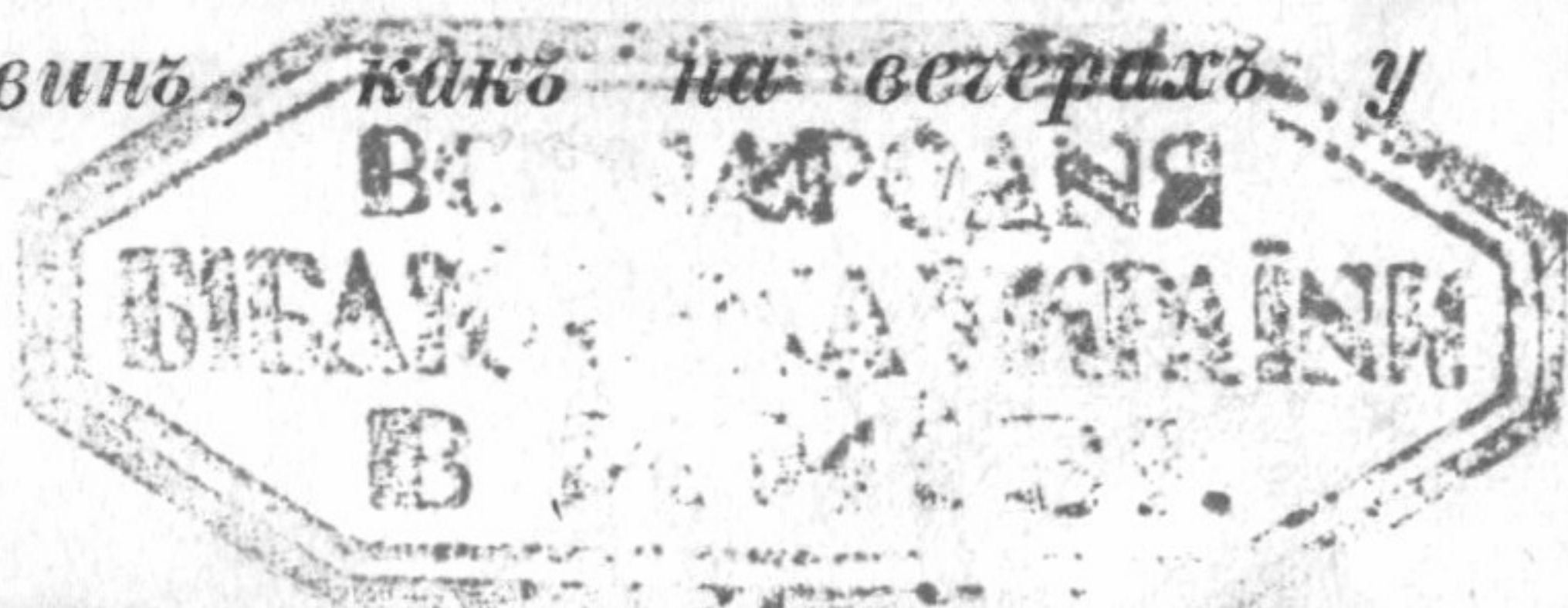
Слышало, слышало вѣщее мое всть эти рѣчи еще за мѣсяцъ! То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть носъ изъ своего захолустья въ большой свѣтъ — батюшки мои! — Это все равно, какъ слугается, иногда зайдешь въ покои великаго пана: всть обступятъ тебя и пойдутъ дурачить. Еще бы низего, пусть уже высшее лакейство, нѣтъ, какойнибудь

оборвавшийся мальчишка, посмотреть — дрянъ, который копаётся на заднемъ дворъ, и тотъ пристанетъ; и нагнутъ со встьхъ сторонъ притопывать ногами. » Куда, куда, зачьмъ? пошолъ мужикъ, пошолъ! . . . « Я вамъ скажу Да что говорить! Мнѣ легче два раза въ годъ съѣздить въ Миргородъ, въ которомъ, вотъ уже пять лѣтъ, какъ не видалъ меня ни подсудокъ изъ Земскаго Суда, ни позѣнный Терей, чѣмъ показаться въ этотъ великой свѣтъ. А показался — плачь, не плачь, давай ответъ:

У насъ, мои любезные читатели, не во гнѣвъ будь сказано (вы можете быть и разсердитесь, что Пасижникъ говоритъ вамъ запросто, какъ будто какому нибудь свату своему, или куму), у насъ, на хуторахъ, водится издавна: какъ только окончатся работы въ полѣ, мужикъ залъзетъ отдыхать на всю зиму на пѣчь, и нашъ братъ припряжетъ своихъ пчелъ въ темный погребъ, когда, ни журавлей на небѣ, ни грушъ на деревѣ не увидите болѣе, тогда, только вѣтеръ, уже навѣрно гдѣ нибудь въ концѣ улицы брежжетъ огонекъ, смѣхъ и

пѣсни слышатся издалега, брэнжитъ бала-
лайка, а подѣ гасѣ и скрыпка, говорѣ,
шумѣ... Это у насѣ вечерницы! Они, из-
волите видѣть, они похожи на ваши балы;
только нельзя сказать, чтобы совстьмѣ.
На балы если вы ѣдете, то именно для
того, чтобы повертѣть ногами и позѣ-
вать въ руку; а у насѣ, соберется въ одну
хату толпа двѣушекѣ совстьмѣ не для балу,
сѣ веретеномѣ, сѣ гребнями; и сначала,
будто и дѣломѣ займутся: веретена шу-
мятъ, льются пѣсни, и каждая не поды-
метѣ и глазѣ въ сторону; но только на-
грянутѣ въ хату парубки сѣ скрыпачемѣ —
подымется крикѣ, затѣется шаль, пой-
дутѣ танцы и заведутся такія штуки,
что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются встѣ
въ пѣсную куѣку, и пустятся загадывать
загадки, или просто, нести болтовню.
Боже ты мой! Чего только не расска-
жутѣ! Откуда старины не выкопаютѣ!
Какихѣ страховѣ не нанесутѣ! Но нигдѣ,
можетѣ быть, не было рассказываемо
столько диковинѣ, какѣ на вѣчеряхѣ у

Пасицника Рудаго Панька. За што меня мѣряне прозвали Рудымъ Панькомъ — ей Богу, не умлю сказать. И волосы, кажется, у меня теперь больше сѣдые, чемъ рыжіе. Но у насъ, не извольте гнѣваться, такой обычай: какъ дадутъ кому люди какое прозвище, то и во вѣки вѣковъ останется оно. Бывало соберутся, накануне праздничнаго дня, добрые люди, въ гости, въ Пасицникову лагужку, усядутся за столъ, — и тогда прошу только слушать. И то сказать, што люди были вовсе не простаго десятка, не какіе нибудь мужики хуторянскіе. Да, можетъ, иному и повыше Пасицника, сдѣлали бы гестъ посьщеніемъ. Вотъ напримѣръ, знаете ли вы Дьяка Диканьской церкви, Оому Григорьевича? Эхъ голова! Что за исторіи умль онъ отпускатъ! Дѣтъ изъ нихъ найдете въ этой книжкѣ. Онъ никогда не носилъ пестряеваго халата, какой встрѣтите вы на многихъ деревенскихъ дьякахъ; но заходите къ нему и въ будни, онъ васъ всегда приметъ въ тонкомъ суконномъ балахонѣ, цѣтцу застуженаго

картофельнаго киселя, за которое платилъ онъ въ Полтавѣ, тутъ не по шести рублей за аршинъ. Отъ сапогъ его, у насъ никто не скажетъ на цѣломъ хуторѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя; но всякому извѣстно, что онъ чистилъ ихъ самымъ лучшимъ смальцемъ, какого, думаю, съ радостью иной мужикъ положилъ бы себѣ въ кашу. Никто не скажетъ также, чтобы онъ когда либо утиралъ носъ полою своего балахона, какъ то дѣлаютъ иные люди его званія; но вынималъ изъ пазухи опрятно сложенный, бѣлый платокъ, вышитый по вѣстамъ краямъ красными нитками, и исправивши это слѣдуетъ, складывалъ его снова, по обыкновенію, въ двѣнадцатую долю, и пряталъ въ пазуху. А одинъ изъ гостей... Ну, тотъ уже былъ такой Паничъ, что хоть сейчасъ нарядить въ застѣдательи, или подкоморіи. Бывало поставитъ передъ собою палецъ и глядя на конецъ его, пойдетъ рассказывать — выгурно, да хитро, какъ въ печатныхъ книжкахъ! Иной разъ слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападетъ. Низего, хоть убей,

не понимаешь. Откуда онъ словъ понабрался такихъ! Оома Григорьевичъ разъ ему на счетъ этого славную сплелъ присказку: онъ рассказалъ ему, какъ одинъ школьникъ, ужившійся у какого-то Дьяка грамотъ, пріѣхалъ къ отцу, и сталъ такимъ латыньщикомъ, что позабылъ даже нашъ языкъ православный. Всть слова своразиваетъ на усъ. Лопата, у него лопатусъ; баба, бабусъ. Вотъ, случилось разъ, пошли они влъсть съ отцомъ въ поле. Латыньщикъ увидѣлъ грабли и спрашиваетъ отца: » Какъ это, батъку, по вашему называется? « да и наступилъ, разинувши ротъ, ногою на зубцы. Тотъ не успѣлъ собратъся съ отвѣтомъ, какъ ружка размахнувшись поднялась и — хватъ его по лбу. » Проклятые грабли! « закричалъ школьникъ, ухватясь рукою за лобъ и подскозивши на аршинъ: » какъ же онъ, горъ бы стихнулъ съ мосту отца ихъ, больно бьются! « Такъ вотъ какъ! Припомнилъ и иля, голубчикъ! — Такая присказка не по душъ пришлась затъймивому рассказику. Не говоря ни слова, всталъ онъ съ мъста, разставилъ ноги свои по

середине комнаты, нагнул голову немного вперед, засунул руку в задний карман горохового кафтана своего, вытащил круглую под лаком табакерку, щелкнул пальцем по намалеванной роже какого-то бусурманскаго генерала и захвативши немалую порцію табаку, растертаго съ золою и листьями любистка, поднесъ ее коромысломъ къ носу, и вытянул носомъ на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большаго пальца, — и все ни слова; да какъ пользъ в другой карманъ и вынулъ синій въ клеткахъ бумажный платокъ, тогда только проворгалъ про себя, тутъ ли еще не поговорку: » не мечише бисера передъ свиньями . . . « Быть же теперь ссоръ, подумалъ я, замлътивъ, что пальцы у Оолы Григорьевича такъ и складывались, дать дулю. Къ счастью, старуха моя догадалась поставить на столъ горячій блинъ съ масломъ. Встъ принялись за дъло. Рука Оолы Григорьевича, вмъсто того, чтобъ показать блинъ, протянулась къ книшю и, какъ всегда водится, нагали прихваливать мастерицу хозяйку. Еще былъ у насъ одинъ

разскащикъ; но тотъ (нѣзего бы къ ногѣ и вспоминать о немъ) такія выкапывалъ страшныя исторіи, что волосы ходили по головѣ. Я нарочно и не помѣщалъ ихъ сюда. Еще напугаешь добрыхъ людей такъ, что Пасизника, прости Господи, какъ зор-та встѣ станутъ бояться. Пусть лучше какъ доживу, если дастъ Богъ, до Новаго году и выпущу другую книжку, тогда можно будетъ постращать выходцами съ того свѣта и дивами, какія творились въ старину, въ православной сторонѣ нашей. Межъ ними, статья можетъ, найдете побасенки самого Пасизника, какія разсказывалъ онъ своимъ внукамъ. Лишь бы слушали, да читали, а у меня пожалуй, льнь только проклятая рыться, наберется и на десять такихъ книжекъ.

Да, вотъ было и позабылъ самое главное: Какъ будете, господа, ѣхать ко мнѣ, то прямехонько берите путь по столбовой дорогѣ, на Диканьку. Я нарочно и выставилъ ее на первомъ листкѣ, чтобы скорѣе добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслушались вдоволь.

XIII

И то сказать, что тамъ долъ познше ка-кого нибудь Пасиѣникова куреня. А про садъ и говоритъ нѣзего : въ Петербургъ вашемъ вѣрно не сыщете такого. Прѣхавши же въ Диканьку, спросите только перваго попавшагося на встрѣгу мальчишку, пасущаго въ запажканной рубашкѣ гусей : »А гдѣ живетъ Пасиѣникъ Рудый Панько?« »А вотъ тамъ! « скажетъ онъ, указавши пальцомъ, и если хотите, доведетъ васъ до самаго хутора. Прошу однако жъ не слишкомъ закладывать назадъ руки и, какъ говорится, финтить, потому, что дороги по хуторамъ нашимъ не такъ гладки, какъ передъ вашими хоромами. Оома Григорьевичъ, третьяго году, прѣзжая изъ Диканьки, понавѣдался таки въ провалъ съ новою таратайкою своею и гнѣдою кобылою, не смотря на то, что самъ правилъ и что сверхъ своихъ глазъ надѣвалъ по временамъ еще покупные.

За то уже, какъ пожалуете въ гости, то дынь подадимъ такихъ, какихъ вы отроду, можетъ быть, не тѣли; а меду, и забожусь, лучшаго не сыщете на хуторахъ :

Представьте себѣ, что какъ внесешь сотъ— духъ пойдетъ по всей-комнатѣ, вообразить нельзя, какой: густъ, какъ слеза, или хрусталь дорогой, что бываетъ въ серьгахъ. А какими пирогами накормитъ моя старуха! Что то за пироги, если бѣ вы только знали: сахаръ, совершенный сахаръ! А масло, такъ вотъ и течетъ по губамъ, когда нагнешь густъ. Подумаешь право: на что не мастерицы эти бабы! Шили ли вы когда либо, господа, грушовый квасъ съ терновыми ягодами, или варенуху съ изюмомъ и сливами? Или, не слугалось ли вамъ, подѣ гасъ, густъ пупрю съ молокомъ? Боже ты мой, какихъ на свѣтъ нѣтъ кушаньевъ! Станешь густъ — обѣяденъе, да и полно. Сладость не описанная! Прошлаго года . . . Однако жѣ, что я въ самомъ дѣлѣ разболтался? . . . Пріѣзжайте только, пріѣзжайте поскорѣй; а накормимъ такъ, что будете рассказывать и встрѣчному, и поперечному.

Пасичникъ Рудый Панько.

На всякій случай, чтобы не помянули меня недобрыми словами, выписываю сюда, по азбучному порядку, тѣ слова, которыя въ книжкѣ этой не всякому понятны.

Бандура,	инструментъ, родъ гитары.
Башогъ,	кнушь.
Болячка,	золошуха.
Бондарь,	бочарь.
Бубликъ,	круглый крендель, баранчикъ.
Бурякъ,	свекла.
Буханецъ,	небольшой хлѣбъ.
Винница,	винокурня.
Галушки,	клѣцки.
Голодрабецъ,	бѣднякъ, бобыль.
Гопакъ,	} Малороссійскіе панцы.
Горлица,	
Дивчина,	дѣвушка.
Дивчаша,	дѣвушки.
Дижá,	кадка.
Дрибушки,	мѣлкія косы.
Домовина,	гробъ.
Дуля,	шишь.
Дукáшъ,	родъ медали, носится на шеѣ.
Знахоръ,	многознающій, ворожея.
Жінка,	жена.
Жупанъ,	родъ кафшана.
Каганецъ,	родъ свѣпильни.
Клѣпки,	выпуклыя дощечки, изъ коихъ составлена бочка.
Книшь,	родъ печенаго хлѣба.
Кобза,	музыкальный инструментъ.
Комора,	амбаръ.
Корабликъ,	головной уборъ.

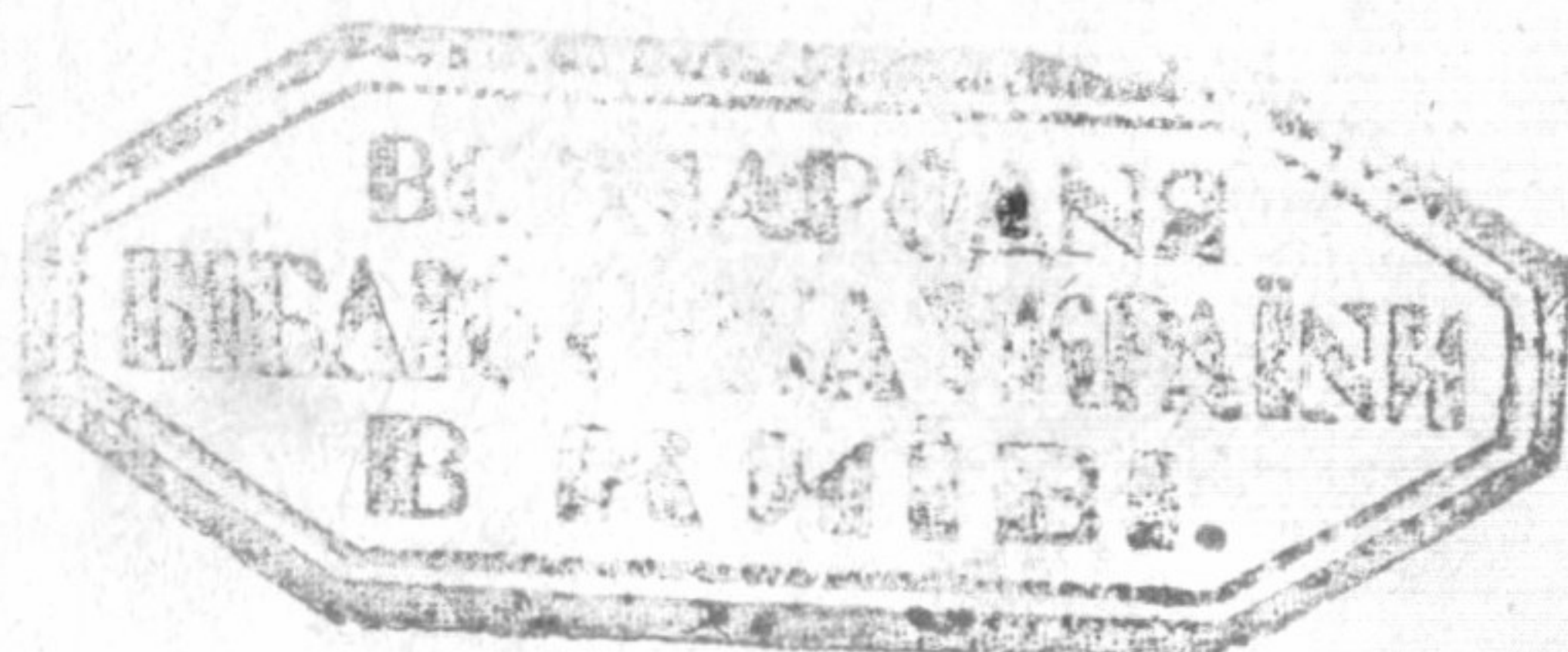
Куншушъ,	верхнее, спаринное плашье.
Коровайъ,	свадебный хлѣбъ.
Кухоль,	глиняная кружка.
Лысый дидько,	домовой, демонъ.
Люлька,	шрубка.
Макшра,	горшокъ, въ кошоромъ шрушь макъ.
Макогонъ,	песнь для распирація мака.
Малахайъ,	плешь.
Миска,	деревянная шарелка.
Молодица,	замужняя женщина.
Наймшъ,	наняшой работникъ.
Наймчка,	наняшая работница.
Оселѣдецъ,	длинный клочъ волосъ на голо- вѣ, замапывающійся на уxo.
Очипокъ,	родъ чепца.
Пампушки,	кушанье изъ шѣста.
Пасичникъ,	пчеловодъ.
Парубокъ,	парень.
Плахша,	нижняя одежда женщинъ.
Пекло,	адъ.
Перѣкупка,	шорговка.
Перепологъ,	испугъ.
Пейсики,	жидовскіе локоны.
Повѣшка,	сарай.
Полушабенекъ,	шелковая маперія.
Пушря,	кушанье, родъ каши.
Рушникъ,	уширальникъ.
Свишка,	родъ полукафшанья.
Синдѣчки,	узкія ленпы.
Сласпѣны,	пышки.
Свѣлокъ,	перекладина подъ пошолкомъ.
Сливянка,	наливка изъ сливъ.

Смѹшки,
Соняшница,
Сопѹлка,
Спусанъ,
Спрѹчки,
Тройчашка,
Хлѹпецъ,
Хушоръ,
Хуспка,
Цибѹля,
Чумаки,

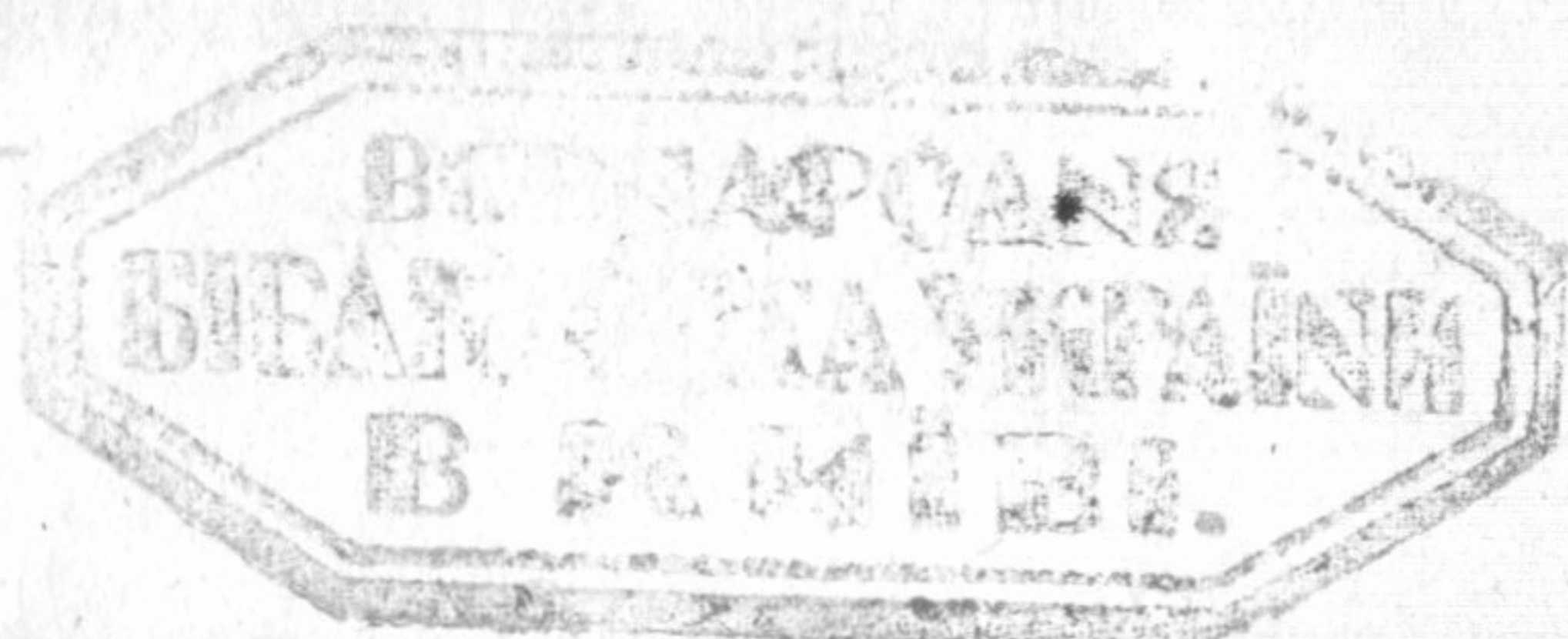
Чуприна, чубъ,
Шѹшка,

Юшка,
Яшка,

бараній мѣхъ.
боль въ животѣ.
родъ Флейшы.
кулакъ.
леншы.
тройная плешь.
парень.
небольшая деревушка.
плашокъ носовой.
лукъ.
обозники, ѣдущіе въ Крымъ за
солью и рыбою.
длинный клѹкъ волосъ на головѣ.
небольшой хлѣбъ, дѣлемый на
свадьбахъ.
соусъ, жижя.
родъ палатки изъ шапра.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.

I.

Мини нудно въ хапи жишь.
Ой вези жъ меня изъ дому,
Де багацько грому, грому,
Де гопцююшь все дивкы,
Де гуляюшь парубки!

Изъ старинной легенды.

Какъ упоишелень, какъ роскошенъ лѣшній
день въ Малороссіи! Какъ помпешельно-
жарки шѣ часы, когда полдень блещешъ
въ шишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣри-
мый океанъ, сладоспращнымъ куполомъ
нагнувшійся надъ землею, кажешся, зас-
нулъ, весь пошонувши въ нѣгѣ, обнимая
и сжимая прекрасную въ воздушныхъ

объяшїяхъ своихъ! На немъ ни облака. Въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; въверху только, въ небесной глубинѣ дрожишь жаворонокъ, и серебряныя пѣсни лешаешь по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки или звонкій голосъ перепела ошдаешся въ сшепи. Лѣниво и бездумно, будто гуляющіе безъ цѣли, сшояшь подъоблачныя дубы, и ослѣпительныя удары солнечныхъ лучей зажигають цѣлыя живописныя массы лисшьевъ, накидывая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по кошорой только при сильномъ вѣшрѣ прыщешъ золото. Изумруды, шопазы, яхоншы эфирныхъ насѣкомыхъ сыплюшся надъ песшрыми огородами, осѣняемыми спашными подсолнечниками. Сѣрыя скирды сѣна и золошыя снопы хлѣба сшаномъ располагаються въ полѣ и кочуюшь по его неизмѣримосши. Нагнувшїяся ошъ шяжесши плодовъ широкїя вѣшви черешень, сливъ, яблонь, грушь; небо, его чїстое зеркало — рѣка въ зеленыхъ, гордо подняшыхъ рамахъ... какъ полно сладострашїя и нѣги Малороссїйское лѣшо!

Такою роскошью блискала одинъ изъ дней жаркаго Августа тысячу восемь сошъ восемь сошъ Да, лѣшь шридацашь будешь назадъ тому, когда дорога, верешь за десяшъ до мѣсечка Сорочинець, кишѣла народомъ, поспѣшавшимъ со всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще шянулись нескончаемою вереницею чумаки съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закушанныхъ въ сѣно, медленно двигались, кажется, скучая своимъ заключеніемъ и шемношою; мѣстами шолько какая нибудь расписанная яркомиска, или макишра хвасшливо выказывалась изъ высоко-взгроможденнаго на возу плешня, и привлекала умиленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на високаго гончара, владѣльца сихъ драгоценностей, который медленными шагами шель за своимъ шоваромъ, забошливо окушывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокешокъ ненависшнымъ для нихъ сѣномъ.

Одиноко въ споронѣ шашился исшомленными волами возъ, наваленный мѣш-

ками, пенькою, полошномъ и разною домашнею поклажею, за кошорымъ брель, въ чистой полошняной рубашкѣ и запачканныхъ полошняныхъ шараварахъ, его хозяинъ. Лѣнивою рукой обширалъ онъ кашившійся градомъ пошъ съ смуглаго лица и даже капавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ шѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, кошорый безъ зову являешся и къ красавицѣ, и къ уроду, и насильно пудришь нѣсколько тысячъ уже лѣшь весь родъ человѣческій. Рядомъ съ нимъ шла привязанная къ возу кобыла, смиренный видъ кошорой обличалъ преклонныя лѣша ея. Много встрѣчныхъ, и особливо молодыхъ парубковъ, брались за шапку, поровнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однако жъ не сѣдые усы и не важная посшущь его засшавляли это дѣлашь; ешшло только подняшь глаза немного вверхъ, чшобъ увидѣшь причину шакой почшительности: на возу сидѣла хорошенькая дочка съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами, поднявшимися надъ свѣшлыми карими глазами, съ безпечно улы-

бавшимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, кошорья вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣшовъ, богатою короною покоились на ея очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново и хорошенькіе глазки безпресшанно бѣгали съ одного предмета на другой. Какъ не разсѣяться! въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка, въ осмнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ! . . . Но ни одинъ изъ прохожихъ и проѣзжихъ не зналъ, чего ей стоило упросить ошца взять съ собою, кошорый и душею радъ бы былъ это сдѣлать прежде, если бы не злая мачиха, выучившаяся держашъ его въ рукахъ шакъ же ловко, какъ онъ вожжи своей старой кобылы, шацившейся за долгое служеніе шеперь на продажу. Неугомонная супруга . . . но мы и позабыли, что и она шущъ же сидѣла на высотѣ воза въ нарядной, шерстяной зеленой кофшѣ, по кошорой, будшо по горношпаевому мѣху, нашишы были хвостики краснаго шолко цвѣша, въ бо-

гашой плахшѣ, неспрѣвшею какъ шахматная доска, и въ сипцевомъ цвѣшномъ очипкѣ, придававшемъ какую-шо особенную важность ея красному, полному лицу, по кошорому проскальзывало что-шо сшоль непріятное, сшоль дикое, что каждый шощасъ спѣшилъ перенести встревоженный взглядъ свой на веселенькое личико дочки.

Глазамъ нашихъ путешешвенниковъ началъ уже ошкрывашься Псѣль; издали уже вѣяло прохладою, кошорая казалась ошущительнѣе послѣ шомшельнаго, разрушающаго жара. Сквозь шемно- и свѣшло-зеленые лисшья небрежно раскиданныхъ по лугу осокоровъ, березъ и шополей, зашверкали огненные, одѣшья холодомъ искры, и рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на кошорую роскошно падали зеленыя кудри деревъ. Своенравная, какъ она въ шѣ упоительные часы, когда вѣрное зеркало шакъ зашвидно заключаешъ въ себѣ ея полное гордосши и ослѣпительнаго блеска чело, лисейныя плечи и мраморную шею, ошнен-

ную шемною, упавшею съ русой головы, волною, когда съ презрѣніемъ кидаешъ одни украшенія, чшобы замѣнишь ихъ другими, и капризамъ ея конца нѣтъ — она почти каждый годъ перемѣняешъ свои окрестности, выбираешъ себѣ новый пущь и окружаешъ себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя колеса свои широкія волны и мощно кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами взѣхаль въ эшо время на мостъ, и рѣка во всей красотѣ и величіи, какъ цѣльное сшекло, раскинулась передъ ними. Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы, все опрокинулось, сшояло и ходило вверху ногами, не падая въ голубую, прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущишь свой подсолнечникъ, копорымъ исправно занималась во все продолженіе пущи, какъ вдругъ слова: » ай да дѣвушка! « поразили слухъ ея. Оглянувшись, увидѣла она шолпу

сшоявшихъ на мосту парубковъ , изъ кошорыхъ одинъ , одѣшый пощеголеваше прочихъ , въ бѣлой свшкѣ и въ сѣрой шапкѣ Рѣшешиловскихъ смушекъ , подпершисъ въ бока , молодецки поглядывалъ на проѣзжающихъ . Красавица не могла не замѣшисъ его загорѣвшаго , но исполненнаго пріятности лица и огненныхъ очей , казалосъ , сшремившихся видѣшъ ее насквозь , и пошупила глаза при мысли , чшо , можешъ бышъ , ему принадлежало произнесенное слово . » Славная дѣвушка ! « продолжалъ парубокъ въ бѣлой свшкѣ , не сводя съ нее глазъ . » Я бы ошдалъ все свое хозяйсшво , чшобы поцѣловашъ ее . А вошъ впереди и дьяволъ сидишъ ! « Хохошъ поднялся со всѣхъ споронъ ; но разряженной сожшшельницѣ медленно выступавшаго супруга , не слишкомъ показалосъ шакое привѣшсшвіе : красныя щеки ея превратились въ огненныя , и шрескъ ошборныхъ словъ посыпался дождемъ на голову разгульнаго парубка :

» Чшобъ шы подавился , негодный бурлакъ ! Чшобъ швоего ошца горшкомъ въ

голову спукнуло! Чшобъ онъ подскользнулся на льду, Ансихристъ прокляшый! Чшобъ ему на шомъ свѣшъ чоршъ бороду обжегъ!»

» Вишь, какъ ругаешся! « сказалъ парубокъ, вышаращивъ на нее глаза, какъ будто озадаченный шакимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ привѣшшвѣй: » и языкъ у нее, у сшолѣшней вѣдьмы, не заболитъ выговоришь эши слова. «

» Сшолѣшней! « подхватила пожилая красавица. » Нечесшивецъ! поди, умойся напередъ! Сорванецъ негодный! Я не видала швоей машери, но знаю, чшо дрянъ! и ошецъ дрянъ! и шешка дрянъ! Сшолѣшней! чшо у него молоко еще на губахъ... « Тушь возъ началъ спускашья съ мосшу, и послѣднихъ словъ уже невозможно было разслушашъ; но парубокъ не хотѣлъ, кажешся, кончить эшимъ: не думая долго, схватилъ онъ комокъ грязи, и швырнулъ въ слѣдъ за нею. Ударъ былъ удачнѣе, нежели можно было предполагашъ: весь новый сишцевой очипокъ забрызганъ былъ грязью, и хохошъ разгульныхъ повѣсъ удво-

ился съ новою силой. Дородная щеголиха вскипѣла гнѣвомъ; но возъ ошѣхалъ въ это время довольно далеко, и мещъ ея обратилась на безвинную падчерицу и медленнаго сожителя, кошорый, привыкнувъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе и хладнокровно принималъ мяшежныя рѣчи разгнѣванной супруги. Однако жъ, не смотря на это, неушомимый языкъ ея шрещалъ и болтался во ршу до шѣхъ поръ, пока не пріѣхали они въ пригородье къ сшарому знакомому и куму, казаку Цыбуль. Всшрѣча съ кумовьями, давно невидавшимися, выгнала на время изъ головы это нешрїятное происшествіе, засшавивъ нашихъ пушешешвенниковъ поговоришь объ ярмаркѣ и ошдохнушь немного послѣ дальняго пуши.

II.

Що Боже, ты мій Господе! чого нема
на шій ярмарци! колеса, скло, дегошь,
тюшюнь, ремень, цыбуля, крамари
всяки... шакъ, що хошь бы въ кешени
було рубливъ и съ шридцять, шо и
шоґди бь не закупивъ у сіеи ярмаркы.

Изъ Малороссійской комедіи.

Вамъ вѣрно случалось слышать гдѣ-то
валящійся, ошдаленный водопадъ, когда
встревоженная окрешность полна гула,
и хаосъ чудныхъ, неясныхъ звуковъ вих-
ремъ носишся передъ вами. Не правда ли,
не шѣ ли самыя чувшва мгновенно обхва-
шяшъ васъ въ вихрѣ сельской ярмарки,
когда весь народъ сросшаешя въ одно

огромное чудовище и шевелился всѣмъ своимъ шуловищемъ на площади и по шѣснымъ улицамъ, кричишь, гогочешь, гремишь? Шумъ, брань, мычаніе, блеяніе, ревъ, все сливается въ одинъ неспройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки — все ярко, песшро, неспройно; мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи пошопляють другъ друга и ни одно слово не выхванишься, не спасешься ошъ эшого пошопа; ни одинъ крикъ не выговоришься ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ споронъ ярмарки. Ломаешься возъ, звенишь желѣзо, гремяшь сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваешь, куда обратишься. Пріѣзжій мужикъ нашъ съ чернобровою дочкой давно уже полкался въ народъ. Подходилъ къ одному возу, шупаль другой, примѣнивался къ цѣнамъ; а между шѣмъ, мысли его воропались безосстановочно около десяти мѣшковъ пшеницы и сшарой кобылы, привезенныхъ имъ на продажу. По лицу его

дочки замѣтно было, что ей не слишкомъ пріятно перешься около возовъ съ мукою и пшеницею. Ей бы хошѣлось шуда, гдѣ подъ полошняными ящиками нарядно развѣшены красныя леншы, серьги, оловянные, мѣдныя кресшы и дукашы. Но и шущь однако жь она находила себѣ много предмешовъ для наблюденія: ее смѣшило до крайности, какъ цыганъ и мужикъ били одинъ другаго по рукамъ, вскрикивая сами ошѣ боли; какъ пьяный жидъ давалъ бабѣ киселя; какъ поссорившіяся перекушки перекидывались бранью и раками; какъ Москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вошѣ почувсшвовала она, кто-шо дернулъ ее за шишый рукавъ сорочки. Оглянулась — и парубокъ въ бѣлой свишкѣ съ яркими очами сшоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули и сердце забилось шакъ, какъ еще никогда, ни при какой радости, ни при какомъ горѣ: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла расшолковашѣ, что дѣлалось съ нею. »Не бойся, серденько, не бойся!« говорилъ онъ ей въ полголоса, взявши ея

руку, » я ничего не скажу тебѣ худаго! «
Можешь быть это и правда, что ты ни-
чего не скажешь худаго, подумала про себя
красавица: только мнѣ чудно... вѣрно это
лукавый! Сама, кажешься, знаешь, что не
годишься такъ... а силы недоспашешь взяшь
ошь него руку. — Мужикъ оглянулся и
хотѣлъ что-то промолвить дочери, но
въ сторону слышалось слово: пшеница.
Это магическое слово заслѣвило его, въ
ту же минушу, присоедилишь къ двумъ,
громко разговаривающимъ негоціантамъ,
и приковавшася къ нимъ вниманія уже
ничто не въ состояніи было развлечьъ.

III.

Чи бачишь винъ якій парныще?
На свихи прохы есь шаковыхъ.
Сывуху шакъ мовъ брагу хлыще!

Котляревскій. Энеида.

» **Т**акъ шы думаешъ, землякъ, чшо плохо пойдешъ наша пшеница? « говорилъ чело- вѣкъ, съ вида похожій на заѣзжаго мѣщанина, обиташеля какого нибудь мѣсшечка, въ песпрядевыхъ, запачканныхъ дегшемъ и засаленныхъ шароварахъ, другому въ синей, мѣсшами уже съ заплашами, свихкѣ и съ огромною шишкою на лбу.

Це тра...
БІБЛІОТЕКА

~~1111~~
7566

Шевченка

» Да думашь нечего шущь; я гошовъ векинушь на себя петлю и болташь на эшомъ деревѣ, какъ колбаса предъ Рождешвомъ на хашь, если мы продадимъ хошь одну мѣрку. «

» Кого ты, землякъ, морочишь? Привозу вѣдь, кромѣ нашего, нѣшъ вовсе, « возразилъ человекъ въ пестрядевыхъ шароварахъ. — » Да говорише себѣ, что хошише, « думалъ про себя нашъ знакомецъ, не пропускавшій ни одного слова изъ разговора двухъ негоціаншовъ, » а у меня десяшь мѣшковъ ешь въ запасѣ. «

» То-шо и ешь, что если гдѣ замѣшалась чершовщина, шо ожидай столько проку, сколько ошь голоднаго Москаля, « значительно сказалъ человекъ съ шишкою на лбу.

» Какая чершовщина? « подхватилъ человекъ въ пестрядевыхъ шароварахъ.

» Слышаль ли ты, что поговариваюшь въ народѣ? « продолжалъ съ шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмые очи.

» Ну! «

» Ну, шо-шо ну! Засѣдашель, чшобъ ему не довелось обширать губъ послѣ панской сливянки, ошвелъ для ярмарки проклятое мѣсшо, на кошоромъ, хошь шресни, ни зерна не спушишь. Видишь ли ты шошь шарый, развалившійся сарай, чшо вонъ-вонъ стоишь подъ горою. « (Тушь любопытный ошець нашей красавицы подвинулся еще ближе и зесь преврашился, казалось, во вниманіе). » Въ шомъ сараѣ шо и дѣло, чшо водяшся чершовскія шашни; и ни одна ярмарка на эшомъ мѣсшѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волоспный писарь проходиль поздно вечеромъ, шолько глядь — въ слуховое окно высшавилосъ свиное рыло и хрюкнуло шакъ, чшо у него морозъ подраль по кожѣ; шого и жди, чшо опяшь покажешся *красная свитка!* «

» Чшо жъ эшо за *красная свитка?* «

Тушь у нашего внимашельнаго слуша-теля волосы поднялись дыбомъ; со шпрахомъ оборошился онъ назадъ и увидѣль, чшо дочка его и парубокъ спокойно сшояли обнявшись и напѣвая другъ другу ка-кіе-шо любовныя сказки, позабывѣ про

всѣ находящіяся на свѣшѣ свивки. Это разогнало его страхъ и заставило обратиться къ прежней безпечности.

» Эге , ге , ге , землякъ ! да ты масперъ , какъ вижу , обнимаешься ! Чоршъ меня возьми , если я не на чешвершый только день послѣ свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську , да и то спасибо куму : бывши *дружкойю* , уже надоумиль . «

Царубокъ замѣшилъ пошъ же часъ , что ошець его любезной не слишкомъ далекъ , и въ мысляхъ принялся строишь планъ , какъ бы склонишь его въ свою пользу .
» Ты , вѣрно , человекъ добрый , не знаешь меня , а я тебя пошчасъ узналъ . «

» Можешь и узналъ . «

» Если хочешь , и имя , и прозвище , и всякую всячину разскажу : тебя зовушь Солопій Черевикъ . «

» Такъ , Солопій Черевикъ . «

» А взглядишь-ко хорошенько : не узнаешь ли меня ? «

» Нѣшъ , не познаю . Не во гнѣвъ будь сказано , на вѣку шолько довелось нагля-

дѣшься рожь всякихъ, чшо чоршъ ихъ и припомнишь всѣхъ! «

» Жаль же, чшо ты не припомнишь Голопуенкова сына! «

» А ты будто Охримовъ сынъ? «

» А кто жъ? Развѣ одинъ только лысый дидько, если не онъ. « —

Тутъ пріятели побрались за шапки и пошло лобызаніе; нашъ Голопуенковъ сынъ, однако жъ, не шеряя времени, рѣшился въ ту же минушу осадить новаго своего знакомаго.

» Ну, Солопій, вошь какъ видишь, я и дочка швоя полюбили другъ друга шакъ, чшо хошь бы и навѣки жишь вмѣстѣ. «

» Чшо жъ, Параска, « сказалъ Черевикъ, оборотившись и смѣясь къ своей дочери: « можешъ, и въ самомъ дѣлѣ, чшобы уже, какъ говорашъ, вмѣстѣ и шого... чшобы и паслись на одной шравѣ! Чшо? по рукамъ? А ну-ка, новобранный зяшь, давай могоарычу! « и всѣ шрое очутились въ извѣстной ярмарочной ресшорациі — подъ яшкою у жидовки, усѣянною многочисленною флошиліей сулей, бушылей, фляжекъ

всѣхъ родовъ и возрасшовъ. » Эхъ, хвашь! за эшо люблю! « говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зящъ его налилъ кружку, величиною съ полкваршы и, нимало не поморщившись, вышилъ до дна, хвашивъ пошомъ ее въ дребезги. » Чшо скажешь, Параска? Какого я жениха тебѣ доспаль! Смошри, смошри: какъ онъ молодецки шянешъ пѣнную! . . . « и, посмѣиваясь и покачиваясь, побрелъ онъ съ нею къ своему возу, а нашъ парубокъ отправился по рядамъ съ красными шоварами, въ кошорыхъ находились купцы изъ Гадяча и Миргорода — двухъ знаменишыхъ городовъ Полшавской губерніи, выглядывашъ получшую деревянную люльку въ мѣдной, щегольской оправѣ, цвѣшисшый по красному полю плашокъ и шапку для свадебныхъ подарковъ шесшо и всѣмъ, кому слѣдуешъ.

IV.

Хошь чоловикамъ неонее,
Да коли жинци бачишь тее,
Такъ шреба угодышы

Котляревскій.

» Ну, жинка! а я нашель жениха доч-
кѣ! «

» Вошь, какъ разъ до шого шеперь,
чшобы жениховъ ошыскивашь. Дурень,
дурень! шебѣ вѣрно и на роду написано
осшашься шакимъ! Гдѣ жъ шаки шы ви-
дѣль, гдѣ жъ шаки шы слышалъ, чшобы
добрый челоувѣкъ бѣгалъ шеперь за жени-

хами? Ты подумаль бы лучше, какъ пше-
ницу съ рукъ сбышь; хорошь долженъ
бышь и женихъ шамъ! Думаю, оборван-
нѣйшій изъ всѣхъ голодрабцевъ. «

» Э, какъ бы не шакъ, посмопрѣла бы
шы, что шамъ за парубокъ! Одна свипка
больше стоишь, чѣмъ швоя зеленая кофша
и красные сапоги. А какъ сивуху *важно*
дуешь... Чоршь меня возьми вмѣстѣ съ
шобою, если я видѣль навѣку своемъ, что-
бы парубокъ духомъ вышнянулъ полкваршы,
не поморщившись. «

» Ну, шакъ: ему если пьяница, да бро-
дяга, шакъ и его масши. Бьюсь обѣ закладъ,
если эшо не шошь самый сорванецъ, ко-
шорый увязался за нами на мосшу. Жаль,
что до сихъ поръ онъ не попадешся мнѣ:
я бы дала ему знашь. «

» Что жъ, Хивря, хоть бы и шошь са-
мый; чѣмъ же онъ сорванецъ? «

» Э! чѣмъ же онъ сорванецъ! Ахъ, шы
безмозглая башка! слышишь! чѣмъ же онъ
сорванецъ! Куда же шы запряшаль дурац-
кіе глаза свои, когда проѣзжали мы мель-

ницы; ему хошь бы шупъ же, передъ его запачканнымъ въ табачищъ носомъ, нанесли жинкѣ его безчесшье, ему бы и нуждочки не было. «

» Все однако же я не вижу въ немъ ничего худаго; парень хошь куда! Только развѣ, чшо заклеить на мигъ образину швою навозомъ. «

» Эге! да шы, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговоришь! А чшо эшо значишь? Когда эшо бывало съ тобою? Вѣрно успѣлъ уже хлебнуть, не продавши ничего . . . «

Тупъ Черевикъ нашъ замѣшилъ и самъ, чшо разгорячился черезчуръ, и закрылъ въ одно мгновеніе голову свою руками, предполагая безъ сомнѣнія, чшо разгнѣванная сожисьельница не замедлишь вцѣпиться въ его волосы своими супружескими когшями. »Туда къ чоршу! Вошь шебѣ и свадьба! « думаль онъ про себя, уклоняясь ошъ сильно наступавшей супруги. » Придешся ошказашъ доброму чловѣку ни за чшо, ни про чшо. Господи, Боже мой,

за что такая напасть на насъ, грѣшныхъ!
и такъ много всякой дряни на свѣшъ, а
Ты еще и жинокъ наплодилъ!»

V.

Не хилися явороньку,
Ще шы зелененькій;
Не журыся козаченьку,
Ще шы молоденькій!

Малорос. пльсня.

Разсѣянно глядѣль парубокъ въ бѣлой свискѣ, сидя у своего воза, на глухо шумѣвшій вокругъ него народъ. Успалое солнце уходило ошь міра; спокойно пропылавъ свой полдень и утро, день и плѣнишельно, и грустно, и ярко румянился, какъ щеки прекрасной жершвы неумолимаго недуга въ шоржесшвенную минушу

ея оплеша на небо. Ослѣпительно блисшали верхи бѣлыхъ шапровъ и япокъ, осѣненные какимъ-то едва примѣшнымъ огненно-розовымъ свѣшомъ. Сшекла наваленныхъ кучами оконницъ горѣли; зеленая фляшки и чарки на столахъ у шинкарокъ преврашились въ огненные; горы дынь, арбузовъ и шыквъ казались вылишыми изъ золоша и шемной мѣди. Говоръ примѣшно сшановилса рѣже и глуше, и усшальные языки перекупокъ, мужиковъ и цыганъ лѣнивѣе и медленнѣе поворачивались. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкашь огонекъ и благовонный паръ ошъ варившихся галушекъ разносилса по ушихавшимъ улицамъ. » О чемъ загорюнилса, Грыцько? « вскричалъ высокій загорѣвшій цыганъ, ударивъ по плечу нашего парубка. » Чшо жъ, ошдавай волю за двадцашъ! «

» Тебѣ бы все волю, да волю. Вашему племени все бы корышь шолько. Поддѣшь, да обманушь добраго челоувѣка. «

» Тѣфу, дьяволь! да шебя не на шушку забрало. Ужъ не съ досады ли, чшо самъ навязалъ себѣ невѣсшу? «

» Нѣшъ, это не по моему; я держу свое слово; что разъ сдѣлалъ, тому и навѣки бышь. А вошь у хрыча Черевика нѣшъ совѣши, видно, и на поль-шеляга: сказалъ, да и назадъ... Ну, его и винишь нечего, онъ пень, да и полно. Все это шпуки сшарой вѣдьмы, кошорую мы сего дня съ хлопцами на мосшу ругнули на всѣ бока! Эхъ, если бы я былъ царемъ, или паномъ великимъ, я бы первый перевѣшалъ всѣхъ шѣхъ дурней, кошорые позволяють себя сдѣлать бабамъ... «

» А спушишь воловъ за двадцать, если мы засшавимъ Черевика опдашь намъ Параску? «

Въ недоумѣніи посмошрѣлъ на него Грыцько. Въ смуглыхъ чертахъ цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вмѣстѣ высокомерное: человекъ, взглянувшій на него, уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипитъ достоинства великія, но кошорымъ одна только награда есть на землѣ — висѣлица. Совершенно провалившійся между носомъ и оспрымъ подбородкомъ рошъ,

вѣчно осѣненный язвительною улыбкой, небольшіе, но живые какъ огонь глаза и безпрестанно мѣняющіяся на лицѣ молніи предпріяшій и умысловъ, все эшо, какъ будто требовало особеннаго, такого же страннаго для себя костюма, какой именно былъ тогда на немъ. Эшошъ шемнокоричневый кафшанъ, прикосновеніе къ кошопрому, казалось, преврашило бы его въ пыль; длинныя, валившіеся по плечамъ охлопьями черныя волосы, башмаки, надѣшые на босыя, загорѣлыя ноги, все эшо, казалось, приросло къ нему и составляло его природу. » Не за двашцашъ, а за пашнадцашъ ошдамъ, если не солжешъ шолько! « ошвѣчалъ парубокъ, не сводя съ него исцышательныхъ очей.

» За пашнадцашъ? ладно! Смошри же, не забывай: за пашнадцашъ! Вошъ шебъ и синица въ задашокъ! «

» Ну, а если солжешъ? «

» Солгу — задашокъ швой. «

» Ладно! Ну, давай же по рукамъ! «

» Давай! «

VI.

Опшь бида Романъ иде, опшпеперь,
якъ разъ, надсадышь мене бебе-
хивъ, да и вамъ, пане Хомо, не
безъ лыха буде.

Изъ Малорос. комедii.

» Сюда, Аѳанасій Ивановичъ! Вошь шупшь
плешень пониже, поднимайше ногу, да не
бойшесь: дурень мой опсправился на всю
ночь съ кумомъ подъ возы, чшобъ Москали
на случай не подцѣпили чего.« Такъ гроз-
ная сожисьельница Черевика ласково обод-
ряла шрусливо лѣпившагося около забора
поповича, кошорый поднялся скоро на

плешень и долго сшоялъ въ недоумѣніи на немъ, будто длинное, страшное привидѣніе, измѣривая окомъ, куда бы лучше прыгнуть, и наконецъ съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

» Вошь бѣда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже оборони, шеи? « лепешала заботливая Хивря.

» Тсъ! ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья Никифоровна! « болѣзненно и шопотно произнесъ поповичъ, подымаясь на ноги: » выключая только уязвленія со стороны крапивы, сего змѣеподобнаго злака, по выраженію покойнаго ошца Пропопа. «

» Пойдемше же шеперь въ хашу; шамъ никого нѣшь. А я думала было уже, Ананасій Ивановичъ, что къ вамъ *боляжка*, или *соняшница* присшала. Нѣшь, да и нѣшь. Каково же вы поживаете? Я слышала, что панъ-ошцу перепало шеперь не мало всякой всячины! «

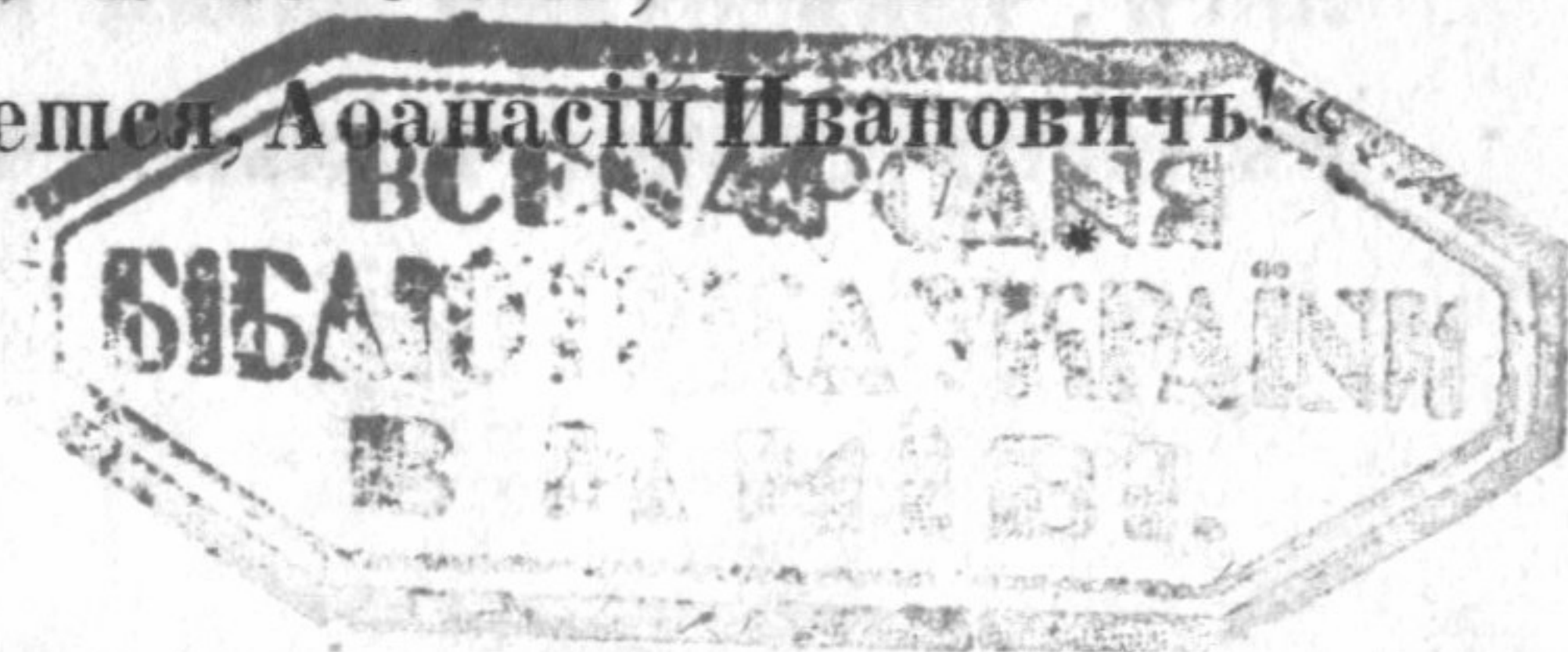
» Сушя бездѣлица, Хавронья Никифоровна; башюшка всего получилъ за весь посшъ мѣшковъ пшнадцашъ яроваго, проса

мѣшка чешыре, кнышей съ сотню, а курь если сосчишашь, шо не будешь и пшадешаши шшукъ, яйца же большею частію прошухлыя. Но воисшину сладосшныя приношенія, сказашь примѣрно, единшвенно ошъ васъ предшоишъ получишъ, Хавронья Никифоровна! « продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

» Вошъ вамъ и приношеніе, Аѳанасій Ивановичъ! « проговорила она, спавя на столъ миски и жеманно засшегивая свою, будшо ненарочно разшегнувшуюся, кофшу: « вареники, галушечки пшеничныя, пампушечки, шовченички! «

» Бьюсь обь закладъ, если эшо сдѣлано не хишрѣйшими руками изъ всего Евина рода! « сказалъ поповичъ, принимаясь за шовченички и подвигая другою рукою варенички. «Однако жъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждешь ошъ васъ кушанья послаще всѣхъ пампушечекъ и галушечекъ. «

» Вошъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочешь, Аѳанасій Ивановичъ! «

ошвѣчала дородная красавица, пришворяясь непонимающею.

» Разумѣешся, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна! « шопотомъ произнесъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая широкій станъ ея.

» Богъ знаешь, что вы выдумаете, Аѳанасій Ивановичъ! « сказала Хивря, съидливо пошупивъ глаза свои. » Чего добраго! вы, пожалуй, зашѣете еще цѣловаться! «

» На счешъ эшого я вамъ скажу хоть бы и про себя «, продолжалъ поповичъ: » въ бышность мою, примѣрно сказать, еще въ бурсѣ, вошъ, какъ шеперь помню... « Тушъ слышался на дворѣ лай и сшукъ въ ворѣша. Хивря поспѣшно выбѣжала и возвратилась вся поблѣднѣвшая. » Ну, Аѳанасій Ивановичъ! мы попались съ вами; народу сшучишся куча и мнѣ почудился кумовъ голосъ... « Вареникъ осшановился въ горлѣ поповича... Глаза его выпялились, какъ будто какой нибудь выходець съ шого свѣша шолько что сдѣлалъ ему

передъ симъ видишь свой. » Пользайше сюда! « кричала испуганная Хивря, указывая на положенныя подъ самымъ пошолкомъ на двухъ перекладинахъ доски, на кошорыхъ была навалена разная домашняя рухлядь. Опасность придала духу нашему герою. Опамятовавшись немного, вскочилъ онъ на лежанку и полъзъ опшуда осшорожно на доски. А Хивря побъжала безъ памяши къ ворошамъ, пошому что спукъ повшорялся въ нихъ съ бóльшею силою и нешерпънiемъ.

VII.

Да шуть чудасія, Мосьпане!

Изъ Малорос, комедіи.

На ярмаркѣ случилось странное происшествіе : все наполнилось слухомъ , что гдѣ-то между шоваромъ показала*сь красная свитка*. Шарухъ, продававшей бублики, почудился сашана , въ костюмѣ ужасной свиньи, кошорый безпресшанно наклонялся надъ возами , какъ будшо ища чего. Эшо бышро разнеслось по всемъ угламъ уже

ушихнувшаго шабора; и всѣ счишали прешупленіемъ не вѣришь, не смошря на шо, чшо продавица бубликовъ, кошорой подвижная лавка была рядомъ съ яшкою шинкаря, раскланивалася весь день безъ надобности и писала ногами совершенное подобіе лакомаго шовара. Къ эшому присоединились еще увеличенныя вѣсши о чудѣ, видѣнномъ волосшнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, шакъ, чшо къ ночи всѣ шѣснѣ жались другъ къ другу; спокойсшвіе разрушилось и спрахъ мѣшалъ всякому сомкнушь глаза свои; а шѣ, кошорые были не совсѣмъ изъ храбраго десятка и имѣли пришоны въ избахъ, убрались домой. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Черевикъ съ кумомъ и дочкою, кошорые вмѣстѣ съ напросившимися къ нимъ въ хашу госшми произвели сильный спукъ, шакъ перепугавшій нашу Хиврю. Кума уже немало поразобрало. Эшо можно было видѣшь изъ шого, чшо онъ два раза проѣхалъ съ своимъ возомъ по двору, пока мѣсшъ нашелъ хашу. Госши тоже были въ веселомъ расположеніи духа и безъ

церемоніи вошли прежде самаго хозяина. Супруга нашего Черевика сидѣла какъ на иголкахъ, когда принялись они шарить по всѣмъ угламъ ханы. »Что, кума,« вскричалъ вошедшій кумъ: »тебя все еще прясешь лихорадка?« — »Да, нездоровишься,« ошвѣчала Хивря, безпокойно поглядывая на наложенныя подъ пошолкомъ доски. — »А ну, жена, досхань-ка шамъ въ возу баклажку!« говорилъ кумъ пріѣхавшей съ нимъ женѣ: »мы черпнемъ ее съ добрыми людьми; а шо прокляшья бабы понапугали насъ шакъ, что и скажешь сшудно. Вѣдь мы, ей Богу, брашцы, по пущякамъ пріѣхали сюда!« продолжалъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки. »Я шущъ же сшавлю новую шапку, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. Да хошь бы и въ самомъ дѣлѣ сашана: что сашана? Плюйше ему на голову! Хошь бы сію же минушу вздумалось ему сшашъ, вошь здѣсь напрымѣрь, передо мною: будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему дулю подъ самый носъ!« — »Ошь чего же шы вдругъ поблѣднѣлъ весь!« закричалъ одинъ изъ

госшей, превышавшій всѣхъ головою и спаравшійся всегда выказывать себя храб-рецомъ. » Я... Господь съ вами! присни-лось! « Госши усмѣхнулись. Довольная улыбка показала на лицѣ високаго бон-мошисша-храбреца. » Куда шеперь ему по-блѣднѣшь! « подхвашилъ другой: » щеки у него разцвѣли какъ макъ; шеперь онъ не цыбуля, а бурякъ — или лучше, какъ ша *красная свитка*, кошорая шакъ напугала людей. « Баклажка прокашилася по сшолу и сдѣлала госшей еще веселѣе прежняго. Тушь Черевикъ нашъ, кошораго давно му-чила *красная свитка* и не давала ни на минушу покою любопышному его духу, присшущилъ къ куму. » Скажи, будь ласковъ, кумъ! вошь прошусь, да и не допрошусь исшоріи про эшу прокляшую *свитку*. «

» Э, кумъ! оно бы не годилось разска-зывать на ночь; да развѣ уже для шого, чшобы угодишь шебѣ и добрымъ людямъ (присемъ обрашился онъ къ госшямъ), ко-шорымъ, я примѣчаю, сполько же, какъ и шебѣ, хочешся узнашь про эшу диковину. Ну, бышь шакъ. Слушайше жь! « Тушь

онъ почесаль плеча , утерся полою , положиль обѣ руки на споль и началъ :

» Разъ , за какую вину , ей Богу , уже и не знаю , только выгнали одного чорша изъ пекла. «

» Какъ же , кумъ ! « прервалъ Черевикъ :
» какъ же могло эшо спашься , чшобы чорша выгнали изъ пекла ? «

» Чшо жъ дѣлашь , кумъ ? выгнали , да и выгнали , какъ собаку мужикъ выгоняешъ изъ хашы . Можешъ бышь на него нашла блажь сдѣлашь какое нибудь доброе дѣло , ну , и указали двери . Вошъ , чоршу бѣдному шакъ спало скучно , шакъ скучно по пеклѣ , чшо хошъ до пешли . Чшо дѣлашь ? Давай съ горя пьянспвовашь . Угнѣздилися въ шомъ самомъ сараѣ , кошорый , шы видѣль , развалился подъ горою , и мимо кошораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдешь шеперь , не оградивъ напередъ себя кресшомъ свяшымъ , и спаль чоршъ шаккой гуляка , какого не сыщешъ между парубками . Съ ушра до вечера , шо и дѣло , чшо сидишь въ шинкѣ ! . . . «

Тушъ опяшь спрогий Черевикъ прерваль нашего разскащика. »Богъ знаешъ, чшо говоришь шы, кумь! Какъ можно, чшобы чорша впустиль кшо нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же ешь, слава Богу, и когши на лапахъ, и рожки на головѣ. «

» Вошь шо-шо и шшука, чшо на немъ была шапка и рукавицы. Кшо его rozpoзнаешъ? Гуляль, гуляль — наконецъ пришлось до шого, чшо пропиль все, чшо имѣль съ собою. Шинкаръ долго вѣриль, потомъ и пересхаль. Пришлось чоршу заложить красную свешку свою, чушь ли не впрешъ цѣны, жиду, шинковавшему шогда на Сорочинской ярмаркѣ; заложилъ и говоришь ему: Смошри, жидъ, я приду къ тебѣ за свешкой ровно черезъ годъ: береги ее! и пропаль какъ будшо въ воду. Жидъ разсмошрѣль хорошенько свешку: сукно шакое, чшо и въ Миргородѣ не дошанешъ! а красный цвѣшь горить, какъ огонь, шакъ чшо не наглядѣлся бы! Вошь жиду показалось скучно дожидашься срока. Почесаль себѣ песики, да и содраль съ вакого-шо прѣзжаго пана мало не пашь

червонцевъ. О срокъ жидъ и позабылъ было совсѣмъ. Какъ вошь разъ, подь вечерокъ, приходишь какой-шо человекъ: ну, жидъ, опдавай свишку мою! Жидъ сначала было и не позналъ, а послѣ какъ разглядѣлъ, шакъ и прикинулся, будшо въ глаза не видалъ: » какую свишку? у меня нѣшь никакой свишки! я знашь не знаю швоей свишки! « Тошь глядь и ушелъ; шолько къ вечеру, когда жидъ, заперши свою конуру и пересчишавши по сундукамъ деньги, накинულъ на себя просшыню и началъ по жидовски молишься Богу — слышишь шорохъ . . . глядь — во всѣхъ окнахъ повывшавлялись свиныя рыла . . . «

Тушь въ самомъ дѣлѣ слышался какой-шо неясный звукъ, весьма похожій на хрюканье свиньи; всѣ поблѣднѣли . . . Пошь вышупилъ на лицѣ разскащика.

» Чшо? « произнесъ въ испугъ Черевикъ.

» Ничего! . . . « ошвѣчалъ кумъ, шрясясь всѣмъ шѣломъ.

» Ась! « ошозвался одинъ изъ госшей.

» Ты сказалъ . . . «

» Нѣшь! «

» Кшо жъ это хрюкнулъ? «

» Богъ знаешъ, чего мы переполошились! Никого нѣшъ! « Всѣ боязливо сшали осматривашься вокругъ и начали шарить по угламъ. Хивря была ни жива, ни мершва.

» Эхъ вы, бабы! бабы! « произнесла она громко: » вамъ ли козаковашь, и бышь мужьями! Вамъ бы верешено въ руки, да посадишь за гребень! Одинъ кшо нибудь можешъ, проси Господи... Подъ кѣмъ нибудь скамейка заскрышѣла, а всѣ и мешнулись, какъ полуумные! « Это привело въ сшудъ нашихъ храбрецовъ и засшавило ихъ ободришься; кумъ хлебнулъ изъ кружки и началъ рассказывашь далѣе: » Жидъ обмеръ; однако жъ свиньи, на ногахъ длинныхъ какъ ходули, повлѣзали въ окна и мигомъ оживили плешеными шройчашками, засшавя плясашь его повыше вошъ эшого сволока. Жидъ въ ноги, признался во всемъ... Только свишки нельзя уже было ворошишь скоро. Пана обокралъ на дорогъ какой-шо цыганъ и продалъ свишку церекупкѣ; ша привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но съ шѣхъ поръ уже никшо ничего

не спалъ покунашь у ней. Перекупка дивилась, дивилась и наконецъ смекнула: вѣрно виною всему красная свинка. Недаромъ всегда, когда вздумывалось ей надѣвашь, чувствовала, что ее все давишь что-шо. Не думая, не гадая долго, бросила въ огонь — не горишь бѣсовская одежда! Э, да эшо чоршовъ подарокъ! Перекупка умудрилась, и подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавашь масло. Дурень и обрадовался; шолько масла никшо и спрашивашь не хочешь. Эхъ, недобрыя руки подкинули свинку! Схвашилъ сѣкиру и изрубилъ ее въ куски; глядь — и лѣзешь одинъ кусокъ къ другому, и снова цѣлая свинка. Перекрестившись, хвашилъ сѣкирою въ другой разъ, куски разбросалъ по всему мѣсту и уѣхалъ. Только съ шѣхъ поръ каждый годъ, и какъ разъ во время ярмарки, чоршъ съ свиною личиною ходишь по всей площади, хрюкаешь и подбираешь куски своей свинки. Теперь, говоряшь, одного шолько лѣваго рукава недосшаешь ему. Люди съ шѣхъ поръ открещивающя ошъ шого мѣста, и вошъ уже

будешь лѣшь съ десятокъ, какъ не было на немъ ярмарки. Да нелегкая дернула шеперь Засѣдашеля о . . . « Другая половина слова замерла на усахъ разскащика :

Окно брякнуло съ шумомъ ; сшекла, звеня , вылешѣли вонъ и спрашная свиная рожа высшавилась , поводя очами , какъ будшо спрашивая : а что вы шущь дѣлаете , добрые люди ?

VIII.

... Пиджавъ хвистъ, мовъ собака,
Мовъ Кайнъ запрусывсь увесь ;
Изъ носа потекла кабака.

Котляревскій. Энеида.

Ужась оковаль всѣхъ находившихся въ хангѣ. Кумъ съ разинушымъ ршомъ превращился въ камень. Глаза его выпучились, какъ будто хопѣли выспрѣлишь; разверстые пальцы осшановились въ судорожной недвижности въ воздухѣ. Высокій храбрець, въ ничѣмъ нецобѣдиломъ спрахѣ, подскочиль подь пошолокъ и ударился

головою объ перекладину; доски посунулись, и поповичъ съ громомъ и шрескомъ полешѣлъ на землю. » Ай! ай! ай! « кричалъ одинъ, повалившись на лавкѣ, болшая въ ужасѣ руками и ногами. — » Спасайте! « горланилъ другой въ отчаяніи, закрывшись шулуцомъ. Кумь, выведенный изъ своего окаменѣнія вшоричнымъ испугомъ, поползъ въ судорогахъ подъ подоль своей супруги. Высокій храбрець полѣзъ въ печь, не смощря на узкое отверстіе, и самъ задвинулъ себя заслонкою. А Черевикъ, какъ будто облишый горячимъ кипяшкомъ, схвашивши на голову горшокъ, вмѣсто шапки, бросился къ дверямъ. и какъ полуумный бѣжалъ по улицамъ, не видя земли подъ собою; одна усшалосшь только засшавила его уменьшишь немного скоросшь бѣга. Сердце его колошилось, какъ мельничная сшуна, пошѣ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи гошовъ уже былъ онъ упасшь на землю, какъ вдругъ послышалосъ ему, что сзади кшо-шо гонишся за нимъ . . . Духъ у него занялся . . . » Чоршѣ! чоршѣ! « кричалъ онъ безъ памяши,

ушроя силы и чрезъ минушу безъ чувствъ
повалился на землю. » Чоршъ! чоршъ! «
кричало вслѣдъ за нимъ и онъ слышалъ
шолько, какъ что-то съ шумомъ ринулось
на него. Тушь память ошъ него улешъла,
и онъ, какъ спрашный жилецъ шъснаго
гроба, осшался нѣмъ и недвижимъ посреди
дороги.

IX.

Ще спереди, и такъ, и такъ;
А сзади, ей же ей, на чорша!

Изъ простонародн. сказки.

» Слышишь, Власъ! « говорилъ приподнявшись одинъ изъ толпы спавшаго на улицѣ народа: » возлѣ насъ кто-то помянулъ чорша! «

» Мнѣ какое дѣло! « проворчалъ, пошягиваясь, лежавшій возлѣ него цыганъ: » хошь бы и всѣхъ своихъ родичей помянулъ. «

» Но вѣдь шакъ закричалъ, какъ будшо давяшь его! «

» Мало ли чего человекъ не совершь съ просонья! «

» Воля швоя, хошь посмошрѣшь нужно; а выруби-ка огня! « Другой цыганъ, ворча про себя, поднялся на ноги; два раза освѣшилъ себя искрами, будшо молніями, раздуль губами шрушь и съ каганцемъ въ рукахъ, обыкновенною Малороссійскою свѣшильнею, состоящею изъ разбишаго черепка, налишаго бараньимъ жиромъ — ошправился, освѣщая дорогу. » Сшой; здѣсь лежишь чшо-шо; свѣши сюда! «

Тунъ присшало къ нимъ еще нѣсколько человекъ.

» Чшо лежишь, Власъ? «

» Такъ, какъ будшо бы два человекъ: одинъ на верху, другой на низу; кошорый изъ нихъ чоршь, уже и не распознаю! «

» А кто на верху? «

» Баба! «

» Ну, вошь, эшожъ-шо и ешь чоршь! «
Всеобщій хохощъ разбудилъ почти всю улицу.

» Баба взлѣзла на челоуѣка; ну, вѣрно баба эша знаешъ, какъ ѣздишь! « говорилъ одинъ изъ окружавшей толпы.

» Смошрите, брашцы! « говорилъ другой, поднимая черепокъ изъ горшка, кошораго одна только уцѣлѣвшая половина держалась на головѣ Черевика : » какую шапку надѣлъ на себя эшошъ добрый молодець! « Увеличившійся шумъ и хохотъ засшавили очнушься нашихъ мершвенцовъ, Солопія и его супругу, кошорые, полные прошедшаго испуга, долго глядѣли въ ужасѣ неподвижными глазами на смуглыя лица цыганъ : Озаряясь мѣсшами невѣрно и шрепешно горѣвшимъ свѣшомъ, они казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ шяжелымъ подземнымъ паромъ и облаками мрака непробудной ночи.

Х.

Цурь тобі, пекъ тобі, саша-
нынське наважденіе!

Изъ Малорос. комедіи,

Свѣжестъ ушра вѣяла надъ пробудивши-
мися Сорочинцами. Клубы дыму, со всѣхъ
шрубъ, понеслись на вспрѣчу показавше-
муся соднцу. Ярмарка зашумѣла. Овцы за-
блеяли, лошади заржали; крикъ гусей и
шорговокъ понесся снова по всему шабору —
и спрашныя шолки про красную свитку,
наведшіе такую робость на народъ, въ

шайншвенные часы сумерекъ, исчезнули вмѣстѣ съ освѣшившимъ міръ ушромъ. Зѣвая и пошягиваясь, дремалъ Черевикъ у кума, подъ крышымъ соломою сараемъ, вмѣстѣ съ волами, мѣшками муки и пшеницы, и кажешся, вовсе не имѣлъ желанія разсшашься съ своими грезами, какъ вдругъ услышалъ голосъ, шакже знакомый, какъ убѣжище лѣни — благословенная печь его хашы, или шинокъ дальней родички, находившійся не далѣе десяти шаговъ отъ его порога. » Вспавай, спавай! « дребезжала на ухо нѣжная супруга, дергая его изо всей силы за руку. Черевикъ, вмѣсто отвѣша, надулъ щеки и началъ болшашь руками, подражая барабанному бою.

» Сумасшедшій! « закричала она, уклоняясь отъ замашки рукъ его, кошорою онъ чущь было не задѣлъ ее по лицу. Черевикъ поднялся, прошеръ немного глаза и посмошрѣлъ вокругъ: » Врагъ меня возьми, если мнѣ, голубко, не предсшавилась швоя рожа барабаномъ, на кошоромъ меня засшавили выбивашь зорю, словно Москаля, шѣ самыя свиныя рожи, отъ кошорыхъ, какъ

говоришь кумь... « — » Полно, полно тебѣ чепуху молоть! Сшупай, веди скорѣй кобылу на продажу. Смѣхъ право людямъ: прѣехали на ярмарку и хошь бы горешъ пеньки продали... «

» Какъ же, жинка, « подхвашилъ Солопій: » съ насъ вѣдь шеперь смѣяшься будешь. «

» Сшупай! сшупай! съ тебѣя и безъ того смѣюшя! «

» Ты видишь, что я еще не умывался, « продолжалъ Черевикъ, зѣвая и почесывая спину и шараясь между прочимъ выигрывать время для своей лѣни.

» Вошь некшаши пришла блажь бышь чистоплошнымъ! Когда эшо за шобою водилось? Вошь рушникъ, обошри свою маску... « Тупъ схватила она что-шо свернушое въ комокъ — и съ ужасомъ отбросила отъ себя: эшо былъ *красный обилагъ свитки!*

» Сшупай, дѣлай свое дѣло, « повшорила она, собравшись съ духомъ, своему супругу, видя, что у него спрахъ ошнялъ ноги и зубы колошились одинъ объ другой.

» Будешь продажа шеперь! « ворчалъ онъ самъ себѣ, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь. » Недаромъ, когда я соби-рался на эшу прокляшую ярмарку, на душѣ было шакъ шяжело, какъ будто кшо взва-лилъ на шебя дохлую корову, и воны два-раза сами поворачивали домой. Да чущь ли еще, какъ вспомнилъ я шеперь, не въ по-недѣльникъ мы выѣхали. Ну, вошь и зло все!... Неугомоненъ и чоршъ прокляшой: носилъ бы уже свишку безъ одного рукава; шакъ нѣшъ, нужно же добрымъ людямъ не давань покою. Будь, примѣрно, я чоршъ — чего оборони Боже: спаль ли бы я шаскашья ночью за прокляшыми лос-кушьями? «

Тушь философствованіе нашего Чере-вика прервано было шолешымъ и рѣзкимъ голосомъ. Предъ нимъ стоялъ высокій цы-ганъ: » Чшо продаешь, добрый человѣкъ? « Продавецъ помолчалъ, посмошрѣлъ на него съ ногъ до головы, и сказалъ съ спокой-нымъ видомъ, не осшанавливаясь и не вы-пуская изъ рукъ узды:

» Самъ видишь, чшо продаю! «

» Ремешки? « спросилъ цыганъ, поглядывая на находившуюся въ рукахъ его узду.

» Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки.

» Однако жъ, чоршъ возьми, землякъ, шы видно ее соломою кормилъ! «

» Соломою? « Тушъ Черевикъ хошълъ было пошянушъ узду, чшобы провеспи свою кобылу и обличить во лжи безсшд-наго поносишеля, но рука его съ необыкновенною легкосшью удариласъ въ подбородокъ. Глянулъ, въ ней перерѣзанная узда и къ уѣздѣ, привязанный — о ужасъ! волосы его поднялись горою! — кусокъ *краснаго рукава!* . . . Плюнувъ, кресшясь и болшая руками, побѣжалъ онъ ошъ неожиданнаго подарка, и, бысшрѣ молодаго парубка, прошалъ въ шелшѣ.

XI.

За мое жъ жишо, ша мене и побышо;

Пословица.

» **Лови! лови его!** « кричало нѣсколько хлопцевъ, въ шѣсномъ концѣ улицы, и Черевикъ почувшвовалъ себя вдругъ схваченнымъ дюжими руками.

» **Вязашь его! эшо шошъ самый, кошорый укралъ у добраго челоуѣка кобылу.** «

» **Господь съ вами! за чшо вы меня вяжеше?** «

» Онъ же и спрашиваетъ! А за что ты украдъ кобылу у прѣзжаго мужика, Черевика? «

» Съ ума спяшили вы, хлопцы! Гдѣ видано, чтобы человекъ самъ у себя крадъ чтонибудь? «

» Старыя шшуки! старыя шшуки! Зачѣмъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ будто бы самъ сашана за тобою по пясамъ гнался? «

» По неволѣ побѣжишь, когда сашанинская одежда . . . «

» Э, голубчикъ! обманывай другихъ эшимъ; будешь еще шебъ отъ Засѣдашеля, за то, чтобы не пугалъ чершовщиною людей. «

» Лови! лови его! « послышался крикъ на другомъ концѣ улицы: » вошь онъ, вошь бѣглець! « и глазамъ нашего Черевика предсавился кумъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, съ заложенными назадъ руками, ведомый нѣсколькими хлопцами. » Чудеса завелись! « говорилъ одинъ изъ нихъ: » послушали бы вы, что рассказываетъ эшотъ мошенникъ, кошорому стоить шолько за-

глянуть въ лице, чтобы увидѣшь вора, когда спали спрашивать, ошъ чего бѣжалъ онъ какъ полумумный. Полѣзь, говоришь, въ карманъ понюхашъ табаку и вмѣсто шавлилки вышацилъ кусокъ чоршовой свитки, ошъ кошорой вспыхнулъ красный огонь, а онъ давай Богъ ноги! «

» Эге, ге! да эшо изъ одного гнѣзда обѣ пшицы! Вязашъ ихъ обѣихъ вмѣстѣ! «

ХІІ.

Чымъ лыди добри такъ оце я провинывся?
За що глазуеша? сказавъ нашъ неборакъ,
За що знущаешесь вы надо мною такъ?
За що, за що? сказавъ шай попусшивъ патіюки,
Пашіюки гиркихъ слезъ, узявшись за боки.

Артамовскій-Гулакъ. Панъ та собака.

» Можешъ и въ самомъ дѣлѣ, кумъ, шы подцѣпилъ что нибудь? « спросилъ Черевикъ, лежа связанный вмѣстѣ съ кумомъ, подъ соломенною яшкой.

» И шы шуда же, кумъ! Чшобы мнѣ ошсохнули руки и ноги, если что нибудь когда либо краль, выключая развѣ вареники съ смешаною у машери, да и шо

еще, когда мнѣ было лѣтъ десять отъ роду. «

» За что же это, кумь, на насъ напасшь такая? Тебѣ еще ничего; себя винашь по крайней мѣрѣ за то, что у другаго укралъ; за что же мнѣ несчастливцу недобрый поклепъ такой: будшо у самого себя сшянуль кобылу. Видно намъ, кумь, на роду уже написано не имѣшь счастья! «

» Горе намъ сиротамъ бѣднымъ! « Тушь оба кума принялись всхлипывать навзрыдь. « Что съ тобою, Солопій? « сказалъ вошедшій въ это время Грицько. « Кто это связалъ тебя? «

» А! Голопуценко, Голопуценко! « закричалъ обрадовавшись Солопій: « Вошь, это тошь самый, кумь, объ кошоромъ я говорилъ тебѣ. Эхъ хвашь! вошь, Богъ убей меня на эшомъ мѣсѣ, если не высудиль при мнѣ кухоль мало не съ швою голову, и хошь бы разъ поморщился. «

» Что жъ шы, кумь, такъ не уважилъ такого славнаго парубка? «

» Вошь, какъ видишь, « продолжалъ Черевикъ, оборотясь къ Грицьку: « нака-

заль Богъ , видно , за то , что провинился передъ шобою. Прости, добрый человекъ! Ей Богу, радъ бы былъ сдѣлать все для тебя... Но что прикажешь? Въ старухѣ дьяволь сидишь!»

» Я не злопамятенъ , Солопій. Если хочешь , я освобожу тебя! « Тупъ онъ мигнулъ хлопцамъ , и шѣ же самые , кошорые спорожили его , кинулись развязывать. » За то и ты дѣлай какъ нужно : свадьбу! да и попируемъ шакъ , чшобы цѣлый годъ болѣли ноги ошъ гопака. «

» *Добре! отъ добре!* « сказалъ Солопій, хлопнувъ руками. » Да мнѣ шакъ шеперь сдѣлалось весело , какъ будшо мою старуху Москали увезли. Да что думаешь : годишься , или негодишься шакъ — сего дня свадьбу, да и концы въ воду! «

» Смошри жъ , Солопій : черезъ часъ я буду къ тебѣ ; а шеперь спунай домой : шамъ ожидаюшъ тебя нокушники швоей кобылы и пшеницы! «

» Какъ! развѣ кобыла нашлась? «

» Нашлась! «

Черевикъ ошъ радости сшалъ неподви-
жень, глядя въ слѣдъ уходившему Грицьку.

» Чшо, Грицько, худо мы сдѣлали свое
дѣло! « сказалъ высокій цыганъ спѣшив-
шему парубку. » Волы вѣдь мои шеперь? «

» Твой! швой! «

ХІІІ.

Небійся, машинко, небійся,
Въ червонные чобішки обуйся,
Топчи вороги
Пидь ноги;
Щобъ швои подкивки
Брязчали!
Щобъ швои вороги
Мовчали!

Свадебная пѣсня.

Подперши локшемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна, сидя въ хашѣ. Много грезъ обвивалось около русой головы. Иногда вдругъ легкая усмѣшка прогала ея алыя губки, и какое-то радосное чувство подымало шемныя ея брови, но снова облако задумчивости опускало ихъ на карія, свѣшлыя очи.

»Ну, что, если не сбудешся то, что говорилъ онъ?« шепшала она съ какимъ-то выраженіемъ сомнѣнія. »Ну, что, если меня не выдадушь? если... Нѣшъ, нѣшъ; эшого не будешъ! Мачиха дѣлаешъ все, что ей ни вздумаешся; развѣ и я не могу дѣлашъ того, что мнѣ вздумаешся? Упрямышва-шо и у меня досшанешъ. Какой же онъ хорошій! какъ чудно горяшъ его черные очи! какъ любо говоришъ онъ: *Парасю, голубко!* какъ присшала къ нему бѣлая свишка! еще бы поясъ поярче!.. пускай, уже правда, я ему вышку, какъ перейдемъ жишъ въ новую хашу. Не подумаю безъ радости« , продолжала она, вынимая изъ назухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, купленное ею на ярмаркѣ, и глядясь въ него съ шайнымъ удовольствіемъ: »какъ я встрѣчусь шогда гдѣнибудь съ нею — я ей ни за что не поклонюсь, хошъ она себѣ шресни. Нѣшъ, мачиха, полно колошишъ шебѣ свою падчерицу! Скорѣе песокъ взойдешъ на камнѣ и дубъ погнешся въ воду, какъ верба, нежели я нагнушъ передъ тобою! Да я и

позабыла... дай примѣрять очипокъ, хошь
мачихинъ, какъ-шо онъ мнѣ придешся! «
Тутъ всшала она, держа въ рукахъ зер-
кальцо и наклонясь къ нему головою, шре-
петно шла по хашѣ, какъ будто бы опа-
саясь упасшь, видя подъ собою, вмѣсто
полу, пошолокъ съ накладенными подъ
нимъ досками, съ кошорыхъ низринулся
недавно поповичъ, и полки, усшавленные
горшками. » Чшо я, въ самомъ дѣлѣ, буд-
шо дшя, « вскричала она смѣясь: » боюсь
сшущишь ногою. « И начала пришопывать
ногами, все чѣмъ далѣе, смѣлѣе, наконецъ
лѣвая рука ея опушилась и уперлась въ
бокъ, и она пошла шанцовашъ, побрякивая
подковами, держа передъ собою зеркало
и напѣвая любимую свою пѣсню :

Зелененькій барвиночку
Сшелися низенько,
А ты мымый, чернобрывый,
Присунься близенько!

Зелененькій барвиночку,
Сшелися ще низче!
А ты мымый, чорнобрывый,
Присунься ще близче!

Черевикъ заглянулъ въ это время въ
дверь, и увидя дочь свою шанцующею пе-

редь зеркаломъ, ошановилъся. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному, капризу дѣвушки, кошорая задумавшись не примѣчала, казалось, ничего; но когда же услышалъ знакомые звуки пѣсни — жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченившись, вышупилъ онъ впередъ и пустился въ присядку, позабывъ про всѣ дѣла свои. Громкій хохотъ кума засшавилъ обоихъ вздрогнушь. » Вошь хорошо, башька съ дочкой зашѣяли здѣсь сами свадьбу! Сшупайше же скорѣе: женихъ пришелъ! « При послѣднемъ словѣ Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а безпечный отецъ ея вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ онъ. » Ну, дочка! пойдешъ скорѣе! Хивря съ радости, что я продалъ кобылу, побѣжала, « говорилъ онъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ: » побѣжала закупашъ себѣ плахшъ и дерюгъ всякихъ, шакъ нужно до приходу ея все кончишь! « Не успѣла пересшупишь она за порогъ хашы, какъ почувшвовала себя на рукахъ парубка въ бѣлой свишкѣ, кошорый съ кучею народа выжидать ее на улицѣ. » Боже,

благослови! « сказалъ Черевикъ, складывая имъ руки. » Пустъ ихъ живущъ, какъ вѣнки вьющъ! « Тушъ слышался шумъ въ народъ: » я скорѣе шресну, чѣмъ допущу до эшого! « кричала сожигельница Солошя, которую однако жъ съ хохомомъ ошпалкивала толпа народа. » Не бѣсись, не бѣсись, жинка! « говорилъ хладнокровно Черевикъ, видя, что пара дюжихъ цыганъ овладѣла ея руками: » что сдѣлано, что сдѣлано; я перемѣняшь не люблю! « — » Нѣшь! нѣшь! эшого-шо не будешь! « кричала Хивря, но никто не слушалъ ее; нѣсколько паръ обшупило новую пару и сошавили около нее непроницаемую, шанцующую сѣню.

Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ ошъ одного удара смычкомъ музыканша въ сермяжной свискѣ, съ длинными закрученными усами, все обрашилось волею и неволею къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажущаяся, вѣкъ не проскальзывала улыбка, прищипывали ногами и вздрагивали пле-

чами. Все неслось. Все шанцовало. Но еще страннѣе, еще не разгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на шарушекъ, на вешнихъ лицахъ кошорыхъ вѣяло равнодушіе могилы, полкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, кошорыхъ одинъ хмѣль только, какъ механикъ своего безжизненнаго авшомаша, заставляешь дѣлать что-то подобное человѣческому, они тихо покачивали охмѣлѣвшими головами, подшанцывая за веселящимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чешу.

Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычекъ умираетъ слабѣя и шеряя неясные звуки въ пустошѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ ошдаленнаго моря и скоро все сшало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, прекрасная и непосшоянная гостья, улешаетъ ошъ насъ и напрасно одинокій звукъ думаешь выра-

зись веселье. Въ собственномъ эхъ слышишь уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлешь ему. Не шакъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за другимъ теряюся по свѣшу и осшавляюшь наконецъ одного, стариннаго брата ихъ. Скучно осшавленному! И шажело и грушно сшановишся сердцу и нечѣмъ помочь ему.

В Е Ч Е Р Ъ

НАКАНУНЪ

И В А Н А К У Ш А Л А .

За Оолою Григорьевичемъ водилась особеннаго рода странность: онъ до смерти не любилъ пересказывать одно и то же. Бывало, иногда если упростишь его разсказать что съизнова, то смотри, что нибудда да скинетъ новое, или переиназитъ такъ, что узнать нельзя. Разъ, одинъ изъ тѣхъ господъ — намъ простымъ людямъ мудрено и назватъ ихъ — писаки они, не писаки; а вотъ то самое, что барышники на нашихъ ярмаркахъ. Нахватаютъ, попросятъ, украдутъ всякой всячины, да и выпускаютъ книжечки, не толще букваря, каждый мѣсяцъ, или недѣлю. Одинъ изъ этихъ господъ и выманилъ у Оолы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только прѣзжаетъ изъ Полтавы, тотъ самый паничъ въ гороховомъ кафтанѣ, про котораго говорилъ я, и котораго одну повѣсть вы, думаю, уже прочли; привозитъ съ собою небольшую кни-

жезку, и развернувши по срединѣ, показываетъ намъ. Фома Григорьевичъ готовъ уже былъ остудить носъ свой отъ ками, но вспомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту кое-какъ разумью и не ношу отъ ковъ, принялся читать. Не успѣлъ перевернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку.

» Постойте! напередъ скажите мнѣ, что это вы читаете? « Признаюсь, я немного пришелъ въ тупикъ отъ такого вопроса.

» Какъ это читаю, Фома Григорьевичъ? вашу былъ, ваши собственныя слова. « —

» Кто вамъ сказалъ, что это мои слова? « —

» Да чего лучше, тутъ и напечатано: рассказанная такимъ-то дьячкомъ. « — » Плюйте жъ на голову тому, кто это напечаталъ! бреше, сучый Москаль. Такъ ли я говорилъ? Що - шовже, якъ у кого чоршъ ма клещки въ голове! Слушайте, я вамъ расскажу ее сейчасъ. « Мы придвинулись къ столу, и онъ началъ :

В Е Ч Е Р Ъ

НАКАНУНЬ ИВАНА КУПАЛА.

Б Ы Л Ъ ,

*Разсказанная дьячкомъ *** ской церкви.*

Дѣдъ мой (царешво ему небесное! чшобъ ему на шомъ свѣтѣ бѣлись одни шолько буханци пшеничныя, да маковники въ меду) умѣлъ чудно разсказывать. Бывало, поведешь рѣчь — цѣлый день не подвинулся бы съ мѣста, и все бы слушалъ. Ужъ не чеша какому нибудь нынѣшнему балагуру, кошорый какъ начнешь *Москаля везть* *,

* Т. е. лгашь.

да еще и языкомъ такимъ, будто ему шри дня їсшь не давали, шо хошь берись за шапку, да изъ хашы. Какъ шеперь помню — покойная шаруха, машь моя, была еще жива — какъ въ долгій зимній вечеръ, когда на дворъ шрещаль морозъ и замуравываль наглухо узинькое шекло нашей хашы, сидѣла она передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нишку, колыша ногою люльку и напѣвая пѣсню, кошорая какъ будто шеперь слышишся мнѣ. Каганецъ дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣшилъ намъ въ хашѣ. Верешено жужжало; а мы всѣ, дѣши, собравшись въ кучку, слушали дѣда, не слѣзавшаго ошѣ шаросши, болѣе пяши лѣшѣ, съ своей печки. Но ни дивныя рѣчи про давнюю шарину, про наѣзды Запорожцевъ, про Ляховъ, про молодецкіе дѣла Подковы, Полшора-Кожуха и Сагайдачнаго не занимали насъ шакъ, какъ рассказы про какое нибудь шаринное чудное дѣло, ошѣ кошорыхъ всегда дрожь проходила по шѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ шпрахъ бывало шаккой заберешѣ ошѣ

нихъ, что все съ вечера показывается Богъ знаешь какимъ чудищемъ. Случишся, ночью выйдешь зачѣмъ нибудь изъ хаты, вошь шакъ и думаешь, что на постели твоей уклался спать выходець съ того свѣша. И, чтобы мнѣ не довелось рассказывать эшого въ другой разъ, если не принималъ часто издали собственную положенную въ головахъ свишку за свернувагося дьявола. Но главное въ рассказахъ дѣда было то, что въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ; и что бывало ни скажешь, то именно шакъ и было. Одну изъ его чудныхъ исторій перескажу теперь вамъ. Знаю, что много наберешся шакихъ умниковъ, пописывающихъ по судамъ и чишающихъ даже гражданскую грамоту, кошорые, если дашь имъ въ руки просшой часословъ, не разобрали бы ни аза въ немъ, а показывать на позоръ свои зубы, ешь умънье. Имъ все, что ни расскажешь, въ смѣхъ. Эдакое невѣрье разошлось по свѣшу! Да чего, — вошь, не люби Богъ меня и Пречисшая Дѣва! вы можете даже не повѣрите: разъ, какъ - то заикнулся про

вѣдьмѣ — что жъ? нашелся сорви-голова, вѣдьмамъ не вѣришь! Да слава Богу, вошь я, сколько живу уже на свѣшѣ, видѣлъ такихъ инновѣрцевъ, кошорымъ *провозитъ пона въ ртышетъ** было легче, нежели нашему брашу понюхашъ шабаку; а и шѣ ошкрещивались ошѣ вѣдьмѣ. Но приснишь имъ, не хочешся шолько выговорить что шакое, нѣчего и шолковашъ обѣ нихъ.

Лѣшь, куды! болѣе чѣмъ за сшо, говорилъ покойникъ дѣдъ мой, нашего села и не узналъ бы никшо: хушоръ, самый бѣдный хушоръ! Избенокъ десяшь, необмазанныхъ, неукрышыхъ шорчало шо сямъ, шо шамъ, посередѣ поля. Ни плешня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставишь скошину, или возъ. Эшо жъ еще богачи шакъ жили; а посмошрѣли бы на нашу брашью, на голь: вырышай въ землѣ яма — вошь вамъ и хаша! Только по дыму и можно было узнашь, что живешъ шамъ человекъ Божій. Вы спросишь, ошѣ чего они жили шакъ? Бѣдношь, не бѣдношь; пошому что шогда козаковалъ почши всякой, и

* Т. е. солгашъ на исповѣди.

набиралъ въ чужихъ земляхъ немало добра; а больше ошъ того, что не зачѣмъ было заводиться порядочною хашою. Какого народу тогда не шашалось по всѣмъ мѣстамъ: Крымцы, Ляхи, Липвиншво! Бывало то, что и свои наѣдушъ кучами, и обдираюшъ своихъ же. Всего бывало.

Въ эшомъ-шо хушорѣ показывался часто человекъ, или лучше дьяволъ въ человеческомъ образѣ. Ошкуда онъ, зачѣмъ приходилъ, никшо не зналъ. Гуляешъ, пьяншвуешъ и вдругъ пропадешъ какъ въ воду и слуху нѣшъ. Тамъ, глядъ — снова будшо съ неба упалъ, рыскаешъ по улицамъ села, кошораго шеперь и слѣду нѣшъ, и кошорое было можешъ недалше сша шаговъ ошъ Диканьки. Понаберешъ встрѣчныхъ козаковъ: хохошъ, пѣсни, деньги сыплюшся, водка какъ вода... Пришпанешъ, бывало, къ краснымъ дѣвушкамъ: надаришъ леншъ, серегъ, монисшъ — дѣвашъ нѣкуда! Правда, что красныя дѣвушки немного призадумывались, принимая подарки: Богъ знаешъ, можешъ въ самомъ дѣлѣ перешли они черезъ нечисшыя руки. Родная шешка

моего дѣда, содержащая въ то время шинокъ, по нынѣшней Опошнянской дорогѣ, въ кошоромъ часшо разгульничаль Басаврюкъ, шакъ называли эшого бѣсовскаго челоуѣка, именно говорила, что ни за какія благополучія въ свѣшѣ не согласилась бы приняшь ошѣ него подарковъ. Опяшь какъ же и не взяшь: всякаго проберешѣ ешрахъ, когда нахмуришѣ онѣ, бывало, свои щениншья брови и пушишѣ изъ подлѣбья шакой взглядъ, что кажешся, унесъ бы ноги Богъ знаешѣ куда; а возмешѣ — шакъ на другую же ночь и шащешся въ госши какой нибудѣ пріашель изъ болоша, съ рогами на головѣ, и давай душишѣ за шею, когда на шеѣ монисшо, кусашѣ за палець, когда на немъ персшень, или шянушѣ за косу, когда вплешена въ нее денша. Богъ съ ними шогда, съ эшими подарками! Но вошѣ бѣда — и ошвязашѣся нельзя: бросишѣ въ воду — плывешѣ чершовскій персшень или монисшо поверхъ воды, и къ шебѣ же въ руки.

Въ селѣ была церковь, чушь ли еще, какъ вспомню, не Свяшаго Паншелея. Жиль

тогда при ней Терей, блаженной памяти ошецъ Аѳанасій. Замѣшивъ, что Басаврюкъ и на Свѣшное Воскресеніе не бывалъ въ церкви, задумалъ было пожуришь его — наложишь церковное покаяніе. Куды! на силу ноги унесъ. » Слушай, *паноге!* « загремѣлъ онъ ему въ ошвѣшъ. » Знай лучше свое дѣло, чѣмъ мѣшаешься въ чужія, если не хочешь, чшобы козлиное горло швое было залѣплено горячею кушею. « Что дѣлашь съ окаяннымъ? Ошецъ Аѳанасій объявилъ шолько, что всякаго, кто зазнается съ Басаврюкомъ, спанешъ считаешь за католика, врага Христовой церкви и всего человѣческаго рода.

Въ шомъ селѣ былъ у одного козака, прозвищемъ Коржа, работникъ, кошораго люди звали Пешромъ Безроднымъ; можешъ ошъ шого, что никшо не помнилъ ни ошца его, ни машери. Сшаросша церкви говорилъ правда, что они на другой же годъ померли ошъ чумы; но шешка моего дѣда знашь эшого не хошѣла и всѣми силами сшаралась надѣлишь его родней, хошя бѣдному Пешру было въ ней сполько нужды,

сколько намъ въ прошлогодномъ снѣгѣ. Она говорила, что отецъ его и шеперь на Запорожьѣ; былъ въ плѣну у Турокъ, наперпѣлся мукъ, Богъ знаешь какихъ, и какимъ-то чудомъ переодѣвшись евнухомъ, далъ шягу. Чернобровымъ дивчашамъ и молодлицамъ мало было нужды до родни его. Онѣ говорили только, что если бы одѣшь его въ новый жупанъ, зашянуть краснымъ поясомъ, надѣшь на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсишь къ боку Турецкую саблю, дашь въ одну руку малахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то зашкнульт бы онъ за поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ. Но то бѣда, что у бѣднаго Пешруся всего на всего была одна сѣрая свиска, въ кошорой было больше дыръ, чѣмъ у инаго жида въ карманѣ злошыхъ. И это бы еще не большая бѣда; а вошь бѣда: у стараго Коржа была дочка красавица, какую, я думаю, врядъ ли доспавалось вамъ видывать. Тешка покойнаго дѣда рассказывала — а женщинѣ, сами знаеше, легче поцѣловашься съ чоршомъ, не во гнѣвъ

будь сказано, нежели назвашь кого красавицею—что полненькія щеки казачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго шонкаго розоваго цвѣша, когда умывшись божьею росою, горитъ онъ, распрямляешъ листики и охорашивается передъ только что поднявшимся солнышкомъ; что брови словно черныя шнурочки, какіе покупають теперь для кресновъ и дукашовъ дѣвушки наши у проходящихъ по селамъ съ коробками Москалей, ровно нагнувшись, какъ будшо глядѣлись въ ясныя очи; что рошикъ, на кошорый глядя облизывалась шогдашня молодезь, кажись на шо и созданъ былъ, чшобы выводитъ соловьиныя пѣсни; что волосы ея, черныя какъ крылья ворона и мягкія какъ молодой ленъ (шогда еще дѣвушки наши не заплешали ихъ въ дрибушки, перевивая красивыми, яркихъ цвѣшовъ, синдячками), падали курчавыми кудрями на шишый золошомъ куншущъ. Эхъ, не доведи Господь возглашатъ мнѣ больше на клиросѣ алилуя, если бы, вошъ шущъ же, не расцѣловать ее, не смошря на шо, что съдъ пробирается по всему

сшарому лѣсу, покрывающему мою макушу и подь бокомъ моя сшаруха, какъ бѣльмо въ глазу. Ну, если гдѣ парубокъ и дѣвка живушь близко одинъ ошь другаго... сами знаеше, чшо выходишь. Бывало ни свѣшь, ни заря, подковы красныхъ сапоговъ и примѣшны на шомъ мѣсшѣ, гдѣ раздобаривала Пидорка съ своимъ Пешрусемъ. Но все бы Коржу и въ умъ не пришло чшо нибудь недоброе, да разъ — ну, эшо уже и видно, чшо никшо другой, какъ лукавый дернулъ — вздумалось Пешрусю, не обемошрѣвшись хорошенько въ сѣняхъ, влѣпишь поцѣлуй, какъ говоряшь, ошь всей души, въ розовыя губки казачки, и шомъ же самый лукавый, чшобъ ему собачьему сыну приснился крешъ свяшой! наешроиль съ дуру сшараго хрѣна ошворишь дверь хашы. Одеревянѣль Коржъ, разинувъ рошь и ухвашась рукою за двери. Прокляшый поцѣлуй, казалось, оглушилъ его совершенно. Ему почудился онъ громче, чѣмъ ударъ макогона объ сшѣну, которымъ обыкновенно въ наше время мужикъ прогоняешъ кушю, за неимѣніемъ фузеи и пороха.

Очнувшись, снялъ онъ со спѣны дѣдовскую нагайку и уже хотѣлъ было покропить ею спину бѣднаго Пешра, какъ откуда ни возьмись шестилѣтній брательщикъ Пидоркинъ, Ивась, прибѣжалъ и въ испугѣ схватилъ ручонками его за ноги, закричавъ: » шяшя, шяшя! не бей Пешруса! « Чшо прикажешь дѣлать? у ошца сердце не каменное; повѣсивши нагайку на спѣну, вывелъ онъ его пошихоньку изъ хашы: » Если ты мнѣ когда нибудь покажешься въ хашѣ, или хошь только подъ окнами, то слушай, Пешро: ей Богу, пропадутъ черные усы, да и оселедецъ твой, вопшь уже онъ два раза обматывается около уха, не будь я Тереншій Коржъ, если не распрощаешься съ швоею макушей! « Сказавши это, далъ онъ ему легонькою рукою стусана въ зашылокъ, шакъ чшо Пешрусъ, не взвидя земли, полешѣлъ спремглавъ. Вопшь шебѣ и доцѣловались! Взяла кручина нашихъ голубковъ; а шуть и слухъ по селу, чшо къ Коржу повадилея ходишь какой-шо Ляхъ, общишый золотомъ, съ усами, съ саблею, съ шпорами,

съ карманами брѣнчавшими какъ звонокъ
ошъ мѣшечка, съ кошорымъ понамарь нашъ,
Тарась, ошправляешся каждый день по
церквѣ. Ну, извѣсно, зачѣмъ ходяшъ
къ ошцу, когда у него водишся чернобро-
вая дочка. Вошъ, одинъ разъ, Пидорка
схвашила, заливаясь слезами, на руки Ивася
своего: » Ивасю мой милой, Ивасю мой
любой! бѣги къ Пешрусю, мое золошое
дишя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи
ему все: любила бѣ его карія очи, цѣло-
вала бы его бѣлое личико, да не велишъ
судьба моя. Не одинъ рушникъ вымочила
горючими слезами. Тошно мнѣ. Тяжело
на сердцѣ. И родной ошець, врагъ мнѣ:
неволишъ иди за нелюбаго Ляха. Скажи
ему, чшо и свадьбу гошовяшъ, шолько не
будешъ музыки на нашей свадьбѣ; будушъ
дѣяки пѣшъ, вмѣшо кобзъ и сопилокъ.
Не пойду я танцовашъ съ женихомъ своимъ;
понесушъ меня. Темная, шемная моя будешъ
хаша: изъ кленоваго дерева и вмѣшо шру-
бы, кресшъ будешъ сшояшъ на крышѣ! «

Какъ будшо окаменѣвъ, не сдвинув-
шись съ мѣсша, слушалъ Пешро, когда

невинное дитя лепетало ему Пидоркины рѣчи. » А я думалъ, несчастный, иди въ Крымъ и Туречину, навоевашъ золоша и съ добромъ пріѣхашъ къ тебѣ, моя красавица. Да не бышь тому. Недобрый глазъ поглядѣлъ на насъ. Будешъ же, моя дорогая рыбка! будешъ и у меня свадьба: шолько и дьяковъ не будешъ на шой свадьбѣ; воронъ черный прокрячешъ, вмѣсто попа, надо мною; гладкое поле будешъ моя хаша; сизая шуча — моя крыша; орель выключешъ мои карія очи; вымоюшъ дожди казацкія косточки и вихоръ высушишъ ихъ. Но что я? на кого? кому жаловашься? Такъ уже видно Богъ велѣлъ — пропадашъ, шакъ пропадашъ! « да прямехонько и побрель въ шинокъ.

Тешка покойпаго дѣда немного изумилась, увидѣвши Пешруса въ шинкѣ, да еще въ шакую пору, когда добрый чловѣкъ идешъ къ зашренѣ, и выпучила на него глаза, какъ будшо съ просонья, когда пошребовалъ онъ кухоль сивухи, мало не съ полведра. Только напрасно думалъ бѣдняжка залишъ свое горе. Водка щипала его

за языкъ, словно крапива, и казалась ему горше полыни. Кинулъ ошъ себя кухоль на землю. » Полно горевашъ шебъ, козакъ! « загремѣло чшо - шо басомъ надъ нимъ. Оглянулся: Басаврюкъ! у! какая образина! Волосы — щешина, очи — какъ у вола! » Знаю, чего недосшаешъ шебъ: вошъ чего! « Тушъ брякнулъ онъ съ бѣсовскою усмѣшкою кожанымъ, висѣвшимъ у него возлѣ пояса, кошелькомъ. Вздогнулъ Петро. » Ге, ге, ге! да какъ горишь! « заревѣлъ онъ, пересыпая на руку червонцы: » ге, ге, ге! да какъ звенишь! А вѣдь и дѣла шолько одного пошребую за цѣлую гору шакихъ цяцекъ. « — » Дьяволь! « закричалъ Петро. » Давай его! на все гошовъ! « Хлопнули по рукамъ. » Смощри, Петро, шы поспѣлъ какъ разъ въ пору: завшра Ивана Купала. Одну шолько эшу ночь въ году и цвѣшенъ пашорошникъ. Не прозѣвай! Я тебя буду ждашь, о полночи, въ медвѣжьемъ оврагѣ. «

Я думаю, куры шакъ не дожидаются той поры, когда баба вынесешъ имъ хлѣбныхъ зеренъ, какъ дожидался Петрусь

вечера. То и дѣла, что смошрѣль, не шановишся ли шѣнь ошъ дерева длиннѣе, не румянишся ли понизившееся солнышко, и что далѣе, шѣмъ нешерпѣливѣй. Экая долгоша! видно день Божій пошеряль гдѣ нибудь конецъ свой. Вошъ уже и солнца нѣшъ. Небо шолько красиѣешъ на одной шоронѣ. И оно уже шускнешъ. Въ полѣ шановишся холоднѣй. Примеркаешъ, примеркаешъ и — смерклось. Насилу! Съ сердцемъ, шолько что не хошѣвшимъ выскочишъ изъ груди, собрался онъ въ до-рогу и бережно спушился густымъ лѣсомъ въ глубокой ярѣ, называемый Медвѣжьимъ оврагомъ. Басаврюкъ уже поджидалъ шамъ. Темно, хошъ въ глаза вышрѣли. Рука объ руку пробирались они по шопкимъ болошамъ, цѣпляясь за густо-разросшійся шерновникъ и спощыкаясь по-чши на каждомъ шагу. Вошъ и ровное мѣшо. Оглядѣлся Пешро: никогда еще не случалось ему заходишъ сюда. Тупъ ошановишся и Басаврюкъ. » Видишъ ли шы, шшояшъ передъ шобою шри пригорка. Много будешъ на нихъ цвѣшовъ разныхъ;

но, сохрани тебя нездѣшная сила, вырвась хоть одинъ. Только же зацвѣшешь папорошникъ, хважай его и не оглядывайся, что бы тебѣ позади не чудилось. «Петро хотьль было спросишь... глядь — и нѣшь уже его. Подошелъ къ шремъ пригоркамъ; гдѣ же цвѣшы? Ничего не видашь. Дикой бурьянъ чернѣль кругомъ и глушилъ все своею густошою. Но вошь блеснула на небѣ зарница, и передъ нимъ показалась цѣлая гряда цвѣшовъ, все чудныхъ, все невиданныхъ; шушь же и просыя лисья папорошника. Поусумнился Петро, и раздумно сшалъ передъ ними, подпершись обѣими руками въ боки. Чшо шушь за невидальщина? десяшь разъ на день, случается, видишь эшо зелье; какое жъ шушь диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмѣяться? — Глядь, краснѣешь маленькая цвѣшочная почка, и какъ будшо живая движешся. Въ самомъ дѣлѣ чудно! Движешся и шановишся все больше, больше, и краснѣешь, какъ горячій уголь. Всыхнула звѣздочка, чшо-шо шихо зашрещало и цвѣшокъ развернулся передъ

его очами, словно пламя, освѣшивъ и другіе около себя. Теперь пора! подумалъ Пешро и просянулъ руку. Смошришъ, шянущся изъ за него сошни мохнашыхъ рукъ также къ цвѣшку, и позади его что-то перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто. Зажмуривъ глаза, дернулъ онъ за шебелекъ и цвѣшокъ осшался въ его рукахъ. Все ушихло. На пнѣ показался сидящимъ Басаврюкъ, весь синій, какъ мершвецъ. Хошь бы пошевелился однимъ пальцомъ. Очи недвижно усшавлены на что-то, видимое ему одному шолько; рошь въ половину разинушъ и ни ошвѣша. Вокругъ не шелохнешъ. Ухъ сшрашно!... Но вошь пошлышался свисшъ, ошъ кошораго захолонуло у Пешра внутри и почудилось ему, будшо шрава зашумѣла, цвѣшы начали между собою разговаривашъ голоскомъ шоненькимъ, будшо серебряные колокольчики; деревья загрсмѣли сышучею бранью... Лице Басаврюка вдругъ ожило; очи сверкнули. » Насилу ворошилась яга!« проворчалъ онъ сквозь зубы. » Гляди, Пешро, сшанешъ передъ шобою сейчасъ красавица: дѣлай

все, что ни прикажешь, не то пропасть навѣки! « Тушь раздѣлилъ онъ суковашою палкою кустъ шерновника, и передъ ними показалась избушка, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ. Басаврюкъ ударилъ кулакомъ и сѣна зашамалась. Большая черная собака выбѣжала на встрѣчу и съ визгомъ, оборотившись въ кошку, кинулась въ глаза имъ. » Не бѣсись, не бѣсись, старая чершовка! « проговорилъ Басаврюкъ, приправивъ такимъ словцомъ, что добрый человекъ и уши бы зашкнудъ. Глядь, вмѣсто кошки, старуха съ лицомъ сморщившимся, какъ печеное яблоко, вся согнушая въ дугу; носъ съ подбородкомъ словно щипцы, кошорыми щелкають орѣхи. » Славная красавица! « подумалъ Петро, и мурашки пошли по спинѣ его. Вѣдьма вырвала у него цвѣшокъ изъ рукъ, наклонилась и что-то долго шептала надъ нимъ, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта; пѣна показалась на губахъ. » Бросай! « сказала она, отдавая цвѣшокъ ему. Петро подбросилъ, и, что за чудо? цвѣшокъ не упалъ прямо,

но долго казался огненнымъ шарикомъ среди мрака и словно лодка плавалъ по воздуху; наконецъ пошохоньку началъ спускаться ниже и упалъ шакъ далеко, что едва примѣтна была звѣздочка, не больше маковаго зерна. » Здѣсь! « глухо прохрипѣла сшаруха; а Басаврюкъ, подавая ему засшупъ, примолвилъ: » конай здѣсь, Пешро. Тутъ увидишь шы сполько золоша, сколько ни шебѣ, ни Коржу не снилось. « — Пешро, поплевавъ въ руки, схватилъ засшупъ, надавилъ ногою и выворотилъ землю, въ другой, въ шрешій, еще разъ... что-то швердое!... Засшупъ звенишь и нейдешъ далѣе. Тутъ глаза его ясно начали различать небольшой, окованный желѣзомъ, сундукъ. Уже хошѣлъ онъ было досшашъ его рукою, но сундукъ спалъ уходишь въ землю, и все чѣмъ далѣе, глубже, глубже; а позади его слышился хохошь, болѣе схожій съ змѣинымъ шипѣньемъ. » Нѣшь, не видашь шебѣ золоша, цокамѣсшь не досшанешъ крови человѣческой! « сказала вѣдьма и подвела къ нему дишя, лѣшь шести, накрытое бѣлою

просшынею, показывая знакомъ, чшобы онъ ошсѣкъ ему голову. Оштолбенѣль Пешро. Малосшь, ошрѣзашь ни за что, ни про что челоувѣку голову, да еще и безвинному ребенку! Въ сердцахъ, сдернулъ онъ просшыню, накрывавшую его голову, и что же? Передъ нимъ стоялъ Ивась. И ручонки сложило бѣдное дышя на кресшь; и головку повѣсило... Какъ бѣшенный подскочилъ съ ножомъ къ вѣдьмѣ Пешро, и уже занесъ было руку... »А что ты обѣщашь за дѣвушку?... « грянулъ Басаврюкъ, и словно пулю посадилъ ему въ спину. Вѣдьма шоннула ногою: синее пламя выхватилося изъ земли; середина ея вся освѣшилася и сшала какъ будто изъ хрушала вылиша; и все, что ни было подъ землею, сдѣлалось видимо какъ на ладонѣ. Червонцы, дорогіе камни, въ сундукахъ, въ кошдахъ, грудами были навалсны подъ шѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ они стояли. Глаза его загорѣлись... умъ помушился... Какъ безумный, ухвалился онъ за ножъ, и безвинная кровь брызнула ему въ очи... Дьявольскій хохощъ загремѣлъ со всѣхъ

споронъ. Безобразныя чудища спаями скакали передъ нимъ. Вѣдьма, вцѣпившись руками за обезглавленный шрупъ, какъ волкъ, пила изъ него кровь... Все пошло кругомъ въ головъ его! Собравши всѣ силы, бросился бѣжашъ онъ. Все покрылось передъ нимъ краснымъ цвѣшомъ. Деревья всѣ въ крови, казалось, горѣли и сшонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненные пашна, чшо молніи, мерещились ему въ глаза. Выбившись изъ силъ, вбѣжалъ онъ въ свою лачужку, и какъ снопъ, повалился на землю. Мершвый сонъ схватилъ его.

Два дни и двѣ ночи спалъ Пешро безъ просыпа. Очнувшись на третій день, долго осмашривалъ онъ углы своей хашы; но напрасно сшарался чшо нибудь припомнишь: памяшь его была какъ карманъ сшараго скряги, изъ котораго полушки не выманишь. Пошянувшись немного, услышалъ онъ, чшо въ ногахъ брякнуло. Смотришь: два мѣшка съ золошомъ. Тушь только, будшо сквозь сонъ, вспомнилъ онъ, чшо искалъ какого-шо клада, чшо было

ему одному страшно въ лѣсу... Но за какую цѣну, какъ досшался онъ, эшого никакимъ образомъ не могъ понять.

Увидѣлъ Коржъ мѣшки и — разнѣжился: „Сякой, шакой Пешрусъ, немазаной! да я ли не любилъ его? да не былъ ли у меня онъ, какъ сынъ родной?“ и понесъ хрычъ небывальщину, такъ что шого до слезъ разобрало. Дивно только показалось Пидоркѣ, когда сшала рассказывать, какъ проходившіе мимо цыгане украли Ивася. Онъ не могъ даже вспомнить лица его, такъ обморочила прокляшая бѣсовщина! Мѣшкашъ было не зачѣмъ. Поляку дали подъ носъ дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишекъ, нашили рушниковъ и хушокъ, выкашили бочку горѣлки, посадили за столъ молодыхъ, разрѣзали коровай, брякнули въ бандуры, цымбалы, социлки, кобзы — и пошла пошѣха...

Въ сшарину, свадьба водилась не въ сравненье нашей. Тешка моего дѣда, бывало расскажешъ — люли только! Какъ дѣвчаша, въ нарядномъ головномъ уборѣ, изъ желшыхъ, синихъ и розовыхъ сшри-

чекъ, на верхъ кошорыхъ навязывался золошой галунъ, въ шонкихъ рубашкахъ, вышитыхъ по всему шву краснымъ шолкомъ и унизанныхъ мелкими серебряными цвѣточками, въ сафьянныхъ сапогахъ на высокихъ желѣзныхъ подковахъ, плавно, словно павы, и съ шумомъ, что вихорь, скакали въ горлицѣ. Какъ молодицы, съ корабликомъ на головѣ, кошораго верхъ сдѣланъ былъ весь изъ сушозолошой парчи, съ небольшимъ вырѣзомъ на зашылкѣ, изъ кошораго выглядывалъ золошой очипокъ, съ двумя выдавшимися, одинъ напередъ, другой назадъ, рожками, самага мѣлкаго чернаго смушка; въ синихъ изъ лучшаго полушабенеку съ красными клапанами куншушахъ, важно подбоченившись, высшупали по одиночкѣ и мѣрно выбивали гопака. Какъ парубки, въ высокихъ казацкихъ шапкахъ, въ шонкихъ суконныхъ свиткахъ, зашянушыхъ шитыми серебромъ поясами, съ люльками въ зубахъ, разсыпались передъ ними мѣлкимъ бѣсомъ и подпускали шурусы. Самъ Коржъ не ушерпѣлъ, глядя на молодыхъ, чшобы не прях-

нушь сшариною. Съ бандурою въ рукахъ , пошягивая люльку и вмѣстѣ прищѣвая , съ чаркою на головѣ , пустился сшаричина , при громкомъ крикѣ гулякъ , въ присядку. Чего не выдумаюшь навеселѣ ? Начнушь , бывало , наряжашься въ хари — Боже шы мой , на человѣка не похожи ! Ужъ не нынѣшнихъ переодѣваній , что бываюшь на свадьбахъ нашихъ . Чшо теперь ? только чшо корчашь цыганокъ , да москалей . Нѣшъ , вошъ , бывало , одинъ одѣнешся жидомъ , а другой чоршомъ , начнушь сперва цѣловашься , а послѣ ухващашься за чубы Богъ съ вами ! смѣхъ нападешь шакой , чшо за живошъ хващашься . Поодѣнушь въ Турецкія и Ташарскія плашья : все горшъ на нихъ , какъ жаръ А какъ начнушь дурѣшь , да спрошшь шшуки . . . ну , шогда хошъ свяшыхъ выноси . Съ шешкой покойнаго дѣда , кошорая сама была на этой свадьбѣ , случилась забавная ишпорія : была она одѣша шогда въ Ташарское широкое плашье , и съ чаркою въ рукахъ угощала собраніе . Вошъ , одного дернулъ лукавый окашишь ее сзади водкою ; другой ,

шоже видно непромахъ, высккъ въ шу же минушу огня, да и поджегъ . . . пламя вспыхнуло: бѣдная шешка, перепугавшись, давай сбрасывать съ себя, при всѣхъ, плашье . . . Шумъ, хохощъ, ералашь поднялся, какъ на ярмаркѣ. Словомъ, сшарики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы.

Начали жишь Цидорка да Пешрусъ, словно панъ съ панею. Всего вдоволь, все блеспишь . . . Однако же добрые люди качали слегка головами, глядя на жишье ихъ. Ошь чорша не будешъ добра, поговаривали всѣ въ одинъ голосъ. Ошкуда, какъ не ошь искусшеля люда православнаго, пришло къ нему богашешво? Гдѣ ему было взять такую кучу золоша? Ошь чего, вдругъ, въ самый шощъ день, когда разбогашѣль онъ, Басаврюкъ пропалъ, какъ въ воду? — Говорите же, чшо люди выдумываютъ! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ не прошло мѣсяца, Пешруся никшо узнать не могъ. Ошь чего, чшо съ нимъ сдѣлалось, Богъ знаешъ. Сидишь на одномъ мѣснѣ, и хошь бы слово съ кѣмъ. Все думаешъ и какъ будто бы хочешъ чшо-шо припом-

нишь. Когда Пидоркѣ удася засшавишь его о чемъ нибудь заговоришь, какъ будшо и забудешя, и поведешъ рѣчь, и разве-селишя даже; но не нарокомъ, посмош-ришь на мѣшки — посшой, посшой, поза-быль! кричишь, и снова задумаешя, и снова силишя про что-шо вспомнишь. Иной разъ, когда долго сидишь на одномъ мѣсшѣ, чудишя ему, что вошь, вошь, все съ изнова приходишь на умъ... и опяшь все ушло. Кажешя, сидишь въ шинкѣ; несущъ ему водку; жжешъ его водка; про-шивна ему водка. Кшо-шо приходишь, бьешъ по плечу его... но далѣе, все какъ будшо шуманомъ укрываешя передъ нимъ. Пошъ валишя градомъ по лицу его, и онъ въ изнеможеніи садишя на свое мѣсшо.

Чего не дѣлала Пидорка: и совѣщалась съ знахорами, и переполохъ выливали, и соняшницу заваривали *, ничшо не помо-

* Выливають переполохъ у насъ въ случаѣ испуга, когда хотяшь узнать, ошъ чего приключился онъ; бросающъ расплавленное олово или воскъ въ воду и чѣе примущъ они подобіе, шо самое перепугало больнаго; послѣ чего и весь испугъ проходишь. Заваривающъ соняшницу ошъ дурношы и боли въ живошѣ. Для этого зажигающъ кусокъ пеньки, бросающъ въ кружку и опрокидывающъ ее вверхъ дномъ въ миску, наполненную водою и посшавленную на живошѣ больнаго; пошомъ, послѣ зашешываній, дающъ ему выпишь ложку этой самой воды.

гало. Такъ прошло и льшо. Много козаковъ ошкосилось, много козаковъ, поразгильнѣе другихъ, и въ походъ пошянулось. Стаи ушокъ еще толпились на болошахъ нашихъ; но крапивянокъ уже и въ поминѣ не было. Въ ешепяхъ покраснѣло. Скирды хлѣба, шо сямъ, шо шамъ, словно козацкіе шапки, песпрѣли по полю. Попадались по дорогѣ и возы, наваленные хворосшомъ и дровами. Земля сдѣлалась крѣпче и мѣшами сшала прохвашывашься морозомъ. Уже и снѣгъ сшаль сѣяшья съ неба, и въшви деревъ убрались инеемъ, будшо заячьимъ мѣхомъ. Вошъ уже въ ясный морозный день, красногрудый снѣгирь, словно щеголевашой Польской шляхшичь, прогуливался по снѣговымъ кучамъ, вышаскивая зерно, и дѣши огромными кіями гоняли по льду деревянные кубари, между шѣмъ какъ ошцы ихъ спокойно вылеживались на печкѣ, выходя по временамъ, съ зажженною люлькою въ зубахъ, ругнушь добрымъ порядкомъ православный морозецъ, или провѣшришья и промолошишь въ сѣняхъ залежалой хлѣбъ. Наконецъ снѣга

спали шаяшь и *шука хвостомъ ледъ расколотила*; а Пешро все также, и чѣмъ далѣе, шѣмъ еще суровѣе. Какъ будто прикованный, сидишь посреди хашы, посшавивъ себѣ въ ноги мѣшки свои. Одичаль, обрось волосами, спаль спрашенъ, и все думаешь обь одномъ, все силишься припомнишь чшо-шо, и сердишься, и злишься, чшо не можешь вспомнишь. Часшо, дико подымаешься съ своего мѣша, поводишь руками, вперяешь во чшо-шо глаза свои, какъ будто хочешь уловишь его; губы шевелятся, будто хошяшь произнесшь какое-шо давно забышое слово — и неподвижно осшанавливаешься... Бѣшеншво овладѣваешь имъ: какъ полуумный, грызешь и кусаешь себѣ руки и въ досадѣ рвешь клоками волоса, покамѣсшь ушихнувъ, не упадешь, будто въ забышьи, и послѣ снова принимаешься припоминать, и снова бѣшеншво, и снова мука... Чшо это за напасшь Божія? Жизнь не въ жизнь спшала Пидоркѣ. Спрашно ей было осшавашься сперва одной въ хашѣ; да послѣ свыклась бѣдняжка съ своимъ горемъ. Но прежней

Пидорки уже узнать нельзя было. Ни румянца, ни усмѣшки; изныла, изчахла, выплакались ясныя очи. Разъ, кшо-шо уже видно сжалился надъ ней, посовѣшовалъ иди къ колдуньѣ, жившей въ Медвѣжьемъ оврагу, про кошорую ходила слава, что умѣетъ лѣчишь всѣ на свѣшѣ болѣзни. Рѣшилась попробовашъ послѣднее средство; слово за слово, уговорила сшаруху иди съ собою. Это было ввечеру, какъ разъ наканунѣ Купала. Петро, въ безпамятствѣ, лежалъ на лавкѣ и не примѣчалъ вовсе новой госшьи. Какъ вошъ, мало по малу, сшалъ приподнимашься и всмашривашься. Вдругъ весь задрожалъ, какъ на плахѣ; волосы поднялись горою... и онъ засмѣлся такимъ хохомъ, что сшрахъ врѣзался въ сердце Пидорки. »Вспомнилъ! вспомнилъ!« закричалъ онъ въ сшрашномъ весельи, и размахнувши топоръ, пустилъ имъ со всей силы въ сшаруху. Топоръ на два вершка вбѣжалъ въ дубовую дверь. Сшаруха пропала, и дия лѣшъ семи, въ бѣлой рубашкѣ, съ накрышою головою, сшало посереди хашы... Просшыня сле-

пѣла. »Ивась!« закричала Пидорка и бросилась къ нему; но привидѣніе, все съ ногъ до головы покрылось кровью и освѣтило всю хашу краснымъ свѣшомъ... Въ испугѣ выбѣжала она въ сѣни; но опомнившись немного, хошѣла было помочь ему; напрасно! дверь захлопнулась за нею шакъ крѣпко, чшо не подѣ силу было ошперешь. Сбѣжались люди; принялись спучашь; высадили дверь: хошѣ бы душа одна. Вся хаша полна дыма, и по серединѣ шолько, гдѣ споялъ Пешрусъ, куча пеплу, ошѣ кошораго мѣсшами подымался еще парь. Кинулись къ мѣшкамъ: одни бишые черешки лежали вмѣшо червонцевъ. Вышуча глаза и разинувъ ршы, не смѣя пошевельнушь усомъ, спояли козаки будшо вкопанные въ землю. Такой спрахъ навело на нихъ эшо диво.

Чшо было далѣе, не вспомню. Пидорка дала обѣшъ, иди на богомолье; собрала осшавшееся послѣ ошца имущешво, и черезъ нѣсколько дней ее шочно уже не было на селѣ. Куда ушла она, никшо не могъ сказашь. Услужливыя спарухи ошправили

ее было уже шуда, куда и Пешро пошашилея; да одинъ разъ, прїѣхавшій изъ Кіева козакъ, разсказаль, что видѣлъ въ Лаврѣ монахиню, всю высохшую какъ скелешъ и безпрешанно молящуюся, въ кошорой земляки, по всѣмъ примѣшамъ, узнали Пидорку; что еще никшо не слышалъ ошъ нее ни одного слова; что пришла она пѣшкомъ и принесла окладъ къ иконѣ Божьей Машери, изцвѣченный такими яркими камнями, что всѣ зажмуривались, на него глядя.

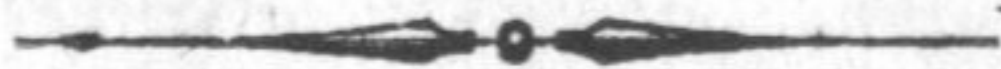
Позвольше, эшимъ еще не все кончилось. Въ шопъ самый день, когда лукавый припряшалъ къ себѣ Пешруся, показался снова Басаврюкъ; шолько всѣ бѣгомъ ошъ него. Узнали, что эшо за пшица: никшо другой, какъ сашана, принявшій челошеческій образъ для шого, чтобы опривашъ клады; а какъ клады не даюшся нечисшымъ рукамъ, шакъ вошъ онъ и приманиваешъ къ себѣ молодець. Того же году, всѣ побросали землянки свои и перебрались въ село; но и шамъ однако жъ не было покою ошъ прокляшаго Басаврюка. Тешка

покойнаго дѣда говорила , что именно злился онъ болѣе всего на нее за то, что оставила прежній шинокъ по Опошнянской дорогѣ, и всѣми силами старался вымѣстить все на ней. Разъ старшины села собрались въ шинокъ и , какъ говоришся, бесѣдовали по чинамъ за шоломъ, по серединѣ кошораго посшавленъ былъ, грѣхъ сказашь чшобы малой, жареной баранъ. Калякали о семъ и о шомъ, было и про диковинки разныя и про чуда. Вошь и померещилось, еще бы ничего, если бы одному, а то именно всѣмъ, что баранъ поднялъ голову, блудящіе глаза его ожили и засвѣшились, и въ мигъ появившіеся, черные щешинистые усы, значительнo заморгали на присушествующихъ. Всѣ шощасъ узнали на бараньей головѣ рожу Басаврюка; шешка дѣда моего даже думала уже, что вошь, вошь попросишь водки... Чешные старшины за шапки, да скорѣй во свояси. Въ другой разъ самъ церковный староста, любившій по временамъ раздобаривать глазъ на глазъ съ дѣдовскою чаркою, не успѣлъ еще раза два досшать дна, какъ

видишь, что чарка кланяется ему въ по-
ясъ. Чоршь съ шобою! давай крещишься!..
А шущь съ половиною его шоже диво:
только что начала она замѣшивашь шѣсно,
въ огромной дижѣ, вдругъ, дижа выпрыг-
нула: »Сшой, сшой!« куды! подбоченив-
шись важно, пустилась въ присядку по
всей хашѣ... Смѣйшесь; однако жъ не до
смѣха было нашимъ дѣдамъ. И даромъ,
что ошець Аѳанасій ходилъ по всему селу
съ свяшою водой и гонялъ чорша кропи-
ломъ по всѣмъ улицамъ; а все еще шешка
покойнаго дѣда долго жаловалась, что
кто-то, какъ шолько вечеръ, спучишь въ
крышу и царапается по сѣнѣ.

Да чего! Вошь шеперь на эшомъ самомъ
мѣстѣ, гдѣ стоить село наше, кажись
все спокойно; а вѣдь еще не шакъ давно,
еще покойный ошець мой и я запомню,
какъ мимо развалившася шинка, кошо-
рый нечисшое племя долго послѣ того по-
правляло на свой счешь, доброму человѣку
пройши нельзя было. Изъ закопѣвшей
шрубы шолбомъ валился дымъ, и под-
нявшись высоко, шакъ что посмошрѣшь—

шапка валилась, разсыпался горячими угольями по всей сшени и чоршъ, нечего бы и вспоминашь, его собачьяго сына, шакъ всхлипывалъ жалобно въ своей конурѣ, что испуганные гайвороны спаями подымались изъ ближняго дубоваго лѣса и съ дикимъ крикомъ мешались по небу.

МАЙСКАЯ НОЧЬ,

ИЛИ

УТОПЛЕНИЦА.

МАЙСКАЯ НОЧЬ,

ИЛИ

УТОПЛЕНИЦА.

Врагъ его башка знае! начнушь що небудь робышь люды хрещены, по мурдуюшца, мурдуюшца, мовъ жорны за зайцемъ, а все щось недо шмыгу; шилькижъ куды чоршь уплешецца, по вершь хвоспыкомъ — шакъ де воной возмешцця зъ неба.

I.

—

Г а н н а.

—

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ села *** . Было то время, когда ушомленные дневными шрудами и забошами, парубки и дѣвушки шумно собирались въ кру-

жокъ, въ блескъ чистаго вечера, выли-
вашь свое веселье въ звуки, всегда нераз-
лучные съ уныньемъ. И вечеръ, вѣчно
задумавшійся, мечшашельно обнималъ синее
небо, преобращая все въ неопредѣленность
и даль. Уже и сумерки; а пѣсни все не
ушихали. Съ бандурою въ рукахъ проби-
рался ускользнувшій ошъ пѣсельниковъ
молодой козакъ Левко, сынъ сельскаго Го-
ловы. На козакъ Рѣшешиловская шапка.
Козакъ идешъ по улицѣ, бренчишъ рукою
по струнамъ и подшанцовывашъ. Вошъ онъ
шихо осшановилса передъ дверью хашы,
усшавленной невысокими вишневыми де-
ревьями. Чья же эшо хаша? Чья эша дверь?
Немного помолчавши, заигралъ онъ и за-
пѣлъ :

Сонце нызенько, вечеръ близенько,
Выйды до мене, мое серденько!

»Нѣшъ, видно крѣпко заснула моя ясно-
окая красавица!« сказалъ козакъ, окон-
чивши пѣсеню и приближась къ окну. »Галю!
Галю! ты спишь, или не хочешь ко мнѣ
выйши? Ты боишься вѣрно, чшобы насъ
кто не увидѣлъ, или не хочешь, можешъ
бышь, показашъ бѣлое личико на холодъ!

Не бойся: никого нѣшь. Вечерь шепель.
Но если бы и показался кто, я прикрою
тебя свинскою, обмошаю своимъ поясомъ,
закрою руками тебя — и никшо насъ не
увидишь. Но если бы и повѣяло холодомъ,
я прижму тебя поближе къ сердцу, ошо-
грѣю поцѣлуями, надѣну шапку свою на
твои бѣленькія ножки. Сердце мое, рыбка
моя, ожерелье! выгляни на мигъ. Просунь
сквозь окошечко хошь бѣлую ручку свою...
Нѣшь, ты не спишь, гордая дивчина! «
проговорилъ онъ громче и такимъ голо-
сомъ, какимъ выражаешь себя усмыдив-
шійся мгновеннаго униженія. » Тебѣ любо
издѣваться надо мною; прощай! « Тушь
онъ опворошился, насунуль на бекрень
свою шапку и гордо ошошелъ ошь окошка,
шихо перебирая струны бандуры. Дере-
вянная ручка у двери въ это время завер-
шѣлась: дверь распахнулась со скрыпомъ
и дѣвушка на порѣ семнадцатой весны,
обвишая сумерками, робко оглядываясь и
не выпуская деревянной ручки, пересшу-
пила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ
горѣли привѣтно, будшо звѣздочки, ясныя

очи; блискало красное кораловое монисто и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрышья даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея. » Какой же ты нетерпѣливой! « говорила она ему въ полголоса. » Уже и рассердился! Зачѣмъ выбралъ ты такое время: толпа народу шапашея по и дѣло по улицамъ . . . Я вся дрожу . . . «

» О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мнѣ покрѣпче! « говорилъ парубокъ, обнимая ее, сбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и сядясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты. » Ты знаешь, что мнѣ и часу не видашь тебя горько. «

» Знаешь ли, что я думаю, « прервала дѣвушка, задумчиво пощипивъ въ него свои очи. » Мнѣ все что-то будто на ухо шепчешь, что впередъ намъ не видашь ся такъ часто. Недобрые у васъ люди: дѣвушки всѣ глядѣшь такъ зависливо; а парубки . . . Я примѣчаю даже, что мать моя съ недавней поры стала суровѣе приглядываешь за мною. Признаюсь, мнѣ веселѣе у чужихъ было. « Какое-то движеніе щоски выразилось на лицѣ ея при послѣднихъ словахъ.

» Два мѣсяца только въ сторонѣ родной и уже соскучилась! Можешь и я надоѣль тебѣ? «

» О, ты мнѣ не надоѣль, « молвила она, усмѣхнувшись. » Я тебя люблю, чернобровый козакъ! За то люблю, что у тебя каріи очи и какъ поглядишь ты ими — у меня какъ будто на душѣ усмѣхаешся: и весело, и хорошо ей; что привѣшливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ и любо слушать тебя. «

» О, моя милая дѣвушка! « вскрикнулъ парубокъ, цѣлуя и прижимая ее сильнѣе къ груди своей.

» Поспой! полно, Левко! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ опцомъ своимъ? «

» Что? « сказалъ онъ, будто проснувшись. » Да, что я хочу жениться, а ты выдши за меня замужъ — говорилъ. « Но какъ-то унывно зазвучало въ ушахъ его это слово: говорилъ.

» Что же? «

» Что станешь дѣлать съ нимъ? Пришворился старый хрѣнь, по своему обык-

новенію, глухимъ: ничего не слышишь и еще бранишь, что шапаюсь Богъ знаешь гдѣ, повѣсничая и шалю съ хлопцами по улицамъ. Но не шужи, моя Галю! Вошь тебѣ слово козацкое, что уломаю его. «/

» Да тебѣ шолько споишь, Левко, слово скажешь — и все будешь по швоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебѣя, а скажешь слово — и невольно дѣлаю, что тебѣ хочешся. Посмотри, посмотри! « продолжала она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое Украинское небо, завѣшенное снизу кудрявыми вѣшьями споявшихъ передъ ними вишень. » Посмотри: вонъ, вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, шрешія, чешвершая, пяшая... Не правда ли, вѣдь это Ангелы Божіи пошворяли окошечки своихъ свѣшлыхъ домиковъ на небѣ и глядѣшь на насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядѣшь на нашу землю? Чшо, если бы у людей были крылья, какъ у пшиць — шуда бы полешъ, высоко, высоко... Ухъ, спрашно! Ни одинъ дубъ у насъ недосшанешъ до

неба. А говоряшь однако же, ешь гдѣ-шо, въ какой-шо далекой землѣ, шакое дерево, кошорое шумишь вершиною въ самомъ небѣ и Богъ сходишь по немъ на землю ночью передъ свѣшлымъ праздникомъ. «

» Нѣшь, Галю; у Бога ешь длинная лѣспница ошь неба до самой земли. Ее ешановяшь передъ свѣшлымъ воскресеніемъ Свяшые Архангелы; и какъ шолько Богъ ешупишь на первую ешупень, всѣ нечи-сшые духи полешяшь спремглавъ и кучами попадаюшь въ пекло и ошь шого на Хри-шовъ праздникъ ни одного злаго духа не бываешъ на землѣ. «

» Какъ шихо колышешся вода, будшо диша въ люлькѣ! « продолжала Ганна, указывая на прудъ, угрюмо обшавленный шемнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, пошопившими въ немъ жалобныя свои вѣшви. Какъ безсишный спарець, держаль онъ въ холодныхъ обьяшіяхъ своихъ далекое, шемное небо, обсы-пая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, кошорыя шускло рѣяли среди шеплаго ночнаго воздуха, какъ бы предчувешвуя

скорое появленіе блисшашельнаго царя ночи. Возлѣ лѣса, на горѣ, дремалъ съ закрытыми сшавнями сшарый деревянный домъ; мехъ и дикая шрава покрывали его крышу; кудрявыя яблони разрослись передъ его окнами; лѣсъ, обнимая своею шѣнью, бросалъ на него дикую мрачность; орѣховая роща сшлалась у подножія его и скашывалась къ пруду.

» Я помню будшо сквозь сонъ, « сказала Ганна, не спуская глазъ съ него : » давно, давно, когда я еще была маленькою и жила у машери, чшо-шо сшрашное разсказывали про домъ эшопъ. Левко, шы вѣрно знаешь; разскажи! . . . «

» Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего не разскажешь бабы и народъ глупой. Ты себя шолько пошревожишь, сшанешь бояшься и не заснешся шебѣ покойно. «

» Разскажи, разскажи, милой чернобровой парубокъ! « говорила она, прижимаясь лицемъ своимъ къ щекъ его и обнимая его. » Нѣшъ! шы видно не любишь меня; у шебя ешь другая дѣвушка. Я не буду бояшься; я буду спокойно спашъ ночь.

Теперь-то не засну, если не расскажешь. Я спану мучишься, да думаешь... Расскажи, Левко!..»

» Видно правду говоряшь люди, что у двушекъ сидишь чоршь, подспрекающій ихъ любопышество. Ну, слушай. Давно, мое серденько, жилъ въ эшомъ домъ Сошникъ. У Сошника была дочка, ясная паночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ швое личико. Сошникова жена давно уже умерла; задумалъ Сошникъ женишься на другой. Будешь ли ты меня нѣжишь по сшарому, башьку, когда возьмешь другую жену? — Буду, моя дочка; еще крѣпче прежняго спану прижимашь шебя къ сердцу! Буду, моя дочка; еще ярче спану даришь серьги и монисшы! — Привезъ Сошникъ молодую жену въ новой домъ свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бѣла собою была молодая жена; шолько шакъ спрашно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидѣвши, и хошь бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Насшала ночь: ушелъ Сошникъ съ молодою женой въ свою опочивальню; заперлась и бѣлая

панночка въ своей свѣшлицѣ. Горько сдѣ-
лалось ей; сшала плакать. Глядишь: страш-
ная черная кошка крадется къ ней; шерсть
на ней горитъ и желѣзные когти спучашъ
по полу. Въ испугъ вскочила она на лавку :
кошка за нею. Перепрыгнула на лежанку :
кошка и шуда, и вдругъ бросилась къ ней
на шею и душишь ее. Съ крикомъ ошор-
вавши ошь себя, кинула на полъ; опяшь
крадется страшная кошка. Тоска ее взяла.
На шѣнѣ висѣла опцовская сабля. Схва-
тила ее и брякъ по полу — лапа съ же-
лѣзными когтями опскочила и кошка съ
визгомъ пропала въ шемномъ углу. Цѣлый
день не выходила изъ свѣшлицы своей мо-
лодая жена; на шрешій день вышла съ пере-
вязанною рукой. Угадала бѣдная панночка,
что мачиха ея вѣдьма и что она ей пере-
рубилa руку. На чешвершый день прика-
заль Сошникъ своей дочкѣ носишь воду,
месши хашу, какъ просшой мужичкѣ и не
показывашься въ панскіе покои. Тяжело
было бѣдняжкѣ; да нѣчего дѣлашь: сшала
вышеляшь опцовскую волю. На пяшый
день выгналь Сошникъ свою дочку босую

изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу. Тогда шолько зарыдала панночка, закрывши руками бѣлое лице свое: » Погубилъ ты, башьку, родную дочку свою! Погубила вѣдьма грѣшную душу твою! Проси тебя Богъ; а мнѣ, несчастной, видно не велишь Онъ жишь на бѣломъ свѣшѣ!... « И вонъ, видишь ли ты, ... « Тутъ оборонился Левко къ Ганнѣ, указывая пальцемъ на домъ. » Гляди сюда: вонъ, подалѣе отъ дома, самый высокій берегъ! Съ этого берега кинулась панночка въ воду и съ той поры не сшало ее на свѣшѣ... «

» А вѣдьма? « боязливо прервала Ганна, уснремивъ на него прослезившіяся очи.

» Вѣдьма? Старухи выдумали, что съ той поры всѣ ушопленицы выходили въ лунную ночь, въ панскій садъ, грѣшья на мѣсяцъ; и Сошникова дочка сдѣдалась надъ ними главною. Въ одну ночь, увидѣла она мачиху свою возлѣ пруда, напала на нее и съ крикомъ ушацила въ воду. Но вѣдьма и шущъ нашлась: оборонилась подъ водою въ одну изъ ушопленицъ, и черезъ шо ушла отъ плени изъ зеленаго преш-

ника, кошорою хошѣли ее бишь ушопленицы. Вѣрь бабамъ! Разсказываюшъ еще, что панночка собираешъ всякую ночь ушопленицъ и заглядываешъ по одиночкѣ каждой въ лице, сшараясь узнать, кошорая изъ нихъ вѣдьма; но до сихъ поръ не узнала. И если попадешся изъ людей кшо, тошчасъ засшавляешъ его угадывашъ, не шо, грозишъ ушопишъ въ водѣ. Вошъ, моя Галю, какъ разсказываюшъ сшарые люди!.. Теперешній панъ хочешъ сшроишъ на шомъ мѣсшѣ винницу и прислалъ нарочно для шого сюда винокура... Но, я слышу говоръ. Эшо наши возвращаюшся съ пѣсенъ. Прощай, Галю! Спи спокойно; да не думай объ эшихъ бабьихъ выдумкахъ! Сказавши эшо, онъ обнялъ ее крѣпче, поцѣловалъ и ушелъ.

» Прощай, Левко! « говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на шемный лѣсъ.

Огромный, огненный мѣсяцъ, величественно сшалъ въ эшо время вырѣзывашся изъ земли. Еще половина его была подъ землею; а уже весь мѣръ исполнился какого-шо шоржешвеннаго свѣша. Прудъ

пронулся искрами. Тѣнь опть деревьевъ ясно стала ошдѣляшьяся на шемной зелени. » Прощай, Ганна! « раздались позади ея слова, сопровождаемыя поцѣлуемъ. » Ты ворошился! « сказала она, оглянувшись; но увидѣвъ передъ собою незнакомаго парубка, ошвернулась въ шпору. » Прощай, Ганна! « раздалось снова и снова поцѣловаль ея кшо-шо въ щеку. » Вошъ принесла нелегкая и другаго! « проговорила она съ сердцемъ. » Прощай, милая Ганна! « — » Еще и шрепшій! « — » Прощай! прощай! прощай, Ганна! « и поцѣлуи засыпали ея со всѣхъ шпоронъ. » Да шущь ихъ цѣлая вашага! « кричала Ганна, вырываясь изъ шолпы парубковъ, наперерывъ спѣшившихъ обнимать ея. » Какъ имъ не надоѣшть безпрешанно цѣловашьяся! Скоро, ей Богу, нельзя будешъ показашьяся на улицъ! « Велѣдъ за сими словами дверь захлопнулась и шолько слышно было, какъ съ визгомъ задвинулся желѣзный засовъ.

II.

Г о л о в а.

Знаете ли вы Украинскую ночь? О, вы не знаете Украинской ночи! Всмогришись въ нее: Съ середины неба глядишь мѣсяць. Необъяшнный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъяшнѣе. Горитъ и дышетъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣшѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душень, и полонъ нѣги, и движешъ океанъ благо-

уханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно сшали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь ось себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя сѣны садовъ. Дѣвственные чащи черемухъ и черешень пугливо просянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечуть лисьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный въшренникъ — ночной въшеръ, подкравшись мгновенно, цѣлуешъ ихъ. Весь ландшафтъ спишъ. А вверху все дышетъ; все дивно, все торжественно. А на душѣ и необычно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникають въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ, все ожило: и лѣса, и пруды, и сшени. Сыплешся величественный громъ Украинскаго соловья и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посередѣ неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестяшъ при мѣсяцѣ толпы хашъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзывающся изъ мрака низкія ихъ

спѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочесшивые люди уже спяшь. Гдѣ-гдѣ только; свѣщаяся узинькія окна. Передъ порогами иныхъ только хашъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

» Да, Гопакъ не шакъ танцуешся! То-шо я гляжу, не клеишся все. Чшо жъ эшо рассказываешъ кумъ?.. А, ну: гопъ шрала! гопъ шрала! гопъ, гопъ, гопъ! « Такъ разговаривалъ самъ съ собою подгулявшій мужикъ среднихъ лѣтъ, танцуя по улицѣ.

» Ей Богу, не шакъ танцуешся Гопакъ! Чшо мнѣ лгашъ! ей Богу, не шакъ! А, ну: гопъ шрала! гопъ шрала! гопъ, гопъ, гопъ! «

» Вошь, одурѣль человекъ! добро бы еще хлопецъ какой, а шо старый кабанъ, дѣшамъ на смѣхъ, танцуешъ ночью по улицѣ! « вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ соломѣ. » Сшупай въ хашу свою! Пора спать давно! «

» Я пойду! « сказалъ остановившійся мужикъ. » Я пойду. Я не посмошрю на какого нибудь Голову. Чшо онъ думаешъ, *дидько бѣ утысса его батькови*, чшо онъ Голова, чшо онъ обливаешъ людей на

морозъ холодною водою, шакъ и носъ под-
нялъ! Ну, Голова, Голова. Я самъ себѣ Го-
лова. Вошь, убей меня Богъ! Богъ меня
убей! я самъ себѣ Голова. Вошь что, а не
шо что... « продолжалъ онъ, подходя къ
первой попавшейся хашѣ и остано-
вился передъ окошкомъ, скользя пальцами по
стеклу и сшараясь найши деревянную руч-
ку: » Баба, ошворяй! Баба, живѣй, гово-
ряшь тебѣ, ошворяй! Козаку спашь пора! «

» Куда ты, Каленикъ? Ты въ чужую
хашу пошалъ! « закричали, смѣясь, позади
его дѣвушки, ворочавшіяся съ веселыхъ
пѣсней. » Показашь тебѣ швою хашу? «

» Покажите, любезныя молодушки! «

» Молодушки? слышите ли, « подхва-
тила одна: » какой учшивый Каленикъ!
За эшо, ему нужно показашь хашу... но
нѣшь, напередъ пошанцуй! «

» Пошанцовашь?... эхъ, вы замыслова-
шыя дѣвушки! « просяжно произнесъ Ка-
леникъ, смѣясь и грозя пальцомъ и ошу-
паясь, пошому что ноги его не могли дер-
жашься на одномъ мѣстѣ. » А дадите пере-
цьловашь себя? Всѣхъ перецьлую, всѣхъ!... «

и косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались; но послѣ ободрившись, перебѣжали на другую сторону, увидя, что Каленикъ не слишкомъ былъ скоръ на ноги.

» Вонъ швоя хаша! « закричали они ему, уходя и показывая на избу, гораздо побо-
лѣе прочихъ, принадлежавшую сельскому Головѣ. Каленикъ послушно побрелъ въ ту сторону, принимаясь снова бранить Голову.

Но кто же эшошъ Голова, возбудившій такія невыгодныя о себѣ толки и рѣчи? О, эшошъ Голова важное лицо на селѣ. Покамѣшь Каленикъ доспигнешъ конца пуши своего, мы, безъ сомнѣнія, успѣемъ кое-что сказаць о немъ. Все село, завидѣвши его, берется за шапки; а дѣвушки, самыя молоденькія, ошдаюшъ *добридень*. Кто бы изъ парубковъ не захотѣлъ бышь Головою! Головѣ ошкрышь свободный входъ во все шавлинки; и дюжій мужикъ почши-тельно стоишь, снявши шапку, во все продолженіе, когда Голова запускаешъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубощную шабакерку. Въ мірской сходкѣ, или

громадъ, не смошря на шо, что власшь его ограничена нѣсколькими голосами, Голова всегда берешъ верхъ и почти по своей волѣ, высылаешъ, кого ему угодно, ровняшъ и гладишъ дорогу, или копаешъ рвы. Голова угрюмъ, суровъ съ виду и не любешъ много говоришъ. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти Великая Царица Екатерина ѣздила въ Крымъ, былъ выбранъ онъ въ провожашые; цѣлые два дни находился онъ въ этой должности и даже удостоился сидѣшъ на козлахъ съ Царицынымъ кучеромъ. И съ той самой поры еще, Голова выучился раздумно и важно пошупляшъ голову, гладишъ длинные, закрушившіеся внизъ усы и кидашъ соколиный взглядъ изъ подлобья. И съ той поры Голова, объ чемъ бы не заговорили съ нимъ, всегда умѣешъ поворошишъ рѣчь на шо, какъ онъ везъ Царицу и сидѣлъ на козлахъ Царской карешы. Голова любешъ иногда прикинушъся глухимъ, особливо если услышишъ шо, чего не хошѣлось бы ему слышашъ. Голова шерпѣшъ не можешъ щегольшва: носишъ всегда

свишку черного домашняго сукна, перепоясывается шерстянымъ цвѣшнымъ поясомъ и никшо никогда не видалъ его въ другомъ костюмѣ, выключая развѣ шолько времени проѣзда Царицы въ Крымъ, когда на немъ былъ синій козацкій жупанъ. Но эшо время врядь ли кшо могъ запомнишь изъ цѣлаго села; а жупанъ держишь онъ въ сундукѣ подъ замкомъ. Голова вдовъ; но у него живешъ въ домѣ свояченица, кошорая варишь обѣдашь и ужинашь, моешь лавки, бѣлишь хашу, прядешъ ему на рубашки и завѣдываетъ всѣмъ домомъ. На селѣ поговариваюшь, будшо она совсѣмъ ему не родсшвенница; но мы уже видѣли, чшо у Головы много недоброжелашелей, кошорые рады распускашь всякую клевету. Впрочемъ, можешъ бышь, къ эшому подало поводъ и шо, чшо свояченицѣ всегда не правилось, если Голова заходилъ въ поле усѣянное жнищами, или къ козаку, у кошораго была молодая дочка. Голова кривъ; но за шо одинокій глазъ его злодѣй и далеко можешъ увидѣшь хорошенькую поселянку. Не прежде, однако жъ, онъ наве-

дешъ его на смазливое личико, пока не обсмоприся хорошенько, не глядишь ли откуда свояченица. Но мы почши все уже рассказали, чшо нужно, о Головѣ; а пьяный Каленикъ не добрался еще и до половины дороги и долго еще угощаль Голову всѣми ошборными словами, какія могли шолько вспасъ на лѣниво и несвязно поворачивавшійся языкъ его.

III.

Неожиданный соперникъ. Заговоръ.

» Нѣшь, хлопцы, нѣшь, не хочу! Чшо за разгулье шакое! Какъ вамъ не надоѣшь повѣсничашь? И безъ шого уже прослыли мы, Богъ знаешь, какими буянами. Ложись лучше спать! « Такъ говорилъ Левко разгульнымъ шоварищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новыя проказы.

» Прощайше, брашцы! покойная вамъ ночь! «

и быстрыми шагами шелъ ошъ нихъ по улицѣ. » Спишь ли моя ясноокая Ганна? « думалъ онъ, подходя къ знакомой намъ хашѣ съ вишневыми деревьями. Среди шишины слышался тихій говоръ. Левко остановился. Между деревьями забѣлѣла рубашка... » Что это значишь? « подумалъ онъ и, подкравшись поближе, спряшался за дерево. При свѣтѣ мѣсяца блиспало лице споявшей передъ нимъ дѣвушки... Это Ганна! Но кто же этошъ высокій человекъ, споявшій къ нему спиною? Напрасно обсмащривалъ онъ: шѣнь покрывала его съ ногъ до головы. Спереди только онъ былъ освѣщенъ немного; но малѣйшій шагъ впередъ Левка, уже подвергалъ его непріятности — бышь опкрытымъ. Тихо прислонившись къ дереву, рѣшился онъ оспашься на мѣсшѣ. Дѣвушка ясно выговорила его имя. » Левко? Левко еще молодокососъ! « говорилъ хрипло и въ полголоса высокій человекъ. » Если я встрѣчу его когда нибудь у себя, я его выдеру за чубъ... « — » Хошѣлось бы мнѣ знашь, какая это шельма похваляешся выдрашь

меня за чубъ! « тихо проговорилъ Левко и просянулъ шею, сшараясь не проронишь ни одного слова. Но незнакомецъ продолжалъ шакъ тихо, чшо нельзя было ничего разслушашь. » Какъ тебѣ не стыдно! « сказала Ганна по окончаніи его рѣчи. » Ты лжешь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не повѣрю, чшобы ты меня любилъ! « — » Знаю, « продолжалъ высокій человекъ: » Левко много наговорилъ тебѣ пусшяковъ и вскружилъ швою голову. (Тутъ показалось парубку, чшо голосъ незнакомца не совсѣмъ незнакомъ, и какъ будто онъ когда-то его слышалъ.) Но я дамъ себя знать Левку! « продолжалъ все шакже незнакомецъ: » онъ думаетъ, чшо я не вижу всѣхъ его шашней. Попробуешь онъ, собачій сынъ, каковы у меня кулаки. « При семъ словѣ Левко не могъ уже болѣе удержашь своего гнѣва. Подошедши на три шага къ нему, замахнулся онъ со всей силы, чшобы дать шреуха, ошъ кошораго незнакомецъ, не смощря на свою видимую крѣпость, не усшоялъ бы, можешь бышь, на мѣшцѣ;

но въ это время свѣшъ паль на лицо его и Левко ошолбенѣль, увидѣвши, что передъ нимъ сшояль ошець его. Невольное покачиваніе головою и легкій сквозь зубы свисшъ, одни шолько выразили его изумленіе. Въ споронѣ слышался шорохъ; Ганна поспѣшно влешѣла въ хашу, захлопнувъ за собою дверь.

» Прощай, Ганна! « закричалъ въ это время одинъ изъ парубковъ, подкравшись и обнявши Голову; и съ ужасомъ ошкочилъ назадъ, вспрѣшивши жесшкіе усы. » Прощай, красавица! « вскричалъ другой; но на сей разъ полешѣль сшремглавъ ошъ сяжелаго шолчка Головы. » Прощай, прощай, Ганна! « закричало нѣсколько парубковъ, повиснувъ ему на шею. » Провалишесь, прокляшые сорванцы! « кричалъ Голова, ошбиваясь и пришопывая на нихъ ногами. » Чшо я вамъ за Ганна! Убирайшесь велѣдъ за ошцами на висилицу, чоршovy дѣши! Поприсшавали, какъ мухи къ меду! Дамъ я вамъ Ганны!... «

»Голова! Голова! это Голова! « закричали хлопцы и разбѣжались во все шпороны.

» Ай да башько! « говорилъ Левко, очнувшись ошь своего изумленія и глядя вслѣдъ уходившему съ ругашельсшвами Головъ. » Вошь какія за шобою водяшся проказы! славно! А я дивлюсь, да передумываю, чшобъ эшо значило, чшо онъ все пришворяешся глухимъ, когда станешъ говоришь о дѣлѣ. Посшой же, сшарый хрѣнъ, шы у меня будешъ знашь, какъ шашашься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ, будешъ знашь, какъ онбивашъ чужихъ невѣсшъ! Гей, хлопцы! сюда! сюда! « кричалъ онъ, махая рукою къ парубкамъ, которые снова собирались въ кучу: » спшупайше сюда! Я увѣщевалъ васъ идши спашъ; но шеперь раздумалъ и гошовъ, хошь цѣлую ночь, самъ гуляшь съ вами. «

» Вошь эшо дѣло! « сказалъ плечисшый и дородный парубокъ, счишавшійся первымъ гулякой и повѣсой на селѣ. » Мнѣ все кажешся шошно, когда не удаешся погуляшь порядкомъ и насшроишь шшукъ. Все какъ будшо недосшашешъ чего-шо. Какъ будшо потерялъ шапку или люльку; словомъ, не козакъ, да и шолько. «

» Согласны ли вы, побѣсншь хорошенько сегодня Голову? «

» Голову! «

» Да, Голову. Чшо онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ! Онъ управляется у насъ какъ будшо Гешманъ какой. Мало шого, чшо помыкаешъ, какъ своими холопьями, еще и подѣзжаетъ къ дѣвчашамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣшъ смазливой дѣвки, за кошорою бы не волочился Голова. «

» Эшо такъ, эшо такъ! « закричали въ одинъ голосъ всѣ хлопцы.

» Чшо жъ мы, ребяша, за холопья? Развѣ мы не шакого роду, какъ и онъ? Мы, слава Богу, вольные козаки! Покажемъ ему, хлопцы, чшо мы вольные козаки! «

» Покажемъ! « закричали парубки. » Да если Голову, шо и писаря не минушь! «

» Не минемъ и писаря! А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про Голову. Пойдемше, я васъ ее выучу, « продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры. » Да слушайте: попереодѣвайшесь, кшо во чшо ни попало! «

« Гуляй, козацкая голова! » говорилъ дюжій повѣса, ударивъ ногою въ ногу и хлопнувъ руками. « Чшо за роскошь! Чшо за воля! Какъ начнешь бѣсишься — чудишься, будшо поминаешь давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ; а душа какъ будшо въ раю. Гей, хлопцы! Гей! гуляй!... » И шолпа шумно понеслась по улицамъ. И благочесшивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонными руками, говоря: ну, шеперь гуляюшь парубки!

IV.

Парубки гуляютъ.

Одна шолько хаша свѣшилась еще въ концѣ улицы. Эшо жилище Головы. Голова уже давно окончилъ свой ужинъ и, безъ сомнѣнія, давно бы уже заснулъ; но у него былъ въ эшо время гость, винокуръ, присланный спроишь винокурню помѣщикомъ, имѣвшимъ небольшой учасшокъ земли между вольными козаками. Подъ самымъ по-

кушомъ , на почешномъ мѣсѣ , сидѣлъ
госпъ — низенькой , шолшенъкой человѣ-
чекъ , съ маленькими , вѣчно смѣющимися
глазками , въ кошорыхъ , кажешся , напи-
сано было шо удовольствіе , съ какимъ
курилъ онъ свою корошенъкую люльку ,
поминушно сплевывая и придавливая паль-
цомъ выльзавшій изъ нее , превращенный
въ золу табакъ . Облака дыма быспро раз-
роспались надъ нимъ , одѣвая его въ си-
зый шуманъ . Казалось , будшо широкая
труба съ какой нибудь винокурни , наскуча
сидѣшь на своей крышѣ , задумала прогу-
ляшся и чинно усѣлась за шоломъ въ
хашѣ Головы . Подъ носомъ шорчали у
него корошенъкіе и гусшые усы ; но они
шакъ неясно мелькали сквозь шабачную
ашмосферу , чшо казались мышью , кошо-
рую винокуръ поймалъ и держалъ во ршу
своемъ , подрывая монополию амбарнаго
коша . Голова , какъ хозяинъ , сидѣлъ въ
одной шолько рубашкѣ и полошняхныхъ
шараварахъ . Орлиной глазъ его , какъ ве-
черѣющее солнце , начиналъ мало по малу
жмуришся и меркнушь . На концѣ шола

курилъ люльку одинъ изъ сельскихъ десятскихъ, сославлявшихъ команду Головы, сидѣвшій изъ почтенія къ хозяину въ свискѣ.

» Скоро же вы думаете «, сказалъ Голова, оборотившись къ винокуру и кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой, » поставишь вашу винокурню.»

» Когда Богъ поможетъ, то сею осенью можешь и закурмишь. На Покрову - шо, я гошовъ поставишь Богъ знаетъ что, если панъ Голова не будетъ писать ногами нѣмецкіе крендели по дорогѣ.» По произнесеніи сихъ словъ, глазки винокура пропали; вмѣсто ихъ просянулись лучи до самыхъ ушей; все шуловище спало колебашься ошъ смѣха и веселыя губы оставили на мгновеніе дымившуюся люльку.

» Дай Богъ, « сказалъ Голова, выразивъ на лицѣ своемъ что-то, подобное улыбкѣ. » Теперь еще, слава Богу, винницъ развелось немного. А вошь, въ старое время, когда провожалъ я Царицу по Переяславской дорогѣ, еще покойный Безбородько...»

» Ну, свашъ, вспомнилъ время! Тогда ошъ Кременчуга до самыхъ Роменъ не

начишывали и двухъ винницъ. А шеперь... Слышилъ ли ты, что поведумывали прокляшыя нѣмцы? Скоро, говорятъ, будешь куришь не дровами, какъ всѣ честныя хрисшіяне, а какимъ-шо чершовскимъ паромъ. « Говоря эши слова, винокуръ въ размышленіи глядѣль на шоль и на разсшавленныя на немъ руки свои: » Какъ эшо паромъ — ей Богу, не знаю! «

» Чшо за дурни, прости Господи, эши нѣмцы! « сказалъ Голова. » Я бы башогомъ ихъ, собачьихъ дѣшей! Слыханное ли дѣло, чшобы паромъ можно было кипяшишь что. По эшому ложку борщу нельзя поднесши ко ршу, не изжаривши губъ, вмѣшо молодого поросенка... «

» И ты, свашъ, « ошозвалась сидѣвшая на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги, свояченица, » будешь, все эшо время, жишь у насъ безъ жены! «

» А для чего она мнѣ? Другое дѣло, если бы что доброе было. «

» Будшо не хороша? « спросилъ Голова, ушремивъ на него глазъ свой.

» Куды тебѣ хороша! *Старá якъ бисъ.* Харя вся въ морщинахъ, будшо выпороженный кошелекъ. « И низенькое спроенiе виноккура расшашалось снова ошъ громкаго смѣха.

Въ эшо время чшо-шо стало шарить за дверью; дверь расшворилась и мужикъ, не снимая шапки, сшупилъ за порогъ и сшаль, какъ будшо въ раздумьи, посреди хашы, разинувши ротъ и оглядывая пошолокъ. Эшо былъ знакомецъ нашъ, Каленикъ. » Вошъ, я и домой пришелъ! « говорилъ онъ, садясь на лавку у дверей и не обращая никакого вниманiя на присушшвуюющихъ. » Вишь, какъ расшянулъ, вражiй сынъ сашана, дорогу! Идешь, идешь и конца нѣшь! Ноги, какъ будшо переломаль кшо нибудь. Досшань-ка шамъ, баба, шулупъ, подослашь миѣ. На печь къ тебѣ не приду, ей-Богу, не приду: ноги боляшь! Досшань его, шамъ онъ лежишь, близъ покуша; гляди шолько, не опрокинь горшка съ шершымъ шабакомъ. Или нѣшь, не шронъ, не шронъ! Ты, можешь бышь, пьяна сегодня... Шусшь, уже я самъ досшану. «

Каленикъ приподнялся немного, но неодолимая сила приковала его къ скамейкѣ.

» За это люблю, « сказалъ Голова; »пришелъ въ чужую хашу и распоряжаешься, какъ дома! Выпроводишь его по добру, по здорову! . . . «

» Оспавъ, свашъ, ошдохнушь! « сказалъ винокуръ, удерживая его за руку. » Это полезной человекъ; побольше такого народу — и винница наша славно бы пошла . . . « Однако жъ не добродушіе вынудило эши слова. Винокуръ вѣриль всемъ примѣшамъ и шощасъ прогнашь человека, уже сѣвшаго на лавку, значило у него накликашь бѣду.

» Чшо-шо, какъ спаросшь придешъ! . . . « ворчалъ Каленикъ, лежа на лавку. » Добро бы, еще сказать, пьянь, шакъ нѣшь же, не пьянь. Ей Богу, не пьянь! Чшо мнѣ лгашъ! Я гошовъ объявишь это хощь самому Головъ. Чшо мнѣ Голова? Чшобъ онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я плюю на него! Чшобъ его, одноглазаго чорша, возомъ переѣхало! Чшо онъ обливаешь людей на морозѣ . . . «

» Эге! влѣзла свинья въ хашу, да и лапы суешь на столъ, « сказалъ Голова, гнѣвно подымаясь съ своего мѣста; но въ это время увѣсисный камень, разбивши окно въ дребезги, полетѣлъ ему подъ ноги. Голова останоуился... » Если бы я зналъ, « говорилъ онъ, подымая камень, » какой это висѣльникъ швырнулъ, я бы выучилъ его какъ кидаться! Экія проказы! « продолжалъ онъ, разсмапривая его на рукѣ пылающимъ взглядомъ. » Чшобы онъ подавился эшимъ камнемъ... «

» Стой, стой! Боже себя сохрани, свашъ! « подхватилъ поблѣднѣвши винокуръ. » Боже сохрани тебя и на томъ и на эпомъ свѣшѣ, поблагословишь когонибудь шакою побранкою! «

» Вонъ нашелея засшупникъ! Пусшь онъ пропадетъ!... «

» И не думай, свашъ! Ты не знаешь вѣрно, что случилось съ покойною шещею моею? «

» Съ шещей? «

» Да, съ шещей. Вечеромъ, немного можешъ раньше шенерешняго, усѣлись вече-

ряшь: покойная шеща, покойный шещь, да наймышь, да наймычка, да дѣшей шшукъ съ пяшери. Теща ошсынала немного галушекъ, изъ большого казана въ миску, чшобы не шакъ были горячи. Послѣ рабошъ всѣ проголодались, и не хошѣли ждашь, пока проспынушь. Вздѣвши на длинныя деревянныя спички галушки, начали ѣшь. Вдругъ, откуда ни возмись человекъ, какого онъ роду, Богъ его знаешь, просишь и его допустишь къ шрапезѣ. Какъ не накормишь голоднаго человека! Дали и ему спичку. Только гощь упряшываешь галушки, какъ корова сѣно. Пока мѣшь шѣ съѣли по одной и опушили спички за другими, дно было гладко, какъ панскій помосъ. Теща насынала еще; думаешь, гощь наѣлся и будешь убирашь меньше. Ничего не бывало. Еще лучше спаль оплешаешь! и другую выпорожнишь! А чшобъ шы подавился эшими галушками! подумала голодная шеща; какъ вдругъ шощъ поперхнулся, и упаль. Кинулись къ нему — и духъ вонъ. Удавился. «

» Такъ ему, обжорѣ прокляшому, и нужно! « сказалъ Голова.

» Такъ бы, да не шакъ вышло: съ шого времени покою не было шещѣ. Чуть шолько ночь, мершвецъ и шацишся. Сядешъ верхомъ на шрубу, прокляшой, и галушку держишь въ зубахъ. Днемъ все покойно и слуху нѣшь про него; а шолько спанешъ примеркашь, погляди на крышу, уже и осѣдлалъ собачій сынъ шрубу... «

» И галушка въ зубахъ? «

» И галушка въ зубахъ. «

» Чудно, свашъ! Я слыхалъ чшо-шо похожее еще за покойницу... « Тушь Голова оспановился. Подъ окномъ послышался шумъ и шопанье шанцюющихъ. Сперва шихо звукнули спруны бандуры, къ нимъ присоединился голосъ. Спруны загремѣли сильнѣе; нѣсколько голосовъ стали подшягивашъ и пѣсня зашумѣла вихремъ:

Хлопцы, слышали ли вы?

Наши ль Головы не крѣпки!

У криваго Головы

Вдругъ разсыпалися клепки.

Набей бондарь Голову

Ты спальными обручами!

Вспрысни Бондарь Голову

Башогами! башогами!

Голова нашъ съдъ и кривъ!
Спаръ какъ бѣсъ, а что за дурень!
Прихопливъ и похопливъ:
Жмется къ дѣвкамъ... Дурень, дурень!
И тебѣ лѣзнь къ парубкамъ!
Тебя бѣ нужно въ домовину,
По усамъ, да по шеямъ!
За чуприну! за чуприну!

« Славная пѣсня, свашь! » сказалъ винокуръ, наклоня немного на бокъ голову и оборошившись къ Головъ, ошолбенѣвшему ошъ удивленія при видѣ такой дерзоспи. « Славная! скверно шолько, что Голову поминаюшь не совсѣмъ благоприсшойными словами... » И опяшь положилъ руки на щоль съ какимъ-шо сладкимъ умиленіемъ въ глазахъ, приготовляясь слушашь еще, цошому что подъ окномъ гремѣлъ хохощъ и крики: снова! снова! Однако жъ пронцашельный глазъ увидѣлъ бы шотчасъ, что не изумленіе удерживало долго Голову на одномъ мѣстѣ. Такъ шолько шарый, опыщный кошъ допускаешъ иногда неопышной мышѣ бѣгашь около своего хвоста; а между шѣмъ бышро созидаешъ планъ, какъ перерѣзашь ей пушь въ свою нору. Еще одинокій глазъ Головы былъ усшремленъ

на окно, а уже рука, давши знакъ десяшскому, держалась за деревянную ручку двери, и вдругъ на улицѣ поднялся крикъ... Винокуръ, къ числу многихъ досшойншвъ своихъ присоединявшій и любопытшво, быспро набивши табакомъ свою люльку, выбѣжалъ на улицу; но шалуны уже разбѣжались. » Нѣшъ, шы не ускользнешъ ошъ меня! « кричалъ Голова, шаща за руку чловѣка въ вывороченномъ шершью вверхъ овчинномъ чорномъ шулупѣ. Винокуръ, пользуясь временемъ, подбѣжалъ, чшобы посмошрѣшъ въ лицо эшому нарушшелю спокойшвія; но съ робосшію попяшился назадъ, увидѣвши длинную бороду и спрашно размалеванную рожу. » Нѣшъ, шы не ускользнешъ ошъ меня! « кричалъ Голова, продолжая шащшъ своего плѣнника прямо въ сѣни, кошорый, не оказывая никакого сопрошвленія, спокойно слѣдовалъ за нимъ, какъ будшо въ свою хашу. » Карцо, ошворай комору! « сказалъ Голова десяшскому. » Мы его въ шемную комору! А шамъ разбудимъ пцсаря, соберемъ десяшскихъ, переловимъ всѣхъ эшихъ буяновъ

и сегодня же и резолюцію всѣмъ имъ учинимъ! « Десяшскій забренчалъ небольшимъ висячимъ замкомъ въ сѣняхъ и ошворилъ комору. Въ это самое время плѣнникъ, пользуясь темною сѣней, вдругъ вырвался съ необыкновенною силою изъ рукъ его. » Куда? « закричалъ Голова, ухвативъ еще крѣпче за ворошъ. » Пусси, это я! « слышился тоненькій голосъ. » Не можешь! не можешь, брашъ! Визжи себѣ хоть чоршомъ, не шолько бабою, меня не проведешь! « и толкнулъ его въ темную комору шакъ, что бѣдный плѣнникъ зашоналъ упавши на полъ, и въ сопровожденіи десяшскаго ошправился въ хашу писаря, и вслѣдъ за ними, какъ парходъ, задымился винокуръ.

Въ размышленіи шли они всѣ шрое, пошупивъ голову, и вдругъ на поворошѣ въ темный переулокъ разомъ вскрикнули ошъ сильнаго удара по лбамъ, и шаккой же крикъ ошгрянулъ въ ошвѣшъ имъ. Голова, прищуривши глазъ свой, съ изумленіемъ увидѣлъ писаря съ двумя десяшскими.

» А я къ тебѣ иду, панъ писарь. «

» А я къ твоей милости, панъ Голова.»

» Чудеса завелися, панъ писарь.»

» Чудныя дѣла, панъ Голова.»

» А что?»

» Хлопцы бѣсяшся! безчинствуютъ цѣлыми кучами по улицамъ. Твою милость величаютъ такими словами... словомъ, скажешь смѣшно; пьяный москаль побоишься выбросишь ихъ нечесливымъ своимъ языкомъ.» (Все это худощавый писарь въ песшрядевыхъ шароварахъ и жилетѣ цвѣшу винныхъ дрожжей, сопровождалъ протягиваніемъ шеи впередъ и приведеніемъ ее послѣ же часъ въ прежнее состояніе.)

» Вздремнулъ было немного, подняли съ пошели проклятые сорванцы своими шрамными пѣнями и шумомъ! Хотѣлъ было хорошенько пришрунишь ихъ, да покамѣшь надѣлъ шаровары и жилетъ, всѣ разбѣжались куды пошло. Самый главный однако же не увернулся отъ насъ. Распѣваешь онъ теперь въ шой хашѣ, гдѣ держашъ колодниковъ. Душа горѣла у меня узнашь эту пшицу, да рожа замазана са-

жею, какъ у чорша, кошорый куешъ гвозди для грѣшниковъ. «

» А какъ онъ одѣшъ, панъ писарь? «

» Въ чорномъ вывороченномъ шулупѣ, собачій сынъ, панъ Голова. «

» А не лжешъ ли ты, панъ писарь? Чшо, если эшотъ сорванецъ сидишъ шеперь у меня въ коморѣ? «

» Нѣшъ, панъ Голова. Ты самъ, не во гнѣвъ будь сказано, погрѣшилъ немного. «

» Давайше огня! мы посмошримъ его! «
Огонь принесли, дверь ошперли и Голова ахнулъ ошъ удивленія, увидѣвъ предъ собою свояченицу.

» Скажи пожалуйста, « съ такими словами она приешушила къ нему: » ты не свихнулся еще съ послѣдняго ума? Была ли въ одноглазой башкѣ швоей хошь капля мозгу, когда шолкнулъ ты меня въ шемную комору; щасшье, чшо не ударилась головою объ желѣзный крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, чшо эшо я? Схвашилъ, прокляшый медвѣдь, своими желѣзными лапами, да и толкаешъ! Чшобъ тебя на шомъ свѣшъ шолкали черши! . . «
Послѣднія

слова вынесла она за дверь на улицу, куда отправилась для какихъ нибудь своихъ причинъ.

» Да, я вижу, что это ты! « сказалъ Голова очнувшись. » Что скажешь, панъ писарь, не шельма эшошь прокляшой сорви-голова? «

» Шельма, панъ Голова. «

» Не пора ли намъ всѣхъ эшихъ повѣсь прошколишь хорошенъко и засставишь ихъ занимаешься дѣломъ? «

» Давно пора, давно пора, панъ Голова. «

» Они дурни забрали себѣ... Кой чоршъ? мнѣ почудился крикъ свояченицы на улицѣ; они, дурни, забрали себѣ въ голову, что я имъ ровень. Они думаютъ, что какой нибудь ихъ братъ, просшой козакъ! « Небольшой, послѣдовавшій за симъ кашель и успремленіе глаза изъ-подлобья вокругъ, давало догадываться, что Голова гошовидся говоришь о чемъ-шо важномъ. » Въ тысячу... эшихъ прокляшихъ названій годовъ, хошь убей, не выговорю; ну, году, комисару шогдашнему *Ледагелу*, данъ былъ приказъ, выбрашь изъ козаковъ шакого,

который бы былъ посмышленѣе всѣхъ. О! «
эшо о, Голова произнесъ поднявши палецъ
вверхъ; » посмышленѣе всѣхъ! въ провод-
ники къ Царицѣ. Я тогда... «

» Чшо и говоришь! эшо всякой уже
знаешь, пань Голова. Всѣ знаютъ, какъ
ты выслужилъ Царскую ласку. Признайся
шеперъ, моя правда вышла; хвашилъ не-
много на душу грѣха, сказавши, чшо пой-
маль эшого сорванца, въ вывороченномъ
шулупѣ? «

» А чшо до эшого дьявола, въ выворо-
ченномъ шулупѣ, шо его, въ примѣръ дру-
гимъ, заковашь въ кандалы и наказашь
примѣрно. Шусшь знаютъ, чшо значишь
власшь! Ошь кого же и Голова посшавленъ,
какъ не ошь Царя? Пошомъ доберемся и
до другихъ хлопцевъ: я не забыль, какъ
прокляшыя сорванцы вогнади въ огородъ
сшадо свиней, переѣвшихъ мою капусту
и огурцы; я не забыль, какъ чоршovy дѣ-
ши ошказалися вымолошишь мое жишо; я
не забыль... Но провались они, мнѣ нуж-
но непременно узнашь, какая эшо шельма
въ вывороченномъ шулупѣ. «

» Это проворная видно птица! « сказалъ винокуръ, кошораго щеки въ продолженіе всего этого разговора непрерывно заряжались дымомъ, какъ осадная пушка, и губы, оставивъ корошенькую люльку, выбросили цѣлый огненный фоншанъ. » Эдакого человѣка не худо, на всякой случай, и при винницѣ держашь; а еще лучше повѣсишь на верхушку дуба, вмѣсто паникадила. « Такая остроша показалась не совсѣмъ глушою винокуру, и онъ шось же часъ рѣшился, не дожидаясь одобренія другихъ, наградишь себя хриплымъ смѣхомъ.

Въ это время спали приближашься они къ небольшой, почши повалившейся на землю хашѣ; любопытство нашихъ пушниковъ увеличилось. Всѣ сполпились у дверей. Писарь вынулъ ключъ, загремѣль имъ около замка: но шось былъ ошъ сундука его. Нешерптѣніе увеличилось. Засунувъ руку, началъ онъ шарить и сыпашъ побранки, не ошыскивая его. » Есть! « сказалъ онъ наконецъ, нагнувшись и вынимая его изъ глубины обширнаго кармана, кошорымъ снабжены были его пешпрядевыя

шаровары. При эшомъ словѣ сердца нашихъ героевъ, казалось, слились въ одно, и эшо огромное сердце забилось такъ сильно, чшо неровный спукъ его не былъ заглушенъ даже брякнувшимъ замкомъ. Двери отворились и... Голова спалъ блѣденъ, какъ полошно; винокуръ почувсшвовалъ холодъ, и волосы его, казалось, хошѣли улешѣшь на небо; ужасъ изобразился въ лицѣ писаря; десяшскіе приросли къ землѣ и не въ сосшояніи были сомкнушь дружно разинувшихъ ршовъ своихъ: передъ ними стояла свояченица.

Изумленная не менѣе ихъ, она однако жъ немного очнулась, и сдѣлала движеніе подойши къ нимъ. »Стой!« закричалъ дикимъ голосомъ Голова и захлопнулъ за нею дверь. »Господа! эшо сашана!« продолжалъ онъ. »Огня! живѣе огня! Не пожалѣю казенной хашы! Зажигай ее, зажигай, чшобы и кошей чоршовыхъ не оешалось на землѣ!« Свояченица въ ужасѣ кричала, слыша за дверью грозное опредѣленіе. »Чшо вы, брашцы!« говорилъ винокуръ: »слава Богу, волосы у васѣ

чушь не въ снѣгу, а до сихъ поръ ума не
нажили: ошъ просшаго огня вѣдьма неза-
горишся! Только огонь изъ люльки можешъ
зажечъ оборошня. Постойше, я сейчасъ
все улажу! « Сказавши это, высыпаль онъ
горячую золу изъ шрубки въ пукъ соломы
и началъ раздувать ее. Ошчаяніе придало
въ эшо время духу бѣдной свояченицѣ:
громко сшала она умоляшь и разувѣрашь
ихъ.

» Постойше, брашцы! Зачѣмъ напрасно
грѣха набирашья; можешъ бышь эшо и
не сашана, « сказалъ писарь. » Если оно,
шо ешь шо самое, кошорое сидишь шамъ,
согласишся положишь на себя крешное
знаменіе, шо эшо вѣрный знакъ, что не
чоршь. « Предложеніе одобрено. » Чуръ
меня, сашана! « продолжалъ писарь, при-
ложась губами къ скважинѣ въ дверяхъ;
» если не пошевелишья съ мѣша, мы
ошворимъ дверь. «

Дверь ошворилась.

» Перекрешись! « сказалъ Голова, огля-
дываясь назадъ, какъ будшо выбирая безо-
пасное мѣсто, въ случаѣ реширады.

Свояченица перекрестилась.

» Кой чоршъ! Точно, эшо свояченица! «

» Какая нечисшая сила зашатила шебя, кума, въ эшу кануру? « И свояченица, всхлипывая, рассказала, какъ схватили ее хлопцы въ охапку на улицъ и, не смолря на сопрошивленіе, опустили въ широкое окно хашы и заколошили спавнемъ. Писарь взглянулъ: завѣски у широкаго спавня ошорваны и онъ приколочень шолько съверху деревяннымъ брусомъ.

» Добро шы, одноглазой сашана! « вскричала она, присшупивъ къ Головъ, кошорый попяшился немного и все еще продолжалъ ее мѣряшь своимъ глазомъ. »Я знаю швой умысель: шы хошѣлъ, шы радъ былъ случаю съѣсть меня, чшобы свободнѣе было волочиться за дѣвчашами, чшобы нѣкому было видѣшь, какъ дурачшся съдой дѣдъ. Ты думаешь, я не знаю, о чемъ говорилъ шы сего вечера съ Ганною? О! я знаю все. Меня шрудно проवेशь и не швоей безшолковой башкѣ. Я долго шерплю, но послѣ не погнѣвайся . . . « Сказавши эшо, она показала кулакъ и бышпро ушла, оставивъ

въ ошолбенѣній Голову. » Нѣшъ, шущъ не на шущку сашана вмѣшался, « думаль онъ, сильно почесывая свою макушу.

» Поймали! « вскрикнули вошедшіе въ эшо время десяшскіе.

» Кого поймали? « спросилъ Голова.

» Дьявола въ вывороченномъ шулуцѣ. «

» Подавайше его! « закричалъ Голова, схвашивъ за руки приведеннаго плѣнника.

» Вы съ ума сошли: эшо пьяный Каленикъ. «

» Чшо за пропасшь! въ рукахъ нашихъ былъ, панъ Голова. Въ переулкѣ окружили прокляшые хлопцы, ешали шанцовашъ, дергашъ, высывывашъ языки, вырывашъ изъ рукъ... чоршъ съ вами!... И какъ мы попали эшу ворону, вмѣсно его, Богъ знаешъ! «

» Власшью моею и всѣхъ мірянъ, даешся повелѣніе — изловишь сей же мигъ сего разбойника; а онымъ образомъ и всѣхъ, кого найдеше на улицѣ, и привесшь на расправу ко мнѣ!... «

» Помилуй, панъ Голова! « закричали нѣкошорые, кланяясь въ ноги. » Увидѣль бышы, какія хари: убей Богъ насъ, и родились

и крестились не видали такихъ мерзкихъ рожъ. Долго ли до грѣха, панъ Голова, перепугаюшъ добраго челоуѣка такъ, что послѣ ни одна баба не возьмется вылечишь. «

» Дамъ я вамъ переполоху! Что вы? не хошите слушашься? Вы вѣрно держите ихъ руку? Вы буншовщики? Чшо эшо?... Чшо эшо?... Вы заводите разбой!... Вы... Я донесу Комисару! Сей же часъ! слышите, сей часъ. Бѣгите, лепите пшцею! Чшобъ я васъ... Чшобъ вы мнѣ... «
Всѣ разбѣжались.

Ут о и л е н и ц а.

Не безпокоюсь ни о чемъ, не забошясь о разосланныхъ погоняхъ, виновникъ всей эшой кушерьмы медленно подходилъ къ сшарому дому и пруду. Не нужно, думаю, сказывашь, что эшо былъ Левко. Чорный шулупъ его былъ расстегнушъ. Шапку держалъ онъ въ рукъ. Пошъ валился съ него градомъ. Величешвенно и мрачно

лянные окна и двери. Сквозь чистые стекла мелькала позолота. И вошь почувдилось, будто окно отворилось. Пришавши духъ, недрогнувъ и не спуская глазъ съ пруда, онъ, казалось, переселился въ глубину его и видишь: напередъ бѣлый локошь высавился въ окно, потомъ выглянула привѣшливая головка, съ блестящими очами, тихо свѣшившими сквозь шемнорусыя волны волосъ, и оперлась на локошь. И видишь: она качаетъ слегка головою, она машетъ, она усмѣхается... Сердце его разомъ забилося... Вода задрожала и окно закрылось снова. Тихо отошелъ онъ отъ пруда и взглянулъ на домъ: мрачные ставни были открыты; стекла сіяли при мѣсяцѣ. Вошь какъ мало нужно полагаешься на людскіе толки, подумалъ про себя герой нашъ. Домъ новехонькой; краски живы, какъ будто сегодня онъ выкрашенъ. Тутъ живешь ктонибудь — и молча подошелъ онъ ближе, но все было въ немъ тихо. Сильно и звучно перекликались блистательныя пѣсни соловьевъ, и когда они, казалось,

умирали въ шомленіи и нѣгѣ, слышлся шелестъ и шрещаніе кузнечиковъ или гудѣніе болошной пшцы, ударявшей скользящимъ носомъ своимъ въ широкое водное зеркало, какую-шо сладкую тишину и тихое раздолье ощутилъ онъ въ своемъ сердцѣ. Настроивъ бандуру, заигралъ онъ и запѣлъ :

Ой, шы мисяцы, мій мисяченьку
И шы, зоре ясна!
Ой свшышь тамъ по подворью
Де дивчина красна.

Окно тихо опворилось, и шаже самая головка, кошорой опраженіе видѣлъ онъ въ прудѣ, выглянула, внимашельно прислушиваясь къ пѣсни. Длинные рѣсницы ея были полуопущены на глаза. Вся она была блѣдна, какъ полошно, какъ блескъ мѣсяца; но какъ чудна, какъ прекрасна! Она засмѣялась!... Левко вздрогнулъ. » Спой мнѣ, молодой козакъ, какую нибудь пѣсню! « тихо молвила она, наклонивъ свою голову на бокъ, и опустивъ совсѣмъ густыя рѣсницы.

» Какую же тебѣ пѣсню спѣшь, моя ясная панночка? «

Слезы тихо покашились по блѣдному лицу ея. » Парубокъ, « говорила она и что-то неизъяснимо-прогашельное слышилось въ ея рѣчи. » Парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Я ничего не пожалѣю для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шипыя шолкомъ, коралы, ожерелья. Я подарю тебѣ поясъ, унизанный жемчугомъ. У меня золошо есть... Парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Она страшная вѣдьма: мнѣ не было ошъ нея покою на бѣломъ свѣшѣ. Она мучила меня; засшавляла работашь, какъ просшую мужичку. Посмотри на лице: она вывела румянецъ своими нечистыми чарами съ щекъ моихъ. Погляди на бѣлую шею мою: они не смывающся! они не смывающся! они ни за что не смоющся, эши синія пашна ошъ желѣзныхъ когшей ея. Погляди на бѣлыя ноги мои: они много ходили; не по коврамъ шолько, по песку горячему, по землѣ сырой, по колючему шерновнику они ходили; а на очи мои, посмотри на очи: они не глядшъ ошъ слезъ... Найди ее,

парубокъ, найди мнѣ мою мачиху!...»

Голосъ ея, кошорый вдругъ было высился, осшановился. Ручьи слезъ покашились по блѣдному лицу. Какое-то шяжелое, полное жалосши и грусши, чувство сперлось въ груди парубка.

» Я гошовъ на все для шебя, моя паночка!« сказаль онъ въ сердечномъ волненіи; » но какъ мнѣ, гдѣ ее найши? «

» Посмошри, посмошри! « быспро говорила она: » она здѣсь! она на берегу играешъ въ хоровадѣ между моими дѣвушками, и грѣшся на мѣсяцѣ. Но она лукава и хишра. Она приняла на себя видъ ушопленицы; но я знаю, но я слышу, что она здѣсь. Мнѣ шяжело, мнѣ душно ошней. Я не могу чрезъ нее плавашъ легко и вольно, какъ рыба. Я шону и падаю на дно, какъ ключъ. Ошыщи ее, парубокъ! «

Левко посмошрѣль на берегъ: въ шонкомъ серебряномъ шуманѣ мелькали легкія, какъ будшо шѣни, дѣвушки, въ бѣлыхъ, какъ лугъ убранный ландышами, рубашкахъ; золошыя ожерелья, монисшы, дукашы блисшали на ихъ шеяхъ; но онъ были

блѣдны; шѣло ихъ было какъ будшо сваяно изъ прозрачныхъ облакъ и будшо свѣшилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ. Хороводъ, играя, придвинулся къ нему ближе. Послышались голоса: »Давайше въ ворона, давайше играть въ ворона!« зашумѣли всѣ, будшо прирѣчный просшникъ, шронушый въ тихій часъ сумерекъ воздушными усшами вѣшра. »Кому же бышь ворономъ?« Кинули жребій — и одна дѣвушка вышла изъ толпы. Левко принялся разглядывать ее. Лице, плашье, все на ней шакое же, какъ и на другихъ. Замѣшно шолько было, что она не охотно играла эшу роль. Толпа вышянулася вереницею и бышро перебѣгала ошъ нападеній хищнаго врага. »Нѣшъ, я не хочу бышь ворономъ!« сказала дѣвушка, изнемогая ошъ усшалосши. »Мнѣ жалко ошнимашъ цыпленковъ у бѣдной машери!« »Ты не вѣдьма!« подумалъ Левко. Кшо же будешъ ворономъ? Дѣвушки снова собирались кинушь жребій. »Я буду ворономъ!« вызваласъ одна изъ середины. Левко сшалъ присшально вглядывашься въ лицо ей. Скоро и смѣло

гналась она за вереницею и кидалась во все стороны, чтобы изловить свою жертву. Тутъ Левко спалъ замѣчая, что шло ея не такъ свѣшилось, какъ у прочихъ: внутри его видѣлось что-то черное. Вдругъ раздался крикъ: воронъ бросился на одну изъ вереницы и схватилъ ее, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти и на лицѣ сверкнула злобная радость. »Вѣдьма!« сказалъ онъ, вдругъ указавъ на нее пальцомъ и оборотившись къ дому. Паничка засмѣялась и дѣвушки съ крикомъ увели за собою предсавляющую ворона. »Чѣмъ наградишь себя, парубокъ? Я знаю, тебѣ не золото нужно: ты любишь Ганну; но суровый отецъ мѣшаетъ тебѣ жениться на ней. Онъ теперь не помѣшаетъ; возьми, отдай ему эту записку...« Бѣлая ручка прощянулась, лицо ея какъ-то чудно засвѣшилось и засіяло... Съ непоспимымъ шрепетомъ и помпешельнымъ біеніемъ сердца схватилъ онъ записку и... проснулся.

Пробужденіе.

» Не уже ли это я спалъ? « сказалъ про себя Левко, всшавая съ небольшого пригорка. » Такъ живо, какъ будто на яву!.. Чудно, чудно! « повшорилъ онъ оглядываясь. Мѣсяць, осшановившійся надъ его головою, показывалъ полночь; вездѣ шишина; ошь пруда вѣялъ холодъ; надъ нимъ печально сшоялъ вешхій домъ съ закры-

пыми сжавнями; мохъ и дикій бурьянъ показывали, что давно изъ него удалились люди. Тушъ онъ разогнулъ свою руку, которая судорожно была сжата во все время сна, и вскрикнулъ отъ изумленія, почувствовавши въ ней записку. »Эхъ, если бы я зналъ грамошъ!« подумалъ онъ, обращая ее передъ собою на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

» Небойшесь, прямо хватайте его! Чего спрусили? насъ десятокъ. Я держу закладъ, что это человекъ, а не чоршъ!« шакъ кричалъ Голова своимъ спутникамъ, и Левко увидѣлъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ коихъ инья дрожали отъ спраха. » Скидывай-ка, пріятель, свою спрашную личину! Полно тебѣ дурачить людей!« проговорилъ Голова, ухвативъ его за ворошъ и ошороцѣлъ, выпучивъ на него глазъ свой: » Левко! сынъ!« вскричалъ онъ, ошсупая отъ удивленія и опуская руки. » Это ты, собачій сынъ! вишь, бѣсовское рожденіе! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченной

дьяволь строишь штуки! А это выходишь все ты, невареной кисель своему батьке в горло, изволишь заводишь по улиць разбой, сочиняешь пѣсни!... Эге, ге, ге, Левко! А что это? Видно, чешется у тебя спина! Вязать его!»

» Посшой, батько! велѣно тебѣ отдать эту записочку, « проговорилъ Левко.

» Не до записокъ шеперь, голубчикъ! Вязать его!»

» Посшой, панъ Голова! « сказалъ писарь, развернувъ записку: » Комисарова рука! «

» Комисара? «

» Комисара? « повшорили машинально десяшскіе.

» Комисара? чудно! еще непоняшнѣе! « подумалъ про себя Левко.

» Читай, читай! « сказалъ Голова: » что шамъ пишешь Комисаръ? «

» Послушаемъ, что пишешь Комисаръ! « произнесъ винокуръ, держа въ зубахъ люльку и вырублявая огонь.

Писарь откашлялся и началъ читать: » *Приказъ Головъ, Евтуху Макогоненку.*
» *Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ,*

» влѣсто того, чтобы собрать прежнія
» недоимки и вести на сель порядокъ,
» одуртъль и строишь пакости... «

» Вошь, ей Богу! « прервалъ Голова:
» ничего не слышу! «

Шсарь началъ снова: » Приказъ Головъ,
» Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ,
» что ты, старый ду... «

» Сшой, сшой! не нужно! « закричалъ
Голова: » я хоть и не слышалъ; однако жъ
знаю, что главнаго шушь дѣла еще нѣшь.
Чишай далѣе! «

» А въ слѣдствіе того, приказываю тебѣ
» сей же часъ женить твоего сына, Левка
» Макогоненка, на козакѣ изъ вашего же
» села Ганнѣ Петрыженковой, а также под-
» гинить мосты на столбовой дорогѣ и
» не давать обывательскихъ лошадей безъ
» моего вѣдома судовымъ панигамъ, хотя
» бы они ѣхали прямо изъ казенной пала-
» ты. Если же, по пріѣздѣ моемъ, найду
» оное приказаніе мое неприведеннымъ въ
» исполненіе, то тебя одного потребую къ
» отвѣту. Колмисаръ, отставной порутчикъ
» Козьма Дерказь-Дришпановскій. «

» Вотъ что! « сказалъ Голова разинувши ротъ. » Слышите ли вы, слышите ли: за все съ Головы спросятъ, и пошому слушайтесь! непрекословно слушайтесь! не то, прошу извинить . . . А себя, « продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку: » въ слѣдующее приказаніе Комисара, хотя чудно мнѣ, какъ это дошло до него, я женю; только напередъ попробуешь ты нагайки! Знаешь шу, что виситъ у меня на стѣнѣ возлѣ покуша? Я поновлю ее завтра . . . Гдѣ ты взялъ эту записку? «

Левко, не смотря на изумленіе, происшедшее отъ такого неожиданнаго оборота его дѣла, имѣлъ благоразуміе пригосовить въ умѣ своемъ другой отвѣтъ и ушайтъ настоящую истину, какимъ образомъ досталась записка. » Я оплучался «, сказалъ онъ, » вчера ввечеру еще въ городѣ и встрѣшилъ Комисара, выльзавшаго изъ брычки. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ эту записку, и велѣлъ на словахъ тебѣ сказать, башько, что заѣдешь на возвращномъ пути къ намъ пообѣдашь. «

» Онъ эшо говорилъ? «

» Говорилъ. «

» Слышите ли? « говорилъ Голова съ важною осанкою оборошившись къ своимъ сопутникамъ: » Комисаръ самъ своею особою, пріѣдешъ къ нашему брашу, ш. е. ко мнѣ, на обѣдъ. О! « Тушъ Голова поднялъ палецъ вверхъ и голову привелъ въ шакое положеніе, какъ будшо бы она прислушивалась къ чему нибудь. » Комисаръ, слышите ли, Комисаръ пріѣдешъ ко мнѣ обѣдашь! Какъ думаешь, панъ писаръ, и шы, свашъ, эшо не совсѣмъ пусшая чесшь! Не правда ли? «

» Еще, сколько могу припомнишь, « подхвашилъ писаръ, » ни одинъ Голова не угощаль Комисара обѣдомъ. «

» Не всякой Голова Головъ чеша! « произнесъ съ самодовольнымъ видомъ Голова. Рошъ его покривился, и чшо-шо въ родѣ шяжелаго, хриплаго смѣха, похожаго болѣе на гудѣніе ошдаленнаго грома, зазвучало въ усшахъ. » Какъ думаешь, панъ писаръ, нужно бы для именишаго госшя дашь приказъ, чшо-бы съ каждой хашы принесли хошь по цыпленку, ну, полошна, еще коего чего... А?... «

» Нужно бы, нужно, пань Голова! «

» А когда же свадьбу, башько? « спросил Левко.

» Свадьбу? Даль бы я шебъ свадьбу!.. Ну, да для именишаго гостя... завшра васъ поць и обвѣнчаетъ. Чоршъ съ вами! Пусшь Комисаръ увидишь, чшо значишь исправносшь! Ну, ребяша, шеперь снашь! Сшуйайше по домамъ!.. Сегодняшній случай припомнилъ мнѣ шо время, когда я... « При сихъ словахъ, Голова пусшилъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ изъ подлобья.

» Ну, шеперь пойдешъ Голова рассказывать, какъ везъ Царицу! « сказалъ Левко и быстрыми шагами и радостно сбѣшилъ къ знакомой хашѣ, окруженной низенькими вишнями. » Дай шебъ Богъ небесное царство, добрая и прекрасная панночка! « думалъ онъ про себя. » Пусшь шебъ на шомъ свѣшъ, вѣчно усмѣхаешся между Ангелами свяшыми! Никому не расскажу про диво, случившееся въ эшу ночь; шебъ одной шолько, Галю, передамъ его. Ты одна шолько повѣришь мнѣ и вмѣстѣ со мною

помолишься за упокой души несчастной ушопленицы! « Тушь онъ приближился къ хашъ: окно было оппершо; лучи мѣсяца проходили чрезъ него и падали на спящую передъ нимъ Ганну; голова ея оперлась на руку; щеки тихо горѣли; губы шевелились, неясно произнося его имя. » Спи, моя красавица! Приснись тебѣ все, что есть лучшаго на свѣшъ; но и то не будетъ лучше нашего пробужденія! « Перекрестивъ ее, закрылъ онъ окошко и тихонько удалился. И чрезъ нѣсколько минушъ, все уже уснуло на селъ; одинъ шолько мѣсяцъ, также блистательно и чудно, плыль въ необъяшныхъ пустыняхъ роскошнаго Украинскаго неба. Также шоржесшвенно дышало въ вышинъ, и ночь, божесшвенная ночь, величесшвенно догорала. Также прекрасна была земля, въ дивномъ серебряномъ блескѣ; но уже никшо неупивался ими: все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка шолько перерывалось молчаніе лаемъ собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шашался по уснувшимъ улицамъ, ошыскивая свою хашу.

ПРОЩАВШАЯ ГРАМОТА.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА,

Б Ы Л Ь,

*разсказанная дьячком *** ской церкви.*

—

Такъ вы хотите, чтобы я вамъ еще разсказалъ про дѣда? — Пожалуй, почему же не пошѣшишь прибаушкой. Эхъ старина, старина! Чшо за радосшь, чшо за разгулье падешъ на сердце, когда услышишь про шо, чшо давно-давно и года ему и мѣсяца нѣшь, дѣялось на свѣшѣ! А какъ еще внушается какой нибудь родичь, дѣдъ или

прадѣдъ — ну, тогда и рукой махни: чшобъ мнѣ поперхнулось за Акафисшомъ великомученицѣ Варварѣ, если не чудишься, что вошь - вошь самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу, или прадѣдовская душа шалишь въ тебѣ... Нѣшъ, мнѣ пуще всего наши дѣвчаша и молодницы; покажись только на глаза имъ: **Оома Григорьевичъ! Оома Григорьевичъ!** *а нуте яку небудь страховинну казожку!* *а нуте, нуте!*... шара ша ша, ша ша ша, и пойдущъ и пойдущъ... Разскажашь-шо конечно не жаль, да заглянише-ка, что дѣлаешься съ ними въ постель. Вѣдь я знаю, что каждая дрожишь подъ одеяломъ, какъ будто бьешь ее лихорадка, и рада бы съ головою влѣзъ въ шулушь свой. Царяпни горшкомъ крыса, сама какъ нибудь задѣнь ногою кочергу, и Боже упаси! и душа въ пашкахъ. А на другой день ничего небывало; навязываешься съизнова: расскажи ей страшную сказку да и только. Чшо жъ бы такое разскажашь вамъ? Вдругъ не взбредешь на умъ... Да, разскажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ

дѣдомъ въ дурни (*). Только заранѣ прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку; а шо такой кисель выйдешъ, что совѣстно будешъ и въ рошъ взяшъ. Покойный дѣдъ, надобно вамъ сказать, былъ не изъ просшихъ въ свое время козаковъ. Зналъ и швердо-онъ-шо и словошшулу поставишъ. Въ праздникъ отхвапашешъ Ацосшода бывало такъ, что шенерь и поповичъ иной спрячешся. Ну, сами знаеше, что въ тогдашнїя времена, если собрашъ со всего Башурина грамошѣевъ, шо нѣчего и шапки подешавляшъ, въ одну горешъ можно было всѣхъ уложишъ. Сшало бышъ и дивишся нѣчего, когда всякой встрѣчной кланялся ему мало не въ поясъ.

Одинъ разъ, задумалось Вельможному Гешьману послашъ за чемъ-шо къ Царицѣ грамошу. Тогдашнїй полковый писарь, вошъ нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... *Вискрякѣ не Вискрякѣ, Мотузозка не Мотузозка, Голопуцекѣ не Голопуцекѣ...* знаю шолько, что какъ-шо чудно начинешся мудреное прозвище, — позвалъ

(*) Г. е. въ Дурачки.

къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что, вошѣ, наряжаешь его самъ Гешманъ гонцемъ съ грамошою къ Царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамошу зашилъ въ шапку; вывелъ коня; чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной отецъ хоть бы и нашего брата; и поднялъ шапку за собою пыль, какъ будто бы пятацашъ хлопцевъ задумали по середи улицы играшъ въ кашу. На другой день, еще пѣшухъ не кричалъ въ четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Коношопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что въ глазахъ рябѣло. Но такъ какъ было рано, то все еще дремало просянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ гуляка парубокъ съ покраснѣвшимъ, какъ снѣгирь, носомъ; подалѣ хранила сидя, перекупка съ кремнями, синькою, дробью и бубликами; подъ шелъгою лежалъ цыганъ; на возу съ рыбой чумакъ; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами и рукавицами. . . ну, всякаго сброду, какъ водится

по ярмаркамъ. Дѣдъ пріосшановилъся, чѣмъ разглядѣшь хорошенько. Между шѣмъ въ яшкахъ начало мало по малу шевелишья: жидовки сжали побрякивашь фляшками; дымъ покашило по шамъ, по сямъ кольцами, и запахъ горячихъ слашенъ понесся по всему шабору. Дѣду вспало на умъ, чѣмъ у него нѣшъ ни огнива, ни шабаку на гошовѣ: вошъ и пошелъ шаекашья по ярмаркѣ. Не успѣлъ пройти двадцати шаговъ — на встрѣчу Запорожець. Гуляка, и по лицу видно! Красные, какъ жаръ, шаровары, синій жупанъ, яркой цвѣшной поясъ, при боку сабля и люлька съ мѣдною цѣпочкою по самыя пяты — Запорожець да и шолько! Эхъ народецъ! сшанешъ, вышянишья, поведешъ рукою молодецкіе усы, брякнешъ подковами и — пушшья! да вѣдъ какъ пушшья: ноги опшясывающъ словно верешено въ бабьихъ рукахъ; чѣмъ вихоръ, дернешъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры, и шущъ же подпершья въ боки, несешья въ присядку; зальешья пѣсней — душа гуляешъ!... Нѣшъ, прошло времячко: не увидашъ больше

Запорожцевъ! Да: шакъ вспрѣшились; слово за слово, долго ли до знакомства? Пошли калякашь, калякашь, шакъ, чшо дѣдъ совсѣмъ уже было позабылъ про пушь свей. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ передъ посшомъ великимъ. Только видно наконецъ прискучило бишь горшки и швыряшь въ народъ деньгами, да и ярмаркѣ не вѣкъ же спояшь! Вошь сговорились новые пріятели, чшобъ не разлучашься и пушь держашь вмѣстѣ. Было давно подъ вечеръ, когда выѣхали они въ поле. Солнце убралось на опдыхъ; гдѣ-гдѣ горѣли вмѣсто него красноватая полоса; по полю песпрѣли нивы, чшо праздничныя плахшы чернобровыхъ молодежи. Нашего Запорожца раздобаръ взялъ спрашной. Дѣдъ и еще другой, приплевшійся къ нимъ гуляка, подумали уже, не бѣсъ ли засѣлъ въ него. Ошкуда чшо набиралось. Ишоріи и прісказки шакія диковинныя, чшо дѣдъ нѣсколько разъ хвашался за бока и чушь не надсадилъ своего живота со смѣху. Но въ полѣ шановилось чѣмъ далѣе, сумрачнѣе; и вмѣстѣ съ шѣмъ шановилась

несвязиѣе и молодецкая молвь. Наконецъ разскащикъ нашъ пришихъ совсѣмъ и вздрагиваль при малѣйшемъ шорохѣ. » Ге, ге, землякъ! да шы не на шушку принялся щипать совъ. Ужъ думаешь, какъ бы домой, да на пѣчь! « » Передъ вами нѣчего шайшьяся, « сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уславивъ на нихъ глаза свои. » Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому. « » Экая невидальщина! Кто на вѣку своемъ не знался съ нечистыми? Тушь-то и нужно гуляшь, какъ говоришя, на прахъ. « » Эхъ, хлопцы! гуляль бы, да въ ночь эшу срокъ молодцу! Эй, брашцы! « сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ, » эй, не выдайше! не поспише одной ночи! Вѣкъ не забуду вашей дружбы! « Почему жъ не пособишь человѣку въ шакомъ горѣ? Дѣдъ объявилъ напрямикъ, что скорѣе дастъ онъ ошрѣзашь оселедецъ съ собствѣнной головы, чемъ допустишь чорша понюхашь собачьей мордой своей христіанской души.

Козаки наши ѣхали бы можешъ и дальѣ, если бы не обволокло всего неба ночью,

словно чернымъ рядомъ и въ полѣ не
сшало также шемно, какъ подѣ овчин-
нымъ шулуномъ. Издали только мерещился
огонекъ и кони, чуя близкое стойло, шо-
ропились, насшорожа уши и вковавши очи
въ мракъ. Огонекъ, казалось, несся на
встрѣчу, и передѣ козаками показалея ши-
нокъ, повалившійся на одну шпорону, слов-
но баба на пуши съ веселыхъ кресшинъ.
Въ шѣ поры шинки были не шо, чшо ше-
перь. Доброму человѣку не шолько развер-
нушься, пріударить Горлицы или Гопака,
прилечь даже нѣгдѣ было, когда въ голову
заберешся хмѣль и ноги начнушь писашь
покой-онъ-по. Дворъ былъ усшавленъ весь
чумацкими возами; подѣ повѣшками, въ
ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись,
другой развернувшись, храпѣли какъ кошы.
Шинкаръ одинъ передѣ каганцемъ нарѣзы-
валь рубцами на палочкѣ, сколько кваршъ
и осьмухъ высушили чумацкія головы.
Дѣдъ, спросивши шрешъ ведра на троихъ,
ошправилъся въ сарай. Всѣ шрое легли ря-
домъ. Только не успѣлъ онъ повернушься,
какъ видишь, чшо его земляки спяшъ уже

мершвецкимъ сномъ. Разбудивши приславшаго къ нимъ прешьяго козака, дѣдъ напомнилъ ему про данное товарищу обѣщаніе. Тотъ привсхаль, прошеръ глаза и снова уснулъ. Нѣчего дѣлать, пришлось одному караулить. Чшобы чѣмъ нибудь разогнать сонъ, обсмошрѣлъ онъ возы всѣ, провѣдалъ коней, закурилъ люльку, пришелъ назадъ и сѣлъ опяшь около своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за сосѣдняго воза что-то сѣрое выказываетъ роги... Тутъ глаза его начали смыкаться шакъ, что принужденъ онъ былъ ежеминутно проширать кулакомъ и промывать оставшеюся водкой. Но какъ скоро немного прояснились они, все пропадало. Наконецъ, мало погодя, опяшь показывается изъ подъ воза чудовище... Дѣдъ вышаращилъ глаза, сколько могъ; но проклятая дремоша все шуманила передъ нимъ; руки его окосхенѣли; голова скахилась и крѣпкій сонъ схватилъ его шакъ, что онъ повалился словно убитый. Долго спалъ дѣдъ, и какъ припекло поря-

дочно уже солнце его выбришую макушу, тогда только схватился онъ на ноги. Пошянувшись раза два и почесавъ спину, замѣнилъ онъ, что возовъ сшояло уже не шакъ много, какъ съ вечера. Чумаки видно пошянулись еще до свѣша. Къ своимъ — козакъ спитъ, а Запорожца нѣшъ. Выспрашивашъ — никшо знашь не знаешъ; одна шолько верхняя свишка лежала на шомъ мѣсшѣ. Сшрахъ и раздумье взяло дѣда. Пошелъ посмошрѣшь коней — ни своего, ни Запорожскаго! Чшобы эшо значило? Положимъ, Запорожца взяла нечисшая сила; кто же коней? Сообразя все, дѣдъ заключилъ, что вѣрно чоршъ пришелъ пѣшкомъ, а какъ до пекла не близко, шо и сшянулъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ козацкаго слова. Ну, думаешъ, нѣчего дѣлашь, пойду пѣшкомъ: авось попадешся на дорогѣ какой нибудь барышникъ, ѣдушій съ ярмарки, какъ нибудь уже куплю коня. Только хватился за шапку — и шапки нѣшъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще помѣнялись они на время съ Запо-

рожцемъ. Кому больше ушатишь, какъ не нечистому. Вошь тебѣ и Гешьманскій го-нецъ! Вошь тебѣ и привезъ грамошу къ Царицѣ! Туть дѣдъ принялся угощать чорша такими прозвищами, что, думаю, ему не одинъ разъ чихалось тогда въ пеклѣ. Но бранью мало пособишь; а запылка сколько ни чесалъ дѣдъ, никакъ не могъ ничего придумать. Что дѣлалъ? Кинулся достать чужаго ума: собралъ всѣхъ бывшихъ тогда въ шинкѣ добрыхъ людей, чумаковъ и просто заѣзжихъ, и разска-залъ, что шакъ и шакъ, шакое-то приклю-чилось горе. Чумаки долго думали, под-перши башогами подбородки свои; крушили головами и сказали, что не слышали та-кого дива на крещеномъ свѣшѣ, чтобы Гешьманскую грамошу ушатишь чоршъ. Другіе же прибавили, что когда чоршъ, да Москаль украдушъ что нибудь — по поминай какъ и звали. Одинъ только шин-каръ сидѣлъ молча въ углу. Дѣдъ и под-сунулъ къ нему. Ужъ когда молчишь человекъ, то вѣрно зашибъ много умомъ. Только шинкаръ не шакъ-то былъ щедръ

на слова; и если бы дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за пашью злошыми, шо просшоль бы передъ нимъ даромъ. » Я научу тебя, какъ найши грамошу,« сказалъ онъ, ошводя его въ сторону. У дѣда и на сердцѣ ошлегло. » Я вижу уже по глазамъ, что шы козакъ — не баба. Смотри же! близко шинка будешъ поворошъ на право въ лѣсъ. Только спанешъ въ полѣ примеркашъ, что бы шы былъ уже на гошовѣ. Въ лѣсу живущъ цыганы и выходятъ изъ норъ своихъ, ковашъ желѣзо, въ шакую ночь, въ какую однѣ вѣдмы ѣздяшъ на кочергахъ своихъ. Чѣмъ они промышляющъ на самомъ дѣлѣ, знашъ тебѣ нѣчего. Много будешъ сшуку по лѣсу, только шы не иди въ шѣ стороны, ошкуда заслышишъ сшукъ; а будешъ передъ шобою малая дорожка, мимо обожженнаго дерева: дорожкой эшою иди, иди, иди... Спанешъ тебѣ шерновникъ царашъ, гусшой орѣшникъ заслоняшъ дорогу — шы все иди; и какъ придеши къ небольшой рѣчкѣ, шогда шолько можешъ ошановишъся. Тамъ и увидишъ кого нужно; да не позабудъ набрашъ въ

карманы того, для чего и карманы сдѣланы . . . Ты понимаешь, это добро и дьяволы, и люди любящъ. » Сказавши это, шинкаръ ушелъ въ свою кануру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человекъ, не шѣчшобы изъ трусливаго десяшка; бывало, встрѣшишь волка, шакъ и хващашь прямо за хвощъ; пройдешь съ кулаками промежъ козаками, всѣ, какъ груши, поваляшся на землю. Однако жъ, чшо-то подирало его по кожѣ, когда всшущилъ онъ въ шакую глухую ночь въ лѣсѣ. Хошь бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ винномъ подвалѣ; шолько слышно было, чшо далеко, далеко вверху, надъ головою, холодный вѣшеръ гулялъ по верхушкамъ деревъ, и деревья, чшо охмѣлѣвшія козацкія головы, разгульно покачивались, шопоча лисшьями пьяную молвь. Какъ вошь завѣяло шакимъ холодомъ, чшо дѣдъ вспомнилъ и про овчинный шулупъ свой, и в другъ словно шмо молошовъ засшучало по лѣсу шакимъ спукомъ, чшо у него завенѣло въ головѣ. И будшо зарницею,

освѣшило на минушу весь лѣсъ. Дѣдъ потчасъ увидѣлъ дорожку, пробирающуюся промежъ мѣлкимъ кустарникомъ. Вошъ и обожженное дерево и кусты шерновника! Такъ, все шакъ, какъ было ему говорено; нѣшъ, не обмануль шинкаръ. Однако жъ не совѣмъ весело было продирашья черезъ колючія кусты; еще ошъ роду не видываль онъ, чшобы прокляшыя шипы и сучья шакъ больно царапались: почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнушь. Мало по малу, выбрался онъ на просторное мѣсто и сколько могъ замѣшишь, деревья рѣдѣли и спановились, чѣмъ далѣе, шакія широкія, какихъ дѣдъ не видываль и по шу сторону Польши. Глядъ, между деревьями мелькнула и рѣчка, чорная, словно вороненая сшаль. Долго сшояль дѣдъ у берега, посмашривая на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь, и кажется вошъ, вошъ гошовишья погаснушь и снова ошевѣчиваешья въ рѣчкѣ, вздрагивавшей, какъ Польской шляхшичь въ козачьихъ лапахъ. Вошъ и мосшикъ! Ну, шущъ одна шолько чершовская шарашайка развѣ про-

ѣдешъ. Дѣдъ однако жъ ступилъ смѣло; и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ доспашъ рожокъ, понюхашъ шабаку, былъ уже на другомъ берегу. Теперь только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и шакиа смазливья рожки, что въ другое время Богъ знаешь чего бы не далъ, лишь бы ускользнулъ отъ этого знакомства. Но теперь нѣчего дѣлать, нужно было завязаться. Вошъ дѣдъ и ошвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ поясъ: » Помогай Богъ вамъ, добрые люди! « Хошь бы одинъ кивнулъ головой; сидяшъ, да молчашъ, да что-то сыплюшъ въ огонь. Видя одно мѣсто не занятымъ, дѣдъ безъ всякихъ околичностей сѣлъ и самъ. Смазливья рожки ничего; ничего и дѣдъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманъ: вынялъ люльку, посмошрѣлъ вокругъ — ни одинъ не глядишъ на него. » Уже добродѣйство, будешь ласковы: какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказашъ, того . . . (Дѣдъ живаль въ свѣшѣ не мало, зналъ уже какъ подпускашъ шурусы и при случаѣ пожалуй и предъ Царемъ не уда-

рилъ бы лицомъ въ грязь,) чшобы, при-
мѣрно сказашь, и себя не забышь, да и
вась не обидѣшь, — люлька-шо у меня
есть, да того, чемъ бы зажечь ее, *горть-ма*
(не имѣеся). « И на эшу рѣчь, хошь бы
слово; шолько одна рожа сунула горячую
головню прямехонько дѣду въ лобъ, такъ,
что если бы онъ немного не пошоронил-
ся, шо спашься можешъ, распрощался бы
на вѣки съ однимъ глазомъ. Видя нако-
нецъ, что время даромъ проходишь, рѣ-
шился — будешъ ли слушашь нечисное
племя, или нѣшъ — разсказашь дѣло. Ро-
жи и уши насшавили, и лапы прошянули.
Дѣдъ догадался; забралъ въ горшъ всѣ
бывшія съ нимъ деньги, и кинулъ словно
собакамъ имъ въ средину. Какъ шолько
кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ пере-
мѣшалось, земля задрожала, и какъ уже,
онъ и самъ разсказашь не умѣлъ, попалъ
чушь ли не въ самое пекло. Башюшки
мои! ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько:
что за чудища! рожи на рожѣ, какъ гово-
ришся, не видно. Вѣдъмъ шакая гибель,
какъ случается иногда на Рождешво вы-

падешъ снѣгу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько не было ихъ шамъ, какъ хмѣльные, ошплясывали какого-то чершовскаго пропака. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь бы проняла крещенаго челоуѣка при одномъ видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. Дѣда, не смотря на страхъ весь, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черши съ собачьими мордами, на Нѣмецкихъ ножкахъ, верся хвостами увивались около вѣдмъ, будшо парни около красныхъ дѣвушекъ; а музыканшы шузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свисшали носами, какъ въ волшорны. Только завидѣли дѣда — и шурнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя, лошадиныя рыла, всѣ повышягивались, и вошъ, шакъ и лѣзущъ цѣловашься. Плюнуль дѣдъ, шакая мерзость напала! Наконецъ схватили его и посадили за шоль, длиною можешъ съ дорогу, ошъ Коношопа до Башурина. Ну, эшо еще не совсѣмъ худо, подумалъ дѣдъ, завидѣвши на шолѣ свинину, колбасы, крошоной съ

капустой лукъ и много всякихъ сластей; видно дьявольская сволочь не держишь посшовъ. Дѣдъ шаки, не мѣшаешь вамъ знать, не упускалъ при случаѣ перехватишь того-сего на зубы. Ъдалъ покойникъ апешинно; и пошому, не распускаясь на рассказы, придвинулъ къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ вѣпчины; взялъ вилку, мало чѣмъ поменьше шѣхъ вилъ, кошорыми мужикъ беретъ сѣно, захватилъ ею самый увѣсисый кусокъ, подставилъ корку хлѣба и — глядь и отсправилъ въ чужой ротъ. Вошь-вошь, возлѣ самыхъ ушей, и слышно даже, какъ чья-шо морда жуешь и щелкаешь зубами на весь ешоль. Дѣдъ ничего; схватилъ другой кусокъ и вошь, кажись, и по губамъ зацѣпилъ, только оцашь не въ свое горло. Въ шрешій разъ, снова мимо. Взбѣ-ленился дѣдъ: позабылъ и страхъ, и въ чьихъ лапахъ находишся онъ. Прискочилъ къ вѣдьмамъ: » что вы, Иродово племя, задумали смѣяться что ли надо мною? Если не опдадише, сей же часъ, моей козацкой шапки, шо будь я кашоликъ,

когда не переверочу свиныхъ рыль вашихъ на зашылокъ! « Не успѣлъ онъ докончить послѣднихъ словъ, какъ всѣ чудовища выскалили зубы и подняли такой смѣхъ, что у дѣда на душѣ захолонуло. » Ладно! « провизжала одна изъ вѣдьмъ, кошорую дѣдъ почель за старшую надъ всѣми, пошому, что личина у ней была чущь ли не красивѣе всѣхъ; » шапку ошдадимъ шебѣ, шолько не прежде, пока сыграешь съ нами шри раза въ дурня! « Чшо прикажешь дѣлашь? Козаку съешь съ бабами въ дурня! Дѣдъ ошпирашься, ошпирашься, наконецъ съль. Принесли каршы, замасленные, какими шолько у насъ поповны гадаюшь про жениховъ. » Слушай же! « залаяла вѣдьма въ другой разъ: » если хошь разъ выиграешь, швоя шапка; когда же всѣ шри раза ошанешься дурнемъ, шо не прогнѣвайся, не шолько шапки, можешъ и свѣша болѣе не увидишь! « » Сдавай, сдавай, хрычовка! чшо будешъ, шо будешъ. « Вошь и каршы розданы. Взяль дѣдъ свои въ руки — смошрѣшь не хочешся, шакая дрянъ: хошь бы на смѣхъ одинъ козырь. Изъ масши

десяшка самая сшаршая, парѣ даже нѣшѣ; а вѣдьма все подваливаешѣ пшпериками. Пришлось осшашѣся дурнемѣ! Только что дѣдѣ успѣлъ осшашѣся дурнемѣ, какѣ со всѣхѣ споронѣ заржали, залаяли, захрюкали морды: дурень! дурень! дурень! » Чшобѣ вы перелопадисѣ, дьявольское племя! « закричалѣ дѣдѣ, зашыкая пальцами себѣ уши. Ну, думаетѣ, вѣдьма подшасовала; шеперь я самѣ буду сдавашѣ. Сдалѣ. Засвѣшилѣ козыря. Шоглядѣлъ на каршы: масшѣ хошѣ худа, козыри ешѣ. И сначала дѣло шло, какѣ нельзя лучше; шолько вѣдьма пшперикѣ съ королями! У дѣда на рукахѣ одинѣ козыри; не думая, не гадая долго, хвашѣ королей по усамѣ всѣхѣ козырями. » Ге, ге! да эшо не по козацки! А чѣмѣ шы кроешѣ, землякѣ? « » Какѣ чѣмѣ? козырями! « » Можешѣ бышѣ, по вашему эшо и козыри, шолько по нашему нѣшѣ! « Глядѣ — въ самомѣ дѣлѣ прешая масшѣ. Чшо за дьявольщина! Пришлось въ другой разѣ бышѣ дурнемѣ и чершанѣе пошло снова драшѣ горло: дурень! дурень! шакѣ, что ешоль дрожалѣ и каршы прыгали по ешолу. Дѣдѣ

разгорячился; сдалъ въ послѣдній. Опяшь идешь ладно, Вѣдьма опяшь пашерикъ; дѣдъ покрылъ и набралъ изъ колоды полную руку козырей. »Козырь!« вскричалъ онъ, ударивъ по столу каршою, шакъ, что ее свернуло коробомъ; ша, не говоря ни слова, покрыла вошьмеркою масши. »А чѣмъ ты, старой дьяволъ, бьешь!« Вѣдьма подняла каршу: подъ нею была просшая шесшерка. »Вишь, бѣсовское обморачиванье!« сказалъ дѣдъ и съ досады хвашилъ кулакомъ, что силы, по столу. Къ счастью еще, что у вѣдьмы была плохая масшь; у дѣда, какъ нарочно, на шу пору пары. Сталъ набирать каршы изъ колоды, шолько мочи нѣшь: дрянъ шакая лезешъ, что дѣдъ и руки опушилъ. Въ колодѣ ни одной каршы. Пошелъ, уже шакъ, не глядя, просшою шесшеркою; вѣдьма приняла. Вошь тебѣ на! это что? э, э, вѣрно, что нибудь да не шакъ! Вошь, дѣдъ каршы пошихоньку подъ столъ — и перекрестилъ; глядь — у него на рукахъ шузь, король, валешъ козырей; а онъ вмѣсто шесшерки спушилъ кралю; ну, дурень же

я былъ! » Король козырей! Чшо! приняла? а? Кошечье ошродье!.. А шуза не хочешь? Тузь! валешъ!... « Громъ пошелъ по пеклу; вѣдъму напали корчи, и ошкуда ни возъмись — шапка бухъ дѣду пряме-хонько въ лицо. » Нѣшъ, эшого мало! « закричалъ дѣдъ, прихрабрившись и надѣвъ шапку. » Если, сей часъ, не спанешъ передо мною молодецкой конь мой, то вошъ, убей меня громъ на эшомъ самомъ нечисшомъ мѣсшѣ, когда я не перекрещу свяшымъ кресшомъ всѣхъ васъ! « и уже было и руку поднялъ, какъ вдругъ загремѣли передъ нимъ конскія косши. » Вошъ шебѣ конь швой! « Заплакалъ, бѣдняга, глядя на нихъ, какъ дишя неразумное. Жаль сшараго шоварища! » Дайше жъ мнѣ какого нибудь коня, выбрашья изъ гнѣзда вашего! « Чоршъ хлопнулъ арапникомъ — конь, какъ огонь, взвился подъ нимъ, и дѣдъ, чшо пшица, вынесся на верхъ.

Сшрахъ, однако жъ, напалъ на него посреди дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводовъ, скакалъ черезъ провалы и болоша. Въ какихъ мѣсшахъ

онъ не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ разсказахъ. Глянулъ какъ-то себѣ подъ ноги — и пуще перепугался: пропасть! крушизна страшная! А сашанинскому живошному и нужды нѣтъ; прямо черезъ нее. Дѣдъ держашься: не шущь-шо было. Черезъ пни, черезъ кочки полешѣлъ спремглавъ въ проваль и такъ хвашился на днѣ его о землю, что кажись и духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ въ шо время, ничего не помнилъ; и какъ очнулся немного и осмошрѣлся, шо уже разсвѣло совсѣмъ; передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста и онъ лежалъ на крышѣ своей же хашы.

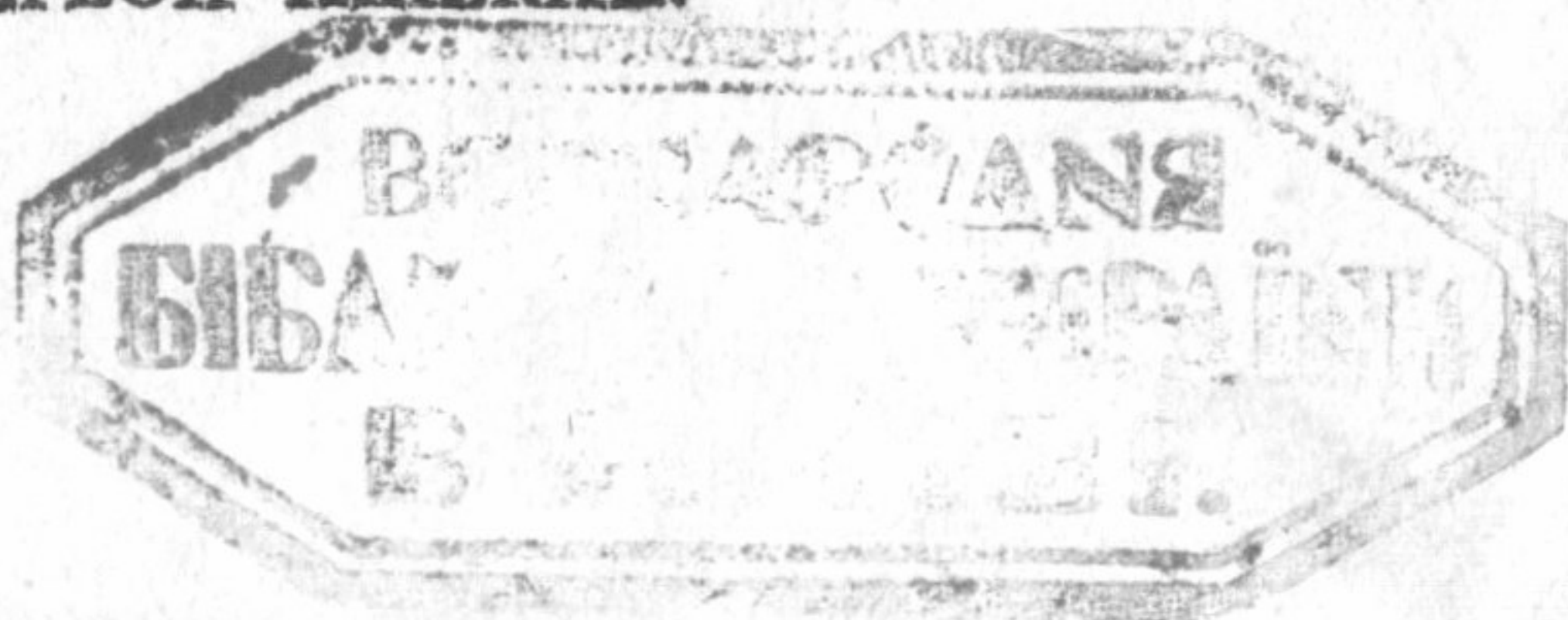
Перекрестился дѣдъ, когда слезъ долой. Экая чершовщина! что за пропасть, какія съ человѣкомъ чудеса дѣлаются! Глядь на руки — всѣ въ крови; посмошрѣлъ, въ стоявшую спорчмя, бочку съ водою — и лице также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣшей, входилъ онъ по шихоньку въ хашу; смошришь: дѣши пшяшя къ нему задомъ и въ испугъ указывающъ ему пальцами, говоря: »Дывысь,

дивысь, маты, мовъ дурна, скаже! « (*)
И въ самомъ дѣлѣ, баба сидишь, заснувши передъ гребнемъ, держишь въ рукахъ верешено и сонная подпрыгиваешь на лавкѣ. Дѣдъ взявши за руку пошихоньку, разбудилъ ее: «Здравствуй жена! здорова ли ты?» Та долго смошрѣла вышучивши глаза, и наконецъ уже узнала дѣда, и рассказала, какъ ей снилось, что печь ѣздила по хашѣ, выгоняя вонъ лопашою горшки, лоханки и чоршъ знаешь, что еще шакое. » Ну, говоришь дѣдъ, шебѣ во снѣ, мнѣ на яву. Нужно, вижу, будешь освятишь нашу хашу; мнѣ же, шеперь, мѣшкашъ нѣчего. « Сказавши это и ошдохнувши немного, дѣдъ досшалъ коня и уже не ошпанавливался ни днемъ, ни ночью, пока не доѣхалъ до мѣсна и не ошдалъ грамоты самой Царицѣ. Тамъ навидѣлся дѣдъ шакихъ дивѣ, что сшало ему на долго послѣ шого рассказывашъ: Какъ повели его въ палашы шакія высокія, что если бы хашѣ десяшь посшавишь одну на другую, и шогда можешъ бышь, не досшало бы.

(*) Смощри! смощри! машь, какъ сумашедшая, скачешъ!

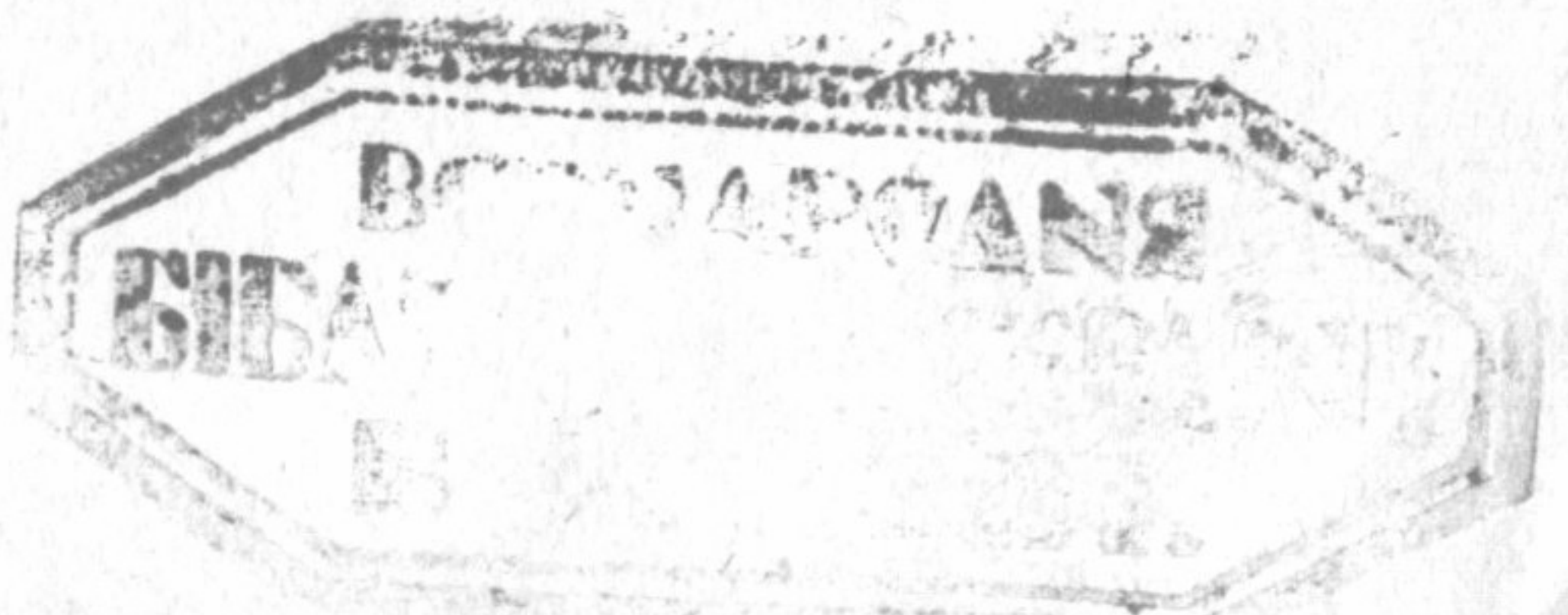
Какъ заглянулъ онъ въ одну комнашу — нѣшь; въ другую — нѣшь; въ шрешью — еще нѣшь; въ чешвершой даже нѣшь; да въ пяшой уже, глядь, сидишь сама, въ въ золошой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свишкѣ, въ красныхъ сапогахъ и золошыя галушки ѣшь. Какъ велѣла ему насыпашь цѣлую шапку *синицами*, какъ... всего и вспомнишь нельзя. Объ вознѣ своей съ чершями дѣдъ и думашь позабылъ, и если случалось, что кто нибудь и напоминалъ объ эшомъ, то дѣдъ молчалъ, какъ будшо не до него и дѣло шло, и великаго сшопло шруда упростишь его пересказашь все, какъ было. И видно уже въ наказаніе, что неспохвашился, шопчасъ послѣ шого, освяшишь хашу, бабѣ, ровно черезъ каждый годъ, и именно въ шо самое время, дѣлалось шакое диво, что шанцуешся, бывало, да и шолько. За что ни примешся, ноги зашѣвающъ свое, и вошь, шакъ и дергаешъ пушишся въ присядку.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стан.
Предисловіе	IV.
Сарочинская ярмарка	1
Вечеръ наканунѣ Ивана Купала	71
Майская ночь, или ушопленица	109
Пропавшая грамоша	137

Александр Невский

№ 8. 1836

Список.

P1
T-88